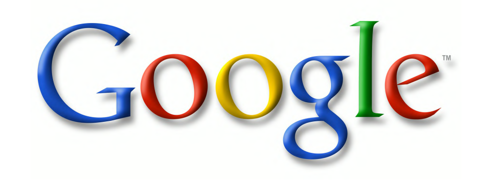

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЗАПИСКИ
ОБЪ ОСАДѢ
СЕВАСТОПОЛЯ.

ЗАПИСКИ

ОБЪ ОСАДѢ

СЕВАСТОПОЛЯ

Н. БЕРГА.

СЪ ДВУМЯ ПЛАНАМИ.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Цѣна за два тома 2 руб. 50 коп. сер.

МОСКВА.

Въ Типографіи Каткова и К°.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 25 августа 1857 г.

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во время службы моей въ Крыму, при Главномъ Штабѣ Южной арміи, я велъ записки ежедневнымъ событіямъ, случаямъ и встрѣчамъ, которымъ былъ свидѣтель и о которыхъ слышалъ. Эти записки сгорѣли у меня на фрегатѣ «Коварнѣ» 26 августа, 1855. Переѣхавъ въ лагерь на Инкерманъ, я записалъ немедля все, что̀ могъ припомнить. Въ послѣдствіи, въ Бахчисараѣ, въ Одессѣ и наконецъ въ Петербургѣ, при столкновеніи съ разными лицами, я провѣрилъ, дополнилъ и исправилъ записанное, и теперь рѣшаюсь издать въ свѣтъ, прибавивъ къ этому кое-что изъ напечатаннаго мною прежде о томъ-же предметѣ.

Издаваемыя записки вовсе не исторія осады: это просто мемуары частнаго лица, изложеніе, по возможности,

«всего», случившагося въ Севастополѣ въ то время, когда я находился тамъ на службѣ. — Тутъ читатель увидитъ и жизнь базара, и Маленькій бульваръ, и библіотеку; все это перемѣшано съ обыкновенными явленіями севастопольской жизни: бомбами, похоронами, битвами. Я старался не пропускать рѣшительно ничего, ибо все, что̀ мы видѣли, всѣ наши мелкія происшествія не были похожи на такія-же происшествія другихъ городовъ, а носили на себѣ особенный, осадный «севастопольскій» характеръ. — Все это выработалось въ воздухѣ Севастополя, и, мнѣ кажется, описаніе его безъ этихъ аксесуаровъ было-бы не полно.

Что̀ до военныхъ дѣйствій, — я выставилъ самыя любопытныя и яркія, которыхъ громъ долетѣлъ до васъ еще прежде. При описаніи ихъ, я имѣлъ въ виду, гдѣ это было можно, — сосредоточить вниманіе читателей около первыхъ лицъ, дабы знать всѣ предварительныя распоряженія и смотрѣть изъ центра. Я старался уяснить для незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ и не видавшихъ бомбъ, батарей и осады, все, что̀ издали кажется не такъ понятнымъ. Въ разсказахъ моихъ я употреблялъ самый простой языкъ, держась «народныхъ» севастопольскихъ названій, а иногда оставляя даже выраженія разскащиковъ-очевидцевъ, дабы ихъ языкомъ живѣе представить, «какъ показалось» въ извѣстную минуту и и въ извѣстномъ мѣстѣ то, о чемъ идетъ дѣло. Такія выраженія у меня отточены, или напечатаны курсивомъ.

Кромѣ личныхъ наблюденій и сообщеннаго очевидцами, коихъ считаю главнымъ и лучшимъ источникомъ, — я пользовался нѣкоторыми изданными у насъ и у Французовъ книгами по этому предмету. Въ описаніи дѣйствій союзниковъ руководствовался преимущественно Базанкуромъ, который жилъ 5 мѣсяцевъ при Главномъ Штабѣ Восточной арміи, для веденія историческихъ записокъ, и которому были доступны многіе оффиціальные документы.

Все собранное мною такимъ образомъ я оставилъ безъ всякихъ исключеній, хотя черезъ это одинъ пунктъ вышелъ ярче, а другой только очеркнутъ. При моихъ небольшихъ средствахъ, не было никакой возможности привести все къ одному знаменателю и уравнять всѣ тоны, особенности и подробности. Пусть иное перетягиваетъ: можетъ статься, кто нибудь другой дополнитъ именно то, чего у меня нѣтъ, а я, можетъ быть, напалъ на такіе слѣды, на которые не случится напасть другому. Мы, конечно, только вкладчики будущаго, но также должно помнить и то, что для составленія въ будущемъ полной и вѣрной исторіи настоящихъ событій, необходимы «наши» отрывочные труды, «наше» слово. Кто знаетъ: можетъ быть, если вы не скажете «вашего» слòва, его уже никто не скажетъ, и въ этомъ мѣстѣ останется навсегда пустая страница. И потому должно записывать все, что̀ знаешь, откинувъ всякую робость и не боясь, что напишешь мало.

Въ заключеніе прошу покорнѣйше господъ участниковъ и свидѣтелей всего изложеннаго, у кого найдется свободная минута, — сказать мнѣ откровенно, что̀ покажется имъ невѣрнымъ, исправить иную цыфру, внести пропущенное имя, адресуя свои замѣчанія въ редакцію Журнала Библіотеки для Чтенія.

СЕВАСТОПОЛЬ ВЪ ФЕВРАЛѢ

1855 ГОДА[1]).

Дорога изъ Кишенева въ Севастополь. — Пріѣздъ. — Первыя бомбы. — Сѣверная сторона. — Александръ Ивановичь. — Ночная схватка на новомъ редутѣ. — Толки. — Переѣздъ на Южную сторону. — Знакомство съ городомъ. — Опять Сѣверная сторона. — Госпитальные бараки и ампутаціи. — Посѣщеніе бастіоновъ. — Нахимовъ. — 4-й бастіонъ и мины. — Корабль и пароходъ. — Греки-волонтеры. — Ракета. — Малаховъ Курганъ. — Новый редутъ. — Отъѣздъ. — Чатырдагъ. — Бахчисарай. — Дворецъ Хана. — Фонтанъ Слезъ. — Дорожныя приключенія. — Кишиневъ.

Не могу не сказать нѣсколько словъ о самой дорогѣ въ Севастополь. На всякой дорогѣ не безъ приключеній. Я выѣхалъ изъ Кишинева съ однимъ гусарскимъ офицеромъ, 5 февраля,

---

1) Эта статья была прежде напечатана подъ названіемъ: «10 дней въ Севастополѣ».

ни Одессы, ни моря! Сѣрыя однообразныя зданія изъ мѣстнаго бута, который замѣняетъ тамъ кирпичъ, тянулись направо и налѣво. Мы ѣхали какимъ-то болотомъ, а не мостовой. Вотъ и Одесса! огромныя зданія, начавшія выростать одно за другимъ, показали намъ, что мы уже въ городѣ. Пошли вывѣски съ русскими и итальянскими надписями. «*Погребъ съ разными винами*» непремѣнно переводился: Cantina con diversi vini. Улицы также назывались по русски и по итальянски: *Конная* — Strada Konna; *Херсонская* — Strada Chersona; *Полицейская* — Strada della Polizia... А вотъ и море, и статуя Дюка!... Европейская гостинница, у которой мы остановились — одно изъ лучшихъ зданій въ городѣ, съ прекрасной ресторацiей. Насъ обдало блескомъ и сіяніемъ. Отдохнувъ минуту, среди всевозможнаго комфорта, я побѣжалъ на Щеголевскую батарею, которая была недалеко, подъ горой, на краю мола. Кругомъ шумѣло опустѣлое море. Щеголевская батарея очень проста, съ землянымъ брустверомъ. По дорогѣ я видѣлъ много сваленнаго камня. Готовятся новыя укрѣпленія. На зданіяхъ, идущихъ по горѣ, замѣтно нѣсколько пробоинъ ядрами. Статуя Дюка тутъ же, когда поднимешься на знаменитую воронцовскую лѣстницу. Мѣсто, гдѣ отлетѣлъ кусокъ въ осаду 11 апрѣля, (1854) задѣлано металломъ, со вставкою ядра.

Мы выѣхали ночью. Первыя двѣ станціи идутъ берегомъ моря, подлѣ самыхъ волнъ. Казалось, волны плескали въ колеса телеги, и шумъ ихъ отдавался въ тишинѣ, подобно раскату по мостовой тысячи экипажей. Было что-то особенное, что-то пріятное, укачивающее, въ этомъ ночномъ невидимомъ гулѣ... но вотъ гудящіе раскаты стали затихать. Дорога повернула влѣво. Мы пріѣхали въ селеніе Варваровку и опять къ ночи, а надо было переправляться черезъ Бугъ, версты двѣ по тонкому льду, который весь былъ въ окошкахъ. Опять не нашлось проводниковъ, и мы волей, или неволей переночевали

въ Варваровкѣ. На зарѣ явилось шесть человѣкъ такъ называемыхъ *лоцмановъ*, въ башлыкахъ, въ толстыхъ еуконныхъ сермягахъ и съ особенными желѣзками подъ сапогами, чтобы не раскатываться по льду. Они взяли наши вещи, и мы пошли гурьбою къ рѣкѣ. Но едва мы ступили на ледъ, какъ насъ понесло вѣтромъ. Никакъ нельзя было держаться, даже съ помощью подкованныхъ лоцмановъ; мы сѣли на салазки, куда сложены были наши вещи, и покатились. Вести было легко, по причинѣ дувшаго въ спину вѣтра. Мы служили парусомъ. Пятеро лоцманомъ, ухватясь за веревки, не шли, а бѣжали, подгоняемые санями. Шестой, съ небольшимъ багромъ въ рукѣ, шелъ, катясь, впереди и указывалъ дорогу, безпрестанно пробуя ледъ. Скоро мы очутились среди рѣки, на ледяной, и, казалось, безконечной равнинѣ. Кругомъ мело и крутило снѣжную пыль, и за нею нельзя было разглядѣть береговъ. Закутавшись въ шубу, я смотрѣлъ на синій, прозрачный ледъ, по глади котораго несло вьющимися полосами мелкія снѣжины, и, приглядѣвшись, казалось, что мимо насъ несутся волны... но вотъ, сквозь снѣжную пыль, стали являться зданія Николаева и деревья, похожія на неподвижный дымъ. Мы причалили и, оставивъ салазки подъ берегомъ, начали подыматься въ гору великолѣпнымъ садомъ, мимо бесѣдокъ, засыпанныхъ снѣгомъ. Николаевъ произвелъ на насъ самое выгодное впечатлѣніе: свѣтлые дома, прямыя, широкія улицы. Не потому ли все это такъ свѣтилось, что кругомъ сіялъ только что выпавшій снѣгъ, которому мы чрезвычайно обрадовались. Разумѣется, явясь на станцію, мы потребовали сани. Такъ-какъ къ снѣгу завернулъ и морозъ, то надо было купить теплые сапоги, или кеньги. Но кеньгъ мы не нашли въ цѣломъ Николаевѣ и обулись въ медвѣдя. За Николаевымъ становится замѣтнѣе однообразіе Херсонскихъ степей. Вплоть до Симферополя идетъ какъ бы одна и та же степь, исчерченная безчисленными дорогами, съ воз-

вышающимися кое-гдѣ извѣстными курганами. На станціяхъ не спрашивайте ничего: съ трудомъ найдется кусокъ чернаго хлѣба. Лѣнь и сонъ царствуютъ на всемъ необъятномъ пространствѣ степи. Лѣнь даже брать деньги. На бѣду мы попали туда въ такую пору, когда нельзя было скоро ѣхать. Чудеса происходили на станціяхъ. Это было переходное состояніе почтовыхъ дворовъ отъ частныхъ лицъ въ казнѣ. Мы пересѣли въ телегу, можно сказать, еще среди зимы: степью, по сторонамъ большой дороги, лежалъ снѣгъ и былъ прекрасный санный путь. Пришлось опять колотиться *по грудѣ*. На бѣду ямщикомъ попался Татаринъ, не говорившій по-русски и не знавшій дороги. Въѣхавъ въ Перекопъ, онъ подвезъ насъ къ какому-то дому и сказалъ: *пушта!* то есть, почта. Но это оказался частный домъ, а почта была еще далеко. Лошади не довезли и стали среди груды. Мы дошли пѣшкомъ и спросили, гдѣ трактиръ. Намъ указали черезъ дорогу на свѣтившееся зданіе. Мы перешли по мерзлымъ кочкамъ грязи, и нашимъ взорамъ предсталъ бильярдъ, на которомъ спалъ какой-то господинъ. Сонный трактирщикъ объявилъ, что ничего нѣтъ, все вышло! Мы вернулись на станцію и спросили у смотрителя: нѣтъ ли чего закусить? — Ничего нѣтъ! отвѣчалъ онъ. — Да нѣтъ-ли хоть чернаго хлѣба? — нѣтъ! — На полу, у печки, лежалъ какой-то казакъ: онъ сжалился надъ нами, всталъ и сказалъ, что найдетъ хлѣба. Черезъ нѣсколько времени онъ принесъ ломоть. — А соли? — Сейчасъ! — За солью надо было снова бѣжать черезъ улицу. Онъ принесъ и соли въ горсти и высыпалъ на столъ. Мы поспѣшили выѣхать. Безконечно тянулась степь со своими станціями. На одной изъ нихъ какой-то добрый геній въ видѣ русскаго полковника предложилъ намъ франзоль, т. е. французскій хлѣбъ, и мы напились съ нимъ чаю. Тутъ же, откуда ни возмись, нашъ обратный курьеръ изъ Севастополя. Онъ далъ намъ жареную куропатку и совѣтовалъ запастись съѣстнымъ въ Симферополѣ.

Но въ Симферополь мы попали ночью. Однако достучались въ гостинницѣ *Золотаго Якоря* и добыли ветчины. За Симферополемъ виды измѣнились: показались горы и въ небѣ орлы. Къ Бахчисараю горы стали выше, а дорога труднѣе. Поминутно приходилось переѣзжать глубокіе горные ручьи. Десятки конскихъ труповъ разбросаны были по садамъ и въ полѣ. Къ счастію, подъ самымъ Бахчисараемъ, — на ужасной станціи по глинистымъ косогорамъ, размытымъ тающими снѣгами, — намъ попался лихой ямщикъ, Русскій и вмѣстѣ Татаринъ. Онъ родился въ татарской деревнѣ, говорилъ бойко по-татарски и имѣлъ нѣкоторыя татарскія ухватки, но смѣтливость въ немъ осталась русская. Удивительно спускалъ онъ въ ручьи, объѣзжалъ косогоры, крича на Русскихъ по-русски, по-татарски на Татаръ, которые шли при обозахъ, запряженныхъ волами и верблюдами. Онъ былъ боекъ на все, зналъ названія горъ и переводилъ ихъ по-русски. «А знаешь ты Чатырдагъ?» — Какъ не знать! По русски Палатъ-гора; но отсюда ея не видать, а видно съ Алминской станціи, и то въ ясную погоду! — Съ этимъ лихачемъ мы подъѣхали къ Бахчисараю, ища глазами ханскихъ дворцовъ, съ ихъ садами и фонтанами. Но они были въ концѣ города, который весь остался влѣвѣ. Заѣзжать было некогда. На станціи, окруженной нѣсколькими домиками, какъ бы выселками изъ города, мы велѣли переложить лошадей, а между тѣмъ зашли къ Жиду закусить. Какой-то офицеръ сидѣлъ уже за столомъ и завтракалъ. На окнѣ подлѣ него стояла машинка съ музыкой, которую онъ безпрестанно заводилъ. Только что она перестанетъ, онъ сейчасъ въ карманъ за ключемъ, — тррр! тррр! — и пошла опять музыка. Жидовка подала намъ преизрядный супъ и жаркое. Мы пообѣдали исправно, и притомъ подъ музыку. Поѣхали опять между горами, обгоняя безчисленные обозы. Виды становились лучше и лучше. И вотъ Дуванка, послѣдняя станція передъ Севастополемъ! Почтовый дворъ — длинненькій

домикъ татарскаго покроя, съ черепичной крышей, и сзади — высокія горы.

Село раскинуто ниже, въ лощинѣ, домъ надъ домомъ; а за ними опять идутъ горы синей полосой, и по ней свѣтлѣющими столбами встаютъ снизу пирамидальные тополи. Вся Дуванка просится въ картину. Мы поѣхали удивительными мѣстами. Направо, надъ нами, высились горы, въ выдавшимися индѣ каменными утесами, на которыхъ были видны слѣды плескавшаго въ нихъ когда-то моря, такъ по крайней мѣрѣ казалось. По гребнямъ иныхъ поднебесныхъ холмовъ чернѣли низкіе, приземистые дубчики, прицѣпившіеся подобно грибамъ. А налѣво, внизу, темнѣли сады, съ густовѣтвистыми грушами и чистымъ, веселымъ орѣхомъ. Посрединѣ бѣжала какая-то рѣчка, и разбросанныя хаты лепились по утесамъ; а за ними, дальше, горы и горы.... Но сердце билось, и намъ было не до видовъ. Неужели тутъ, сейчасъ, Севастополь? непріятели? осада? Мы въѣхали на горы и ожидали скоро увидѣть городъ. Оставалось верстъ шесть-семь; но Севастополь не появлялся. Казалось, мы въѣзжали на послѣднюю гору, за которой долженъ былъ открыться городъ; но за этой горой слѣдовала еще другая, выше, и еще испытаніе нашему терпѣнію. Городъ показывается не ближе, какъ верстахъ въ четырехъ. — Отдаленная гора и по ней разсыпаны строенія. Впереди синяя бухта съ кораблями. Направо и налѣво горы, а вдали море и тоже корабли. Когда мы подъѣзжали, не было никакихъ выстрѣловъ, ничего. «Гдѣ же непріятель? гдѣ наши?» Ямщикъ-Татарченокъ ничего не могъ намъ объяснить и, притомъ, едва говорилъ по-русски. Сперва онъ указалъ на палатки влѣво и сказалъ: «вотъ тутъ Французъ!» а потомъ, поворочавшись немного, сказалъ: «нѣтъ, тутъ не Французъ, а Французъ тамъ!» Мы больше его не распрашивали и все глядѣли на городъ, ожидая выстрѣловъ. Немного погодя, прямо противъ насъ, но очень далеко, какъ бы

за городомъ, взвилась бомба; уже вечерѣло и потому было видно ея полетъ, обозначавшійся огненной полосой. Потомъ поднялось еще двѣ-три въ перекрестку, слабый звукъ долетѣлъ послѣ. Мы все ѣхали прямо, спускаясь въ лощину. Налѣво, очень близко, у бухты, показалось нѣсколько домиковъ, похожихъ одинъ на другой. Дорога поворотила вправо, и мы остановились у станціи — довольно большаго каменнаго дома, съ огромными закоптѣлыми окошками. Предполагалось много комнатъ, но комната, принадлежащая станціи, была одна, — и что за комната! Въ углу, направо за досками, былъ ссыпанъ овесъ; въ другомъ стояла кровать смотрителя; налѣво, подъ окнами, еще кровать, на которой спалъ какой-то офицеръ; посрединѣ былъ устроенъ столъ, изъ доски на двухъ камняхъ; на окнахъ и по угламъ стояли ружья и полусабли. У печки, въ родѣ лежанки, сидѣли на разныхъ почтовыхъ тюкахъ и на чемъ попало нѣсколько офицеровъ, въ шинеляхъ и въ фуражкахъ, или въ папахахъ; кипѣлъ самоваръ, и виднѣлась бутылка съ ромомъ. Еще нѣсколько лежали на овсѣ. Полъ былъ каменный [1]). Мы вынули изъ телеги вещи, бросили тутъ же въ кучу на полъ, и пошли являться по начальству.

Штабъ расположенъ въ одномъ изъ немногихъ однообразныхъ домиковъ, или такъ называемыхъ бараковъ, которые мы видѣли, подъѣзжая, у бухты. Въ остальныхъ помѣщаются госпитали. Затѣмъ идетъ небольшая площадь; пройдя ее, къ бухтѣ, налѣво же, стоятъ два каменные сарая; тотчасъ за ними пристань, и домикъ въ одинъ этажъ, въ три окна, въ которомъ жилъ главнокомандующій [2]). Отъ этого домика на право въ гору — четвертый номеръ укрѣпленія [3]), и рядомъ палатка, называемая *Одесской*

---

[1]) Въ Севастопольскомъ Альбомѣ, изданномъ мною, рисунокъ 2-й.

[2]) Тамъ же рисунокъ 4-й.

[3]) Не надо смѣшивать этого укрѣпленія съ 4-мъ бастіономъ, находившимся на Южной сторонѣ.

вышающимися кое-гдѣ извѣстными курганами. На станціяхъ не спрашивайте ничего: съ трудомъ найдется кусокъ чернаго хлѣба. Лѣнь и сонъ царствуютъ на всемъ необъятномъ пространствѣ степи. Лѣнь даже брать деньги. На бѣду мы попали туда въ такую пору, когда нельзя было скоро ѣхать. Чудеса происходили на станціяхъ. Это было переходное состояніе почтовыхъ дворовъ отъ частныхъ лицъ въ казнѣ. Мы пересѣли въ телегу, можно сказать, еще среди зимы: степью, по сторонамъ большой дороги, лежалъ снѣгъ и былъ прекрасный санный путь. Пришлось опять колотиться *по грудѣ*. На бѣду ямщикомъ попался Татаринъ, не говорившій по-русски и не знавшій дороги. Въѣхавъ въ Перекопъ, онъ подвезъ насъ къ какому-то дому и сказалъ: *пушта̀!* то есть, почта. Но это оказался частный домъ, а почта была еще далеко. Лошади не довезли и стали среди груды. Мы дошли пѣшкомъ и спросили, гдѣ трактиръ. Намъ указали черезъ дорогу на свѣтившееся зданіе. Мы перешли по мерзлымъ кочкамъ грязи, и нашимъ взорамъ предсталъ бильярдъ, на которомъ спалъ какой-то господинъ. Сонный трактирщикъ объявилъ, что ничего нѣтъ, все вышло! Мы вернулись на станцію и спросили у смотрителя: нѣтъ ли чего закусить? — Ничего нѣтъ! отвѣчалъ онъ. — Да нѣтъ-ли хоть чернаго хлѣба? — нѣтъ! — На полу, у печки, лежалъ какой-то казакъ: онъ сжалился надъ нами, всталъ и сказалъ, что найдетъ хлѣба. Черезъ нѣсколько времени онъ принесъ ломоть. — А соли? — Сейчасъ! — За солью надо было снова бѣжать черезъ улицу. Онъ принесъ и соли въ горсти и высыпалъ на столъ. Мы поспѣшили выѣхать. Безконечно тянулась степь со своими станціями. На одной изъ нихъ какой-то добрый геній въ видѣ русскаго полковника предложилъ намъ франзоль, т. е. французскій хлѣбъ, и мы напились съ нимъ чаю. Тутъ же, откуда ни возмись, нашъ обратный курьеръ изъ Севастополя. Онъ далъ намъ жареную куропатку и совѣтовалъ запастись съѣстнымъ въ Симферополѣ.

Но въ Симферополь мы попали ночью. Однако достучались въ гостинницѣ *Золотаго Якоря* и добыли ветчины. За Симферополемъ виды измѣнились: показались горы и въ небѣ орлы. Къ Бахчисараю горы стали выше, а дорога труднѣе. Поминутно приходилось переѣзжать глубокіе горные ручьи. Десятки конскихъ труповъ разбросаны были по садамъ и въ полѣ. Къ счастію, подъ самымъ Бахчисараемъ, — на ужасной станціи по глинистымъ косогорамъ, размытымъ тающими снѣгами, — намъ попался лихой ямщикъ, Русскій и вмѣстѣ Татаринъ. Онъ родился въ татарской деревнѣ, говорилъ бойко по-татарски и имѣлъ нѣкоторыя татарскія ухватки, но смѣтливость въ немъ осталась русская. Удивительно спускалъ онъ въ ручьи, объѣзжалъ косогоры, крича на Русскихъ по-русски, по-татарски на Татаръ, которые шли при обозахъ, запряженныхъ волами и верблюдами. Онъ былъ боекъ на все, зналъ названія горъ и переводилъ ихъ по-русски. «А знаешь ты Чатырдагъ?» — Какъ не знать! По русски Палатъ-гора; но отсюда ея не видать, а видно съ Алминской станціи, и то въ ясную погоду! — Съ этимъ лихачемъ мы подъѣхали къ Бахчисараю, ища глазами ханскихъ дворцовъ, съ ихъ садами и фонтанами. Но они были въ концѣ города, который весь остался влѣвѣ. Заѣзжать было некогда. На станціи, окруженной нѣсколькими домиками, какъ бы выселками изъ города, мы велѣли переложить лошадей, а между тѣмъ зашли къ Жиду закусить. Какой-то офицеръ сидѣлъ уже за столомъ и завтракалъ. На окнѣ подлѣ него стояла машинка съ музыкой, которую онъ безпрестанно заводилъ. Только что она перестанетъ, онъ сейчасъ въ карманъ за ключемъ, — тррр! тррр! — и пошла опять музыка. Жидовка подала намъ преизрядный супъ и жаркое. Мы пообѣдали исправно, и притомъ подъ музыку. Поѣхали опять между горами, обгоняя безчисленные обозы. Виды становились лучше и лучше. И вотъ Дуванка, послѣдняя станція передъ Севастополемъ! Почтовый дворъ — длинненькій

веселъ. Онъ не можетъ говорить съ вами безъ улыбки, нѣсколько плутоватой, выражающей больше самодовольствіе, нежели смѣхъ; больше «ты, молъ, тамъ что̀ ни толкуй, а мы знаемъ, что̀ знаемъ.» Костюмъ его — пальто или шинель, подпоясанная крестъ на крестъ шарфомъ; на головѣ — особенный картузъ, немного старомодный. Черезъ плечо перекинута сумка, гдѣ про̀пасть всякой мелочи; но онъ ея никому не даетъ и умѣетъ всегда такъ открыть сумку, что вы не увидите денегъ, или увидите два двугривенныхъ и рублевую бумажку. «Вотъ послѣднія!» скажетъ вамъ Александръ Ивановичь. Въ его сумкѣ двадцать перегородокъ.... Таковъ Александръ Ивановичь. Онъ напоилъ меня чаемъ и потомъ моего товарища, который, между тѣмъ, подошелъ; взялъ съ насъ не дорого, дешевле кишиневскаго. Порція у него, какъ и въ городѣ, по таксѣ, установленной Остенъ-Сакеномъ [1]) — двадцать-пять копѣекъ. Провизія свѣжая, прекрасная. Однако, надо было проститься съ Александромъ Ивановичемъ и подумать о переправѣ. У насъ не было ни пароходовъ, ни кораблей для ночевки. Мы спустились прямо подъ гору, къ пристани; но шлюпки уже перестали ходить: было семь часовъ, а послѣ этого часу запрещено плаваніе по бухтѣ. Мы постояли у моря, поглядѣли на чернѣющія массы кораблей и пошли на станцію. Въ комнатѣ, которая за два часа кипѣла народомъ, не было ни души. Я осмотрѣлъ вещи: онѣ лежали, какъ были положены. Немного спустя стали приходить тѣ же офицеры и располагаться спать на овсѣ. Мы съ товарищемъ легли тутъ же и черезъ минуту заснули. Часа въ три утра меня разбудило какое-то движеніе и шумъ. Слышно было сильную стрѣльбу. Я всталъ и вышелъ за ворота; тамъ уже толпилась кучка народу. Встали два-три офицера и толко-

---

[1]) Генералъ-адъютантъ баронъ (нынѣ графъ) Остенъ-Сакенъ былъ тогда начальникомъ гарнизона въ Севастополѣ.

за городомъ, взвилась бомба; уже вечерѣло и потому было видно ея полетъ, обозначавшійся огненной полосой. Потомъ поднялось еще двѣ-три въ перекрестку, слабый звукъ долетѣлъ послѣ. Мы все ѣхали прямо, спускаясь въ лощину. Налѣво, очень близко, у бухты, показалось нѣсколько домиковъ, похожихъ одинъ на другой. Дорога поворотила вправо, и мы остановились у станціи — довольно большаго каменнаго дома, съ огромными закоптѣлыми окошками. Предполагалось много комнатъ, но комната, принадлежащая станціи, была одна, — и что за комната! Въ углу, направо за досками, былъ ссыпанъ овесъ; въ другомъ стояла кровать смотрителя; налѣво, подъ окнами, еще кровать, на которой спалъ какой-то офицеръ; посрединѣ былъ устроенъ столъ, изъ доски на двухъ камняхъ; на окнахъ и по угламъ стояли ружья и полусабли. У печки, въ родѣ лежанки, сидѣли на разныхъ почтовыхъ тюкахъ и на чемъ попало нѣсколько офицеровъ, въ шинеляхъ и въ фуражкахъ, или въ папахахъ; кипѣлъ самоваръ, и виднѣлась бутылка съ ромомъ. Еще нѣсколько лежали на овсѣ. Полъ былъ каменный [1]). Мы вынули изъ телеги вещи, бросили тутъ же въ кучу на полъ, и пошли являться по начальству.

Штабъ расположенъ въ одномъ изъ немногихъ однообразныхъ домиковъ, или такъ называемыхъ бараковъ, которые мы видѣли, подъѣзжая, у бухты. Въ остальныхъ помѣщаются госпитали. Затѣмъ идетъ небольшая площадь; пройдя ее, къ бухтѣ, налѣво же, стоятъ два каменные сарая; тотчасъ за ними пристань, и домикъ въ одинъ этажъ, въ три окна, въ которомъ жилъ главнокомандующій [2]). Отъ этого домика на право въ гору — четвертый номеръ укрѣпленія [3]), и рядомъ палатка, называемая *Одесской*

---

[1]) Въ Севастопольскомъ Альбомѣ, изданномъ мною, рисунокъ 2-й.

[2]) Тамъ же рисунокъ 4-й.

[3]) Не надо смѣшивать этого укрѣпленія съ 4-мъ бастіономъ, находившимся на Южной сторонѣ.

Гостинницей[1]). Еще правѣе, по горѣ, идутъ палатки торгующихъ разными съѣстными припасами. Тутъ же палатки одной роты Якутскаго полка; множество разныхъ экипажей — тарантасовъ, телегъ, жидовскихъ будъ, молдаванскихъ каруцъ, татарскихъ арбъ — наставлено тутъ же безъ всякого порядка. Лошади, верблюды, волы кормятся подлѣ, и при нихъ безотлучно живутъ ихъ хозяева. Подъ возами лаютъ собаки. Вы видите вѣчное движеніе въ гору и съ горы къ бухтѣ, на пристани и около бараковъ. Солдаты, ямщики, Татары, Молдаваны и Русскіе снуютъ взадъ и впередъ, то пѣшіе, то верхами. Но больше всего солдатъ и офицеровъ. Поднявшись на гору, мимо четвертаго номера, вы увидите позади его большой оврагъ, по тамошнему *балку*, и новую бухту, на берегу которой разбросано нѣсколько домиковъ; потомъ гора и новая балка, и въ ней опять строенія и бухта. Вдали, на выдавшихся мысахъ, огромными массами выдвигаются два фо̊рта: Михайловскій и Константиновскій, которые обыкновенно носятъ имя батарей или казармъ[2]). Гораздо правѣе и ближе идетъ укрѣпленіе, называемое Сѣвернымъ — и вотъ *вся Сѣверная сторона*. Однако же это не городъ: городъ за главной бухтой, его видно отвсюду, но до него полторы версты водой, хотя и кажется ближе. Вы видите множество зданій, раскинутыхъ по горѣ и подымающихся неровными зубцами по ея окраинѣ. Выше всѣхъ стоитъ библіотека. Сокровища ума царствуютъ надъ городомъ, не боясь никакихъ выстрѣловъ. Лѣвѣе, почти прямо противъ Сѣверной пристани, идетъ еще гора, также покрытая строеніями. На третьей горѣ ихъ уже меньше, и наконецъ идутъ голыя горы, которыхъ возвышенныя точки заняты нашими и непріятель-

---

[1]) Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 3-й.

[2]) Тамъ же рисунокъ 32-й.

скими батареями. Осады не видать: она тамъ, за краемъ, и оттуда взлетываютъ бомбы.

Я отдѣлался раньше товарища и пошелъ въ Одесскую гостинницу. Хозяинъ палатки, между прочимъ, нашъ военный маркитантъ, какъ-то скоро со мной познакомился. Его зовутъ Александръ Ивановичь. Въ его палаткѣ чего хочешь, того просишь: на полу, у самой парусинной стѣнки, стояли боченки съ виномъ, масломъ, икрой и селедками. На нихъ — банки съ огурцами, грибами, пикулями. На прилавкѣ, посрединѣ, громоздились ящики съ конфектами, сигарами, сухарями; подъ потолкомъ качалась рядами сушеная рыба, колбасы, харьковскіе крендели. Иныя гирлянды попортившихся лимоновъ и никуда негодной колбасы висѣли единственно для симметріи. Въ задней части палатки, изъ трехъ кирпичиковъ, сложена была печь, вѣчно дымящаяся: тамъ пекли блины, поджаривали рыбу.... Три расторопныхъ прикащика бѣгали изъ угла въ уголъ, услуживая безконечнымъ посѣтителямъ, изъ которыхъ кто сидѣлъ, кто стоялъ. Найти мѣсто было трудно. Два небольшіе столика, по обѣ стороны ширмъ, на которыхъ собирались ночевать куры, были уже заняты. Александръ Ивановичь устроилъ мнѣ пристанище на прилавкѣ и обѣщалъ напоить чаемъ; а чай у него отличный, московскій, и лучшая въ городѣ вода, чистая, какъ стекло, пропускаемая сквозь машину. Съ тѣхъ поръ, какъ непріятели заняли рѣку, жители довольствуются колодцами. Но Александръ Ивановичь беретъ воду въ какой-то Голландіи, верстахъ въ двухъ отъ города, откуда носятъ ее солдаты въ боченкахъ и получаютъ отъ него по чаркѣ водки и, кромѣ того, особое награжденіе деньгами. Всѣмъ дѣло до Александра Ивановича и всѣ его знаютъ. Онъ извѣстенъ даже первымъ сановникамъ города. Александръ Ивановичь никогда не ночуетъ въ палаткѣ, потому что тамъ холодно, а имѣетъ пріютъ на ночь на пароходѣ, а не то на кораблѣ. Александръ Ивановичь всегда

веселъ. Онъ не можетъ говорить съ вами безъ улыбки, нѣсколько плутоватой, выражающей больше самодовольствіе, нежели смѣхъ; больше «ты, молъ, тамъ что̀ ни толкуй, а мы знаемъ, что̀ знаемъ.» Костюмъ его — пальто или шинель, подпоясанная крестъ на крестъ шарфомъ; на головѣ — особенный картузъ, немного старомодный. Черезъ плечо перекинута сумка, гдѣ пропасть всякой мелочи; но онъ ея никому не даетъ и умѣетъ всегда такъ открыть сумку, что вы не увидите денегъ, или увидите два двугривенныхъ и рублевую бумажку. «Вотъ послѣднія!» скажетъ вамъ Александръ Ивановичь. Въ его сумкѣ двадцать перегородокъ.... Таковъ Александръ Ивановичь. Онъ напоилъ меня чаемъ и потомъ моего товарища, который, между тѣмъ, подошелъ; взялъ съ насъ не дорого, дешевле кишиневскаго. Порція у него, какъ и въ городѣ, по таксѣ, установленной Остенъ-Сакеномъ [1] — двадцать-пять копѣекъ. Провизія свѣжая, прекрасная. Однако, надо было проститься съ Александромъ Ивановичемъ и подумать о переправѣ. У насъ не было ни пароходовъ, ни кораблей для ночевки. Мы спустились прямо подъ гору, къ пристани; но шлюпки уже перестали ходить: было семь часовъ, а послѣ этого часу запрещено плаваніе по бухтѣ. Мы постояли у моря, поглядѣли на чернѣющія массы кораблей и пошли на станцію. Въ комнатѣ, которая за два часа кипѣла народомъ, не было ни души. Я осмотрѣлъ вещи: онѣ лежали, какъ были положены. Немного спустя стали приходить тѣ же офицеры и располагаться спать на овсѣ. Мы съ товарищемъ легли тутъ же и черезъ минуту заснули. Часа въ три утра меня разбудило какое-то движеніе и шумъ. Слышно было сильную стрѣльбу. Я всталъ и вышелъ за ворота; тамъ уже толпилась кучка народу. Встали два-три офицера и толко-

---

[1]) Генералъ-адъютантъ баронъ (нынѣ графъ) Остенъ-Сакенъ былъ тогда начальникомъ гарнизона въ Севастополѣ.

вали, что̀ бы значила эта стрѣльба; а солдаты, стоявшіе около насъ, разсуждали такъ: «ишь ты расходился! то было смолкъ, а то опять! давно ужь такъ не палилъ!» О непріятелѣ говорятъ здѣсь обыкновенно въ третьемъ лицѣ: *онъ*, *палилъ*, *смолкъ*... Бомбы огненными полосами рѣзали небо, тамъ, далеко, на краю; а лѣвѣе, на бугрѣ, шла частая ружейная перестрѣлка. Я поглядѣлъ немного и, ничего не понимая и порядочно озябши, воротился на овесъ и опять уснулъ. Товарищъ мой и не просыпался. Мы встали утромъ довольно поздно и узнали, что было дѣло на новомъ редутѣ, у Киленбалки, и что наши крѣпко *его* побили. Взявъ вещи, мы отправились къ переправѣ, но хотѣли зайти къ Александру Ивановичу. Солдаты, несшіе вещи за нами, сказали, что будутъ ждать насъ — тамъ, у пристани, въ сараѣ. Мы махнули рукой и поднялись въ гору къ Одесской гостинницѣ.

Александръ Ивановичъ встрѣтилъ насъ разсказомъ о славномъ ночномъ дѣлѣ и указалъ черезъ бухту мѣсто, гдѣ дрались. Толпившіеся въ палаткѣ офицеры только и говорили, что объ этомъ дѣлѣ. Слышались разныя вѣсти, полкѝ перепутывались, начальники также. Не было двухъ сходныхъ показаній, между тѣмъ, событіе было такъ недавно и такъ недалеко....

A pomyślałem w duszy, cóż są gminne dzieje?
Popiół, w którym zaledwie iskra prawdy tleje;
Hieroglif mchem zarosłe zdodiący kamienie.
Napis, którym spowite usneło znaczenie;
Odgłos sławy wiejący przez lat oceany,
Odbity o wypadki, o kłamstwa złamany,
Godzien śmiechu uczonych.... Lecz nim się zaśmieje,
Niechaj powié uczony: «Czém są wszystkie dzieje?» [1])

---

[1]) «И подумалъ я въ душѣ: что̀ такое народное повѣствованіе? Пепелъ, въ которомъ едва тлѣетъ искра правды; гіероглифъ, украшающій поросшія мхомъ каменья; надпись, которою повитое уснуло значеніе; отголосокъ славы,

Впослѣдствіи я распрашивалъ у самихъ Волынцевъ и Селенгинцевъ, а еще позже прочелъ у Французовъ, и въ настоящую минуту могу разсказать объ этомъ дѣлѣ нѣсколько точнѣе и подробнѣе, нежели разсказалъ моимъ читателямъ, печатая въ первый разъ «10 дней въ Севастополѣ».

9-го февраля (1855), въ сумерки, мы заложили на Корабельной сторонѣ, влѣво отъ Киленбалки, редутъ, получившій потомъ названіе Селенгинскаго. Работа[1]) шла очень тихо, по причинѣ каменистаго грунта земли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ должно было употреблять взрывы. Къ вечеру, 11-го февраля, ровъ передъ правымъ фасомъ редута, — гдѣ грунтъ былъ немного податливѣе, — углубленъ аршина на два, а съ лѣваго фаса не болѣе аршина, и поставлены туры[2]), но орудія ввезены еще не были.

Французы тотчасъ замѣтили наши новыя работы. Канроберъ 11-го числа, утромъ, лично осмотрѣлъ мѣстность изъ ближайшихъ траншей и далъ приказаніе Генералу Боске́ атаковать наши новые верки.

Боске́ назначилъ для этого: 2 батальона зуавовъ[3]) (500 человѣкъ каждый), 1 батальонъ 4-го морскаго полка, 1 баталь-

---

вѣющій черезъ океаны лѣтъ, обитый о случайности, изломанный объ ложь, достойный смѣха ученыхъ..... Но прежде, чѣмъ засмѣется, пускай скажетъ ученый, что̀ такое всякое повѣствованіе, всякая исторія». . (Popas w Upicie.)

[1]) Работали три батальона Селенгинскаго полка.

[2]) Круглыя плетенки изъ прутьевъ, вышиною въ полчеловѣческаго роста. Изъ нихъ дѣлали брустверà и траверсы батарей, насыпая туръ землею и камнями. Въ Севастопольскомъ Альбомѣ туры можно видѣть на рисункахъ: 11, 35 и 37-мъ.

[3]) Зуавами называются у Французовъ особыя войска, имѣющія свою форму: куртку изъ синяго сукна, вышитую разноцвѣтными шнурками, всегда разстегнутую. Подъ нею родъ манишки. Галстука на шеѣ нѣтъ. Алыя широкія шаровары съуживаются въ концѣ ноги, немного ниже колѣна, какъ у Турокъ, и на поясѣ обхватываются широкимъ шарфомъ. Обувь составляютъ осо-

онъ 6-го линейнаго и 1 батальонъ 10-го линейнаго полковъ[1]). Генералъ Меранъ, командующій 3-й дивизіей 2-го корпуса, избранъ управлять атакой, а на дѣлѣ атака поручена генералу де Моне́.

Въ 11 часовъ все было готово. Французскія войска помѣстились въ траншеяхъ, сзади второй паралели. Справа батальонъ зуавовъ, подъ командой Лакретеля и полковника Клера; въ центрѣ моряки, съ генераломъ де Моне́; Слѣва другой батальонъ зуавовъ, подъ командой Дарбуа.

Два батальона 6-го и 10-го линейнаго полковъ, подъ командой подполковника Дюбо́, должны прикрывать наступленіе.

У насъ въ это время на заложенномъ редутѣ находились два

быя сандаліи, а иногда и башмаки. На головѣ красная феска съ синей кистью. — О происхожденіи зуавовъ написано во Франціи нѣсколько статей, съ тѣхъ поръ, какъ зуавы, по возвращеніи изъ Крыма, вошли въ моду. Вотъ что говоритъ объ нихъ журналъ Voleur, заимствуя свои свѣдѣнія изъ статьи Лео Леспеса: »батальоны зуавовъ состояли первоначально изъ Кабиловъ, племени Зуауа, отборныхъ пѣхотинцевъ Алжирскаго Дея, которыхъ взялъ во французскую службу маршалъ Клозель, въ 1830 году. Мало по малу къ зуавамъ стали прибавлять лучшихъ солдатъ французской арміи, усвоившихъ себѣ жизнь туземцевъ. Нынѣ въ зуавскихъ полкахъ собраны самыя разнообразныя стихіи. Большинство представителей приходится на долю Парижа. На роту (125 ч.) полагаютъ: десять медицинскихъ студентовъ, некончившихъ курса; пять докторовъ правъ, возлюбившихъ военное ремесло; десятокъ всякого сброда изъ Антуанскаго предмѣстья, притона Парижской сволочи; отъ восьми до двѣнадцати разжалованныхъ унтеръ-офицеровъ; полдюжины разорившихся промышленниковъ; остальное — блудные сыны всѣхъ восьмидесяти шести департаментовъ. Старыхъ кадровыхъ солдатъ, отличенныхъ шевронами, называютъ въ зуавскихъ полкахъ «Магометами». Обыкновенное прозвище зуава — «шакалъ», и еще «chargadeur», то есть человѣкъ, который умѣетъ воспользоваться чѣмъ-нибудь чужимъ, для матеріяльныхъ наслажденій, умно, ловко и смѣло.»

[1]) Такъ говоритъ Базанкуръ: l'expédition de Crimée, livre 1, p. 187. Но по словамъ плѣнныхъ, взятыхъ нами въ этотъ день, у нихъ было: 3 батальона зуавовъ, 2 батальона Венсенскихъ стрѣлковъ, 1 батальонъ моряковъ и весь 43-й линейный полкъ. Въ резервѣ стояла дивизія Англичанъ.

полка: Волынскій весь (до 2-хъ тысячъ человѣкъ) и 3 батальона Селенгинскаго, (до 1500 ч.). 4-й батальонъ этого полка оставался въ Корабельной и приходилъ на работу днемъ, а тѣ три уходили. — Кромѣ того были небольшія команды саперъ, моряковъ и человѣкъ 12—15 пластуновъ. Всего навсе находилось на редутѣ около 4-хъ тысячъ человѣкъ.

Расположеніе войскъ было таково: 4-й батальонъ Волынскаго полка стоялъ въ цѣпи, передъ редутомъ. Шагахъ въ 30-ти отъ этой цѣпи, подлѣ проходившей тутъ саперной дороги, помѣщались пластуны, съ есауломъ своимъ Даниленкой [1]). На-

---

[1]) Это не было ихъ назначеніемъ только на эту ночь. Пластуны постоянно, (съ конца 1854 г.) держали секреты впереди всего лѣваго фланга и доносили о движеніяхъ непріятеля. Ихъ главнымъ пребываніемъ, *Штабъ-квартирой* есаула Даниленки, былъ старый туннель, пробитый въ скалѣ изъ Троицкой въ Георгіевскую балку, для водопровода. Тамъ, на вѣчномъ сквозномъ вѣтру, пребывали эти молодцы, занавѣсившись рогожками. Выйдя изъ туннеля, они бродили впереди всей Корабельной и забивались иногда довольно далеко. Однажды, въ концѣ 1854 года, они добрались до редута Викторіи и оригинально сняли часоваго, стащивъ его съ вала особопридуманнымъ крючкомъ. Они употребляли потомъ эти крючки нерѣдко. Кромѣ того придумали еще какія-то веревки, которыя протягивали по землѣ, во время ночныхъ вылазокъ, и роняли бѣгущихъ непріятелей. У 10-го пластуна была такая веревка, длиною въ нѣсколько сажень; и у каждаго тонкая бичевка въ 3 четверти. Этими бичевками пластуны вязали своихъ плѣнныхъ, и вязали опять-таки не просто, а по своему: стягивали имъ только 2 большихъ пальца, руки назадъ, и потомъ одной бичевкой сцѣпляли трехъ-четырехъ вмѣстѣ. Такая кучка была послушна малѣйшему движенію, какъ одинъ человѣкъ, и не требовала много провожатыхъ. Эти веревочные способы ронять и вязать непріятеля, точно какого звѣрка, — ce mode etrange de combat — бѣсили ужасно Англичанъ и Французовъ. Послѣ нашей вылазки съ 4-го бастіона, 2-го генваря 1855 г., гдѣ пластуны въ особенности разшалились своими веревками и крючками, — главнокомандующій Французской арміи рѣшился написать объ этомъ къ начальнику войскъ Южной стороны Севастополя: «Sans vouloir affirmer, заключаетъ онъ свое письмо: que l'emploi de ces moyens soient contraires aux règles de la guerre, il m'est peut-être permis de dire, en me servant d'une vieille expression française: «que ce ne sont point là des armes courtoises». (Не желая утверждать, чтобы

лѣво и направо отъ нихъ были секреты въ двухъ пунктахъ, по 3 человѣка въ каждомъ. 3-й батальонъ Волынскаго полка находился между цѣпью и редутомъ, шагахъ въ полутораста отъ послѣдняго. 1-й и 2-й батальоны того же полка стояли направо и налѣво, также сзади цѣпи, подкрѣпляя ея оконечности.

2-й и 3-й батальонъ Селенгинскаго полка работали внутри редута, имѣя ружья въ ко̀злахъ, за валомъ, сзади. 1-й батальонъ того же полка работалъ во рву, на переднемъ и правомъ фасѣ, имѣя ружья также въ козлахъ, за валомъ вправо.

По тревогѣ внутренніе батальоны, т. е. 2-й и 3-й, должны были занять банкетъ; а 1-й батальонъ, выйдя изо рва, долженъ былъ построиться, противъ праваго исходящаго угла, въ колонны къ атакѣ, и поддержать правый флангъ Волынскаго полка.

Первая половина ночи, съ 11-го на 12-е февраля, была чрезвычайно свѣтла; но не задолго до разсвѣта, луна закатилась, на небѣ сгустились тучи и настала непроницаемая тьма.

Мы никакъ не ожидали нападенія.

Въ 3-мъ часу ночи Французы подошли безъ выстрѣла, густой массой, имѣя впереди каждаго батальона по 2 роты авангарда, и небольшія команды саперъ, съ шанцевымъ инструментомъ.

Есаулъ Даниленко, услыхавъ впереди шумъ, послалъ къ генералу Хрущову, командиру храбрыхъ Волынцевъ, казака, который не успѣлъ добѣжать, какъ уже сзади пластуновъ загремѣли выстрѣлы и раздались крики, подобные нашему «ура»: Французы прорвались сквозь цѣпь въ нѣсколькихъ мѣстахъ и бросились на редутъ со всѣхъ сторонъ, преимущественно съ лѣваго фланга. Иные, хватаясь за туры, еще не насыпанные землей,

---

эти средства были противны правиламъ войны, я позволяю себѣ замѣтить, пользуясь одною старой поговоркой Французовъ, «что это оружіе вовсе неучтиво»).

сторона съ ея трупами побѣжала прочь. Мы прошли мимо корабля «Храбрый»; за нимъ виднѣлся корабль «Великій Князь Константинъ»; ялики и катера неслись навстрѣчу, мчались вдали; то стихалъ, то раздавался снова плескъ веселъ, дружно ударявшихъ по водѣ, — и вотъ ближе и ближе удивительный городъ, ярче и ярче пестрѣющая масса зданій... Мы пролетѣли мимо Павловской батареи, этихъ страшныхъ пушечныхъ рядовъ, всегда готовыхъ заревѣть... вотъ и берегъ! «Шабашъ!» крикнулъ рулевой; веслы попадали въ яликъ. Одинъ гребецъ вскочилъ съ багромъ на носъ и уцѣпился за каменья.... Перевозъ въ двѣ версты стоитъ копѣйку серебромъ! Иные платятъ нѣсколько дороже, но, кажется, не выше трехъ копѣекъ.

Пристань кипѣла народомъ. Налѣво, у кучи складенныхъ ядеръ, бабы торговали яблоками, яйцами и разными разностями; шумѣло нѣсколько самоваровъ со сбитнемъ; толпились солдаты, матросы, мужики... Къ намъ подбѣжали носильщики, предлагая услуги. Одинъ хотѣлъ забрать все; но мы взяли двухъ и пошли налѣво по широкой улицѣ, нѣсколько въ гору. Направо показалось прекрасное зданіе Благороднаго Собранія, гдѣ былъ въ настоящее время перевязочный пунктъ [1]). Передъ нимъ, на площадкѣ, стояли пушки и сложены были въ кучахъ ядра. Позади этого зданія, высоко вверху, виднѣлся бульваръ Казарскаго, и на немъ памятникъ этому герою: на бѣломъ пьедесталѣ темная, чугунная трирема. Свѣтло глядѣлъ Севастополь. Направо и налѣво шли красивые дома и между ними соборъ, обращенный къ бухтѣ. Подлѣ него другая отстраиваемая церковь, и тутъ же, поперекъ улицы, баррикада изъ бѣлаго камня [2]). Но ничего разрушеннаго. Народъ двигался по улицамъ, попадались

---

[1]) Часть улицы, о которой я говорю, изображена въ Севастопольскомъ Альбомѣ на рисункѣ № 25. Домъ Собранія — рисунокъ 23. Памятникъ Казарскаго — рисунокъ 6.

[2]) Все это въ Севастопольскомъ Альбомѣ на рисункѣ № 5.

вправо, какъ было предположено заранѣ. Полковникъ Сабашинскій разсыпалъ впереди цѣпь, изъ одной роты, и двинулъ батальонъ прямо въ гору, частію исполняя диспозицію, а частію имѣя въ виду воспрепятствовать обходному движенію непріятеля съ нашего праваго фланга. Пройдя шаговъ 500, онъ остановился и зная, что Французы должны быть гдѣ-нибудь близко, послалъ унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ впередъ цѣпи, ползкомъ. Они проползли нѣсколько шаговъ и потомъ воротились съ извѣстіемъ, что двѣ колонны непріятеля стоятъ въ лощинѣ очень недалёко. По всѣмъ вѣроятностямъ, это были два батальона 6-го и 10-го линейныхъ полковъ. Немного спустя наши услышали разговоръ офицеровъ съ солдатами: офицеры побуждали солдатъ идти впередъ.

Полковникъ Сабашинскій, собравъ цѣпь, велѣлъ ударить наступленіе и наши съ крикомъ ура бросились въ штыки. Послѣ краткаго сопротивленія, Французы бѣжали въ Георгіевскую балку, изъ которой, какъ казалось, вышли.

Въ этой стычкѣ ранено 2 французскихъ офицера, человѣкъ 30 убито и столько же взято въ плѣнъ.

Но влѣво и сзади все еще кипѣлъ бой. Подошедшіе къ Киленбалкѣ пароходы «Владиміръ», «Громоносецъ» и «Херсонесъ» стали пускать по непріятелю бомбы и гранаты. Къ нимъ присоединился и корабль «Чесьма», стоявшій неподалеку на якорѣ. Выстрѣлы ихъ ложились довольно удачно и это окончательно смѣшало непріятеля. Французы отступили, устилая трупами горы и балки. Одинъ зуавъ ухватилъ за воротъ командира Волынцевъ, генерала Хрущева, и потащилъ къ своимъ рядамъ, но бывшій подлѣ гарнистъ ударилъ зуава на-отмашь пипкой трубы въ голову и убилъ наповалъ.

Французы потеряли въ этой схваткѣ до 500 человѣкъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ 14 офицеровъ (9 убито и 5 взято въ плѣнъ ранеными. Одинъ совершенно цѣлый взятъ на

валу; однихъ зуавовъ выбыло изъ строю 330 человѣкъ. Мы потеряли убитыми и ранеными: 5 оберъ-офицеровъ и 302 человѣка нижнихъ чиновъ.

Должно отдать справедливость: Французы дрались отлично. Я слышалъ имъ похвалы отъ многихъ офицеровъ и солдатъ, участвовавшихъ въ бою. Русскій человѣкъ на это честенъ: онъ никогда не обойдетъ похвалой своего врага, если врагъ того стоитъ; и никто съ такой охотой и такъ простодушно не хвалитъ, какъ Русскій человѣкъ.

Баронъ Остенъ-Сакенъ писалъ на 3-й день къ главнокомандующему французской арміи, между прочимъ, слѣдующее: je m'empresse de vous prévenir que vos braves soldats morts, qui sont restés entre nos mains dans la nuit du 23, ont été inhumés avec tous les honneurs dus à leur intrepidité exemplaire [1]).

Этихъ храбрыхъ, числомъ около ста, похоронили (12 февр. утромъ) почти на самомъ мѣстѣ боя, не много ниже редута [2]). Было вырыто двѣ большихъ ямы: въ одной положили офицеровъ, 9 человѣкъ; въ другой нижнихъ чиновъ, въ три ряда, въ томъ платьѣ, въ какомъ они были подняты. Зуавы имѣли широкіе шерстяные кушаки: ихъ размотали и закрыли ими покойникамъ глаза и потомъ засыпали землей. Католическій священникъ отслужилъ панихиду. Въ это время рота солдатъ сдѣлала залпъ изъ ружей. Точно также хоронили и нашихъ.

Это были довольно рѣдкіе похороны въ Севастополѣ. Впослѣдствіи, когда осада приняла болѣе серьозные размѣры, уже некогда было заниматься подобными церемоніями, да и не достало-бы рукъ.

---

1) «[illegible] васъ [illegible], что ваши [illegible] храбрые солдаты, оставшіеся въ нашихъ рукахъ послѣ [illegible] 23 февраля, похоронены со всѣми почестями, подобающими ихъ [illegible]».

2) Художественный Листокъ [illegible]

Читатель увидитъ ниже, какъ производились обыкновенные Севастопольскіе похороны.

Въ рапортѣ своемъ князю Меньшикову, отъ 12 февраля, за № 927, баронъ Остенъ-Сакенъ также отдалъ честь храбрости Французовъ, выразившись въ заключеніе такъ: «рукопашный бой продолжался часъ и Французы сражались героями, но русскій грозный штыкъ въ рукахъ удалыхъ Волынцевъ и Селенгинцевъ одолѣлъ, и осуществилъ отзывъ 12-го февраля — *натискъ*.»

Напившись чаю у Александра Ивановича, мы спустились къ пристани. Наши солдаты стояли и ожидали насъ при вещахъ, подлѣ сарая, куда свозили убитыхъ. Тутъ мы увидѣли нѣсколько жертвъ ночной схватки, подобранныхъ послѣ погребенія, о которомъ я сейчасъ сказалъ. Русскіе и Французы лежали рядомъ въ однѣхъ рубашкахъ и нижнемъ платьѣ, безъ обуви. Въ головахъ у Русскихъ теплились восковыя свѣчи, приткнутыя къ землѣ. Страшный видъ! Блѣдныя лица, кровь, тяжелыя раны. Я насчиталъ тридцать труповъ. Два зуава поразили меня своей красотой. Они оба были черноволосые; волосы раскинулись космами по землѣ; высокіе лбы, правильныя черты, небольшіе усы и бороды; у одного были голубые глаза и выраженіе лица близкое къ восточному. Каленкоровыя сорочки были чисты, брюки красные. У другаго я замѣтилъ голубой шарфъ, и этотъ несчастный былъ еще нѣсколько живъ Высокая грудь, пробитая пулей, подымалась, и онъ шевелилъ рукой. Но черезъ минуту, кажется, онъ уже не жилъ. Въ углу лежалъ, тоже убитый пулей, молодчина, русскій фельдфебель, весь въ крови.... Мы вышли, спѣша освѣжиться отъ тягостнаго впечатлѣнія.

«На Графскую, на Графскую!» кричали у пристани: это означало — на Графскую пристань, въ городъ. Я шелъ машинально по доскамъ, и скоро волны закачали яликъ — Сѣверная

ное строеніе въ одинъ этажъ. Внутри стоятъ кровати въ два ряда, направо и налѣво. Надъ ними родъ шкапчиковъ, куда больные кладутъ свои вещи. Въ операціонномъ баракѣ оставлена нѣкоторая пустота при входѣ, гдѣ ставится столъ или кровать для операцій. Дальше, на кроватяхъ, лежали Русскіе и Французы, раненые въ послѣднее дѣло. Французовъ было трое, и всѣ зуавы: капитанъ и два солдата. Капитану только что отняли ногу. Онъ глядѣлъ очень бодро. У него было славное лицо; большая эспаньолка съ просѣдью, и густые, короткіе усы. Бѣлая повязка на головѣ въ видѣ чалмы дѣлала его похожимъ на Араба. Онъ лежалъ довольно далеко отъ дверей, вблизи которыхъ собирались дѣлать операцію одному русскому солдату, раненому пулей въ локоть. Все столпилось около этого солдата: четыре доктора осматривали рану; твѣ-три сестры милосердія [1]) готовили инструменты, бинты, корпію, воду; нѣсколько солдатъ устанавливали кровать. Въ это время я подошелъ къ капитану. Онъ обратился ко мнѣ и просилъ дать знать, что онъ съѣхалъ на одинъ край кровати и можетъ упасть:

— Это моя смерть! прибавилъ онъ.

— Да не могу ли я вамъ помочь?

— Ну, нагнитесь!

Я нагнулся, онъ обхватилъ руками мою шею; но едва я сталъ приподнимать его, какъ онъ опустилъ въ изнеможеніи руки:

— Нѣтъ.... оставьте, оставьте! сказалъ онъ: — вы очень скоро!...

Черезъ минуту мы принялись снова, и въ три пріема я положилъ его какъ надо. Налѣво подлѣ него лежалъ зуавскій сол-

---

[1]) О службѣ сестеръ милосердія въ Крымскихъ госпиталяхъ и о времени прибытія ихъ въ Севастополь говорится въ особо-приложенной статьѣ, въ концѣ книги.

и женщины; всего болѣе, конечно, было военныхъ, солдатъ и офицеровъ, — и все это въ шинеляхъ, въ длинныхъ сапогахъ сверхъ брюкъ и въ фуражкахъ. Нигдѣ эполетъ или кивера! Городъ смотрѣлъ такъ, что не вѣрилось, будто онъ въ осадѣ. Къ тому же, ни выстрѣла! Мы прошли около версты до первой гостинницы Шнейдера: нѣтъ ни одного нумера! Спросили дальше, у Томаса [1]): тотъ же отвѣтъ! Что было дѣлать? Мы вспомнили объ одномъ пріятелѣ, совоспитанникѣ по Московскому Университету, К*, бывшемъ на ординарцахъ при Остенъ-Сакенѣ. Мы нашли его спящимъ. Въ ночь, наканунѣ, онъ былъ при командующемъ войсками, въ дѣлѣ, и усталъ. Но сонъ прошелъ въ минуту при встрѣчѣ со старыми знакомыми; студенческое, московское сердце заговорило. Онъ жилъ тѣсно, втроемъ съ двумя другими офицерами, въ небольшой комнаткѣ, и потому пріютить насъ не могъ, но пока пріютилъ наши вещи. Мы и тому были рады. Отпустили носильщиковъ, разговорились и забыли думать, гдѣ будемъ ночевать. Судьба послала намъ пріютъ: явился одинъ гусарскій офицеръ и предложилъ намъ номеръ у Шнейдера; онъ занималъ два, и ему было много. Мы сейчасъ же перебрались. Я былъ въ нетерпѣніи видѣть скорѣе городъ, бастіоны, осаду; но оказалось, что вдругъ сдѣлать этого нельзя. На бастіоны нужно проводниковъ; притомъ, Севастополь не похожъ на другіе города: чтобы ходить по немъ, необходима нѣкоторая привычка, а нето вы устанете на первой полуверстѣ: онъ весь въ горахъ и балкахъ. Обыкновенныхъ улицъ, похожихъ на всякія другія улицы, немного: пять-шесть во всемъ Севастополѣ; остальное — это холмы и косогоры, покрытые строеніями, и между ними идутъ неправильные переулки, безъ мостовой и тротуаровъ; часто даже не переулки, а не знаешь, какъ назвать: стоитъ стоймя гора; въ ней врыты

[1]) Обѣ гостинницы на рисункѣ № 25.

ное строеніе въ одинъ этажъ. Внутри стоятъ кровати въ два ряда, направо и налѣво. Надъ ними родъ шкапчиковъ, куда больные кладутъ свои вещи. Въ операціонномъ баракѣ оставлена нѣкоторая пустота при входѣ, гдѣ ставится столъ или кровать для операцій. Дальше, на кроватяхъ, лежали Русскіе и Французы, раненые въ послѣднее дѣло. Французовъ было трое, и всѣ зуавы: капитанъ и два солдата. Капитану только что отняли ногу. Онъ глядѣлъ очень бодро. У него было славное лицо; большая эспаньолка съ просѣдью, и густые, короткіе усы. Бѣлая повязка на головѣ въ видѣ чалмы дѣлала его похожимъ на Араба. Онъ лежалъ довольно далеко отъ дверей, вблизи которыхъ собирались дѣлать операцію одному русскому солдату, раненому пулей въ локоть. Все столпилось около этого солдата: четыре доктора осматривали рану; твѣ-три сестры милосердія [1]) готовили инструменты, бинты, корпію, воду; нѣсколько солдатъ устанавливали кровать. Въ это время я подошелъ къ капитану. Онъ обратился ко мнѣ и просилъ дать знать, что онъ съѣхалъ на одинъ край кровати и можетъ упасть:

— Это моя смерть! прибавилъ онъ.

— Да не могу ли я вамъ помочь?

— Ну, нагнитесь!

Я нагнулся, онъ обхватилъ руками мою шею; но едва я сталъ приподнимать его, какъ онъ опустилъ въ изнеможеніи руки:

— Нѣтъ.... оставьте, оставьте! сказалъ онъ: —вы очень скоро!...

Черезъ минуту мы принялись снова, и въ три пріема я положилъ его какъ надо. Налѣво подлѣ него лежалъ зуавскій сол-

---

[1]) О службѣ сестеръ милосердія въ Крымскихъ госпиталяхъ и о времени прибытія ихъ въ Севастополь говорится въ особо-приложенной статьѣ, въ концѣ книги.

датъ, бывшій въ дѣлѣ подъ его командой. Ему предстояла такая же операція. Лицо его было совершенно восточное, темное, но безъ бороды и съ легкими усами. Удивительно яркіе, большіе глаза блуждали въ орбитахъ. Я подошелъ къ нему и спросилъ, не надо ли ему чего. Онъ поглядѣлъ на меня и отвѣчалъ неохотно: «Ничего!» Третій лежалъ направо отъ капитана, чрезвычайно красивый, съ небольшой черной бородой, въ фесѣ и въ синей курткѣ съ шитьемъ на плечахъ и рукавахъ. Смертная тоска изображалась во всѣхъ его чертахъ; на черныхъ глазахъ какъ бы туманъ. Онъ безпокойно двигался по кровати; то пряталъ руки подъ одѣяло, то клалъ ихъ подъ голову. Пуля попала ему ниже живота и засѣла въ такомъ мѣстѣ, откуда никакъ нельзя было ее вынуть. Рѣшили не дѣлать операціи, и онъ долженъ былъ умереть и, кажется, зналъ объ этомъ. На всѣ вопросы окружающихъ онъ не отвѣчалъ ни слова или отвѣчалъ неохотно. Стали дѣлать операцію солдату, дали хлороформъ; потекла кровь.... операція была трудная и тянулась долго. Солдатъ все время стоналъ и бранился. И всегда стонутъ въ этомъ странномъ снѣ. Я съ трудомъ высмотрѣлъ всю операцію; но зато слѣдующія мнѣ были ничего. Сестры милосердія, довольно молодыя дѣвушки, смотрятъ совершенно спокойно и безпрестанно подмываютъ текущую ручьями кровь. Ногу солдату-зуаву отрѣзали вмигъ и стали перевязывать жилы. Тутъ уже отнимаютъ хлороформъ. Шесть человѣкъ держали руки; но зуавъ былъ такъ силенъ, что въ минуты невыносимой боли, когда ему приставляли къ ногѣ теплую губку, онъ подымалъ державшихъ, крича: «au nom de Dieu! vous me brulez! vous me brulez!...» Капитанъ все время смотрѣлъ на операцію и одушевлялъ товарища: «Tenez vous brave, mon enfant! Nous guerirons bien, voyez-vous!» Таковъ онъ былъ со своими *дѣтьми*. Но тутъ же находился, по какому-то случаю, одинъ перебѣжчикъ, — вѣроятно, его сунули туда покамѣстъ до

которые становились рѣже и рѣже. Я проснулся очень рано. Можетъ быть, меня разбудила стрѣльба: непріятель опять пускалъ бомбы. Ихъ разрывало гдѣ-то близко, по слуху налѣво. Я подошелъ къ окну: на улицѣ уже двигался народъ, не обращая никакого вниманія на бомбы. Только двое, стоявшихъ на противоположномъ тротуарѣ, повидимому, купцы, взглядывали вверхъ всякій разъ, какъ слышался взрывъ, и крестились; потомъ опять начинали разговаривать. Черезъ часъ стрѣльба утихла. Товарищъ мой всталъ, и мы пошли вмѣстѣ къ своему университетскому знакомцу. Тамъ собралось нѣсколько офицеровъ. Одинъ изъ нихъ намѣревался идти на шестой бастіонъ, къ начальнику 1-й линіи, капитану 1-го ранга Зорину. Я просилъ взять меня съ собой.

— Что̀ жь, пойдемте. Я васъ представлю Зорину, и вы можете увидѣть всю линію бастіоновъ, которые подъ его командой, начиная съ пятаго по десятый.

А мнѣ только этого и хотѣлось.

Мы поднялись на гору, мимо бульвара Казарскаго, и, повернувъ налѣво, зашли поклониться праху Лазарева и Корнилова, положенныхъ вмѣстѣ, подъ одной доской. Надъ ними воздвигается храмъ Святаго Владиміра. Выведенъ только одинъ фундаментъ [1]). Оттуда мы зашли въ Библіотеку, о которой я скажу подробнѣе нѣсколько ниже. Обойдя нижній этажъ, мы поднялись вверхъ, на открытую террасу, откуда видѣнъ весь городъ, бастіоны, четыре непріятельскіе лагеря и ихъ корабли. Духъ захватываетъ отъ неописаннаго чувства восторга, когда окинешь все это глазами.... Эти живописные холмы, съ ихъ бугрящимися улицами, эти бухты, захлебнувшіяся кораб-

---

[1]) Мѣсто, гдѣ положены Лазаревъ и Корниловъ, а потомъ Истоминъ и Нахимовъ, изображено въ Художественномъ Листкѣ Тимма, 1855, № 26. Тамъ-же представлена и библіотека.

Съ капитамомъ зуавовъ говорилъ одинъ докторъ. Между прочимъ, спросили у него, женатъ ли онъ. Non, les femmes — c'est folie! Nous avons quelques officiers, qui sont mariés, mais... c'est folie!..»

— Вы сходите на главный перевязочный пунктъ, въ городъ, сказалъ мнѣ Долгорукій: — тамъ Пироговъ: когда онъ дѣлаетъ операцію, надо стать на колѣни!

Но я узналъ послѣ, что Пироговъ боленъ, и мнѣ не удалось его видѣть.

Изъ бараковъ я зашелъ на время къ Александру Ивановичу. Онъ накормилъ меня какой-то маленькой свѣжей рыбкой и еще блинами. Блины у Александра Ивановича дешевле, нежели въ Кишеневѣ: двадцать копѣекъ порція, три большіе блина, а въ Кишеневѣ — два, и, притомъ, маленькихъ. Я заговорился съ нимъ и опоздалъ на переправу. Отчаливали послѣдніе ялики. Я сѣлъ на одинъ, очень маленькій, съ двумя пьяными гребцами; на руль помѣстился какой-то офицеръ, совсѣмъ не умѣвшій править. Мы три раза налетали на катеръ и чуть-чуть не попали подъ пароходъ. Страшныя колеса прошумѣли надъ самыми ушами. Къ двумъ пьянымъ гребцамъ присоединился еще одинъ пьяный пассажиръ. Онъ все вставалъ и расхаживалъ.... Признаюсь, когда я ступилъ на камни, мнѣ долго казалось, что они качаются и такъ же зыбки, какъ лодка. Часу въ девятомъ я былъ дома и нашелъ товарища за чаемъ. Немного погодя, мы услышали выстрѣлы. Слуга, пришедшій изъ гостинницы, сказалъ намъ, что непріятель пускаетъ бомбы и что четыре упало недалеко въ улицѣ. Мы напились чаю и пошли поглядѣть; но стрѣльба стихла. Мы сѣли у воротъ одного дома на камень и смотрѣли въ сторону непріятеля. Было очень тихо и пустынно въ улицахъ. Черезъ полчаса стали подыматься бомбы съ нашихъ бастіоновъ. Мы прослѣдили бомбъ тридцать и пошли домой. Непріятель не отвѣчалъ. Мы легли спать подъ выстрѣлы,

которые становились рѣже и рѣже. Я проснулся очень рано. Можетъ быть, меня разбудила стрѣльба: непріятель опять пускалъ бомбы. Ихъ разрывало гдѣ-то близко, по слуху налѣво. Я подошелъ къ окну: на улицѣ уже двигался народъ, не обращая никакого вниманія на бомбы. Только двое, стоявшихъ на противоположномъ тротуарѣ, повидимому, купцы, взглядывали вверхъ всякій разъ, какъ слышался взрывъ, и крестились; потомъ опять начинали разговаривать. Черезъ часъ стрѣльба утихла. Товарищъ мой всталъ, и мы пошли вмѣстѣ къ своему университетскому знакомцу. Тамъ собралось нѣсколько офицеровъ. Одинъ изъ нихъ намѣревался идти на шестой бастіонъ, къ начальнику 1-й линіи, капитану 1-го ранга Зорину. Я просилъ взять меня съ собой.

— Что̀ жь, пойдемте. Я васъ представлю Зорину, и вы можете увидѣть всю линію бастіоновъ, которые подъ его командой, начиная съ пятаго по десятый.

А мнѣ только этого и хотѣлось.

Мы поднялись на гору, мимо бульвара Казарскаго, и, повернувъ налѣво, зашли поклониться праху Лазарева и Корнилова, положенныхъ вмѣстѣ, подъ одной доской. Надъ ними воздвигается храмъ Святаго Владиміра. Выведенъ только одинъ фундаментъ [1]). Оттуда мы зашли въ Библіотеку, о которой я скажу подробнѣе нѣсколько ниже. Обойдя нижній этажъ, мы поднялись вверхъ, на открытую террасу, откуда виденъ весь городъ, бастіоны, четыре непріятельскіе лагеря и ихъ корабли. Духъ захватываетъ отъ неописаннаго чувства восторга, когда окинешь все это глазами.... Эти живописные холмы, съ ихъ бугрящимися улицами, эти бухты, захлебнувшіяся кораб-

---

[1]) Мѣсто, гдѣ положены Лазаревъ и Корниловъ, а потомъ Истоминъ и Нахимовъ, изображено въ Художественномъ Листкѣ Тимма, 1855, № 26. Тамъ-же представлена и библіотека.

лями, которымъ не даютъ простора.... Боже мой! И такой городъ отдать....

Пятый и шестой бастіоны оттуда ближе всѣхъ — версты полторы, небольше. Но видны одни казематы — каменныя зданія въ одинъ этажъ, гдѣ помѣщаются офицеры и часть прислуги. Дальше ихъ и соединяющей ихъ стѣны не видно ничего. Они кажутся какъ бы на горизонтѣ. Передъ ними балка съ бѣлѣющими домиками. Въ улицахъ двигался народъ. Мы спустились съ террасы и пошли по направленію къ этимъ бастіонамъ и скоро пересѣкли одну широкую улицу, которая называлась *Большой Морской*. Это была нѣкогда одна изъ самыхъ населенныхъ улицъ, съ вѣчнымъ движеніемъ и дѣятельностью. А теперь стояли брошенные дома, съ разбитыми окнами; ходившій народъ — были единственно солдаты. Встрѣтилась еще одна баба съ ребенкомъ на рукахъ и нѣсколько мальчишекъ, которые катили ядро. Имъ платятъ на бастіонахъ по копѣйкѣ за штуку. Но все-таки видишь много валяющихся ядеръ, даже на площадкѣ, у самой Графской пристани. Потомъ мы пошли обыкновенными севастопольскими улицами, по холмамъ.

— Вотъ здѣсь недавно убило одного солдата штуцерной пулей, сказалъ мой спутникъ.

Это мѣсто было еще саженяхъ въ двухъ стахъ отъ бастіоновъ. Я такъ усталъ, что хотѣлъ было сѣсть и отдохнуть; но домикъ Зорина ужь былъ не далеко. Онъ помѣщался въ немъ съ адъютантами и канцеляріею. Мы нашли всѣхъ дома, за работою. Все были моряки, и всѣ въ шинеляхъ, или въ сюртукахъ безъ эполетъ. Зоринъ принялъ меня, какъ стараго знакомаго. Мы сѣли закусить. Со мной рядомъ сѣлъ Ахбауеръ, бывшій адъютантъ Шильдера; онъ былъ здѣсь старшимъ саперным офицеромъ и завѣдывалъ работами на пятомъ и шестомъ бастіонахъ. Онъ предложилъ мнѣ идти съ нимъ послѣ обѣда на пятый бастіонъ. Надо было идти мимо стѣны, построенной еще давно и некон-

ченной. Внутренняя часть каземата была во многихъ мѣстахъ пробита насквозь, и послѣ того пробоины завалены камнями. Крыша сбита совсѣмъ. На ней замѣтна небольшая земляная насыпь, и посерединѣ стоитъ нѣсколько туровъ.

По всему двору были видны земляныя насыпи съ отверстіями, обдѣланными въ срубъ. Это землянки солдатъ, или, какъ зовутъ на бастіонахъ, блиндажи, по солдатски — курлыги. Фасъ бастіона, обращенный къ непріятелю, состоялъ изъ землянаго вала, боченковъ, мѣшковъ съ землей и туровъ. Въ валу продѣланы амбразуры, занавѣшенныя веревочными щитами, введенными Зоринымъ, потому что деревянные разбивало ядрами и даже пулями, и щепками било прислугу. Въ амбразурахъ стоятъ пушки, преимущественно морскія, большаго калибра; внизу, у лафетовъ, сложены въ пирамиды ядра, свалена картечь, патроны; протягивается толстый канатъ, сдерживающій орудіе, когда отдаетъ его выстрѣломъ; мотаются тали — особенныя веревки съ блоками; валъ вышиною сажени въ двѣ. Вокругъ сдѣланы ходы по доскамъ; на нѣкоторыхъ стоятъ вахтенные съ трубами, слѣдя за непріятелемъ. Нѣсколько штуцерныхъ стоятъ тутъ же, и каждый ожидаетъ случая выстрѣлить. На дворѣ всегда кипитъ работа: роютъ блиндажи, возятъ землю, офицеры ходятъ между работающими, наблюдаютъ, кричатъ; садятся на пушки и разговариваютъ другъ съ другомъ, нисколько не думая о пуляхъ, которыя иногда звѣнятъ объ то орудіе, гдѣ они присѣли... А вотъ въ амбразурѣ, на полу, помѣстился цѣлый десятокъ матросовъ, поставили котелъ и ѣдятъ кашу. Одинъ, пожалуй, разскажетъ вамъ, какъ вчера убило у нихъ товарища на этомъ самомъ мѣстѣ. — Вдругъ вахтенный кричитъ: «бомба»! или «наша ѣдетъ[1])!» Чугунный шаръ хлопается на дворъ; кто

---

[1]) То-есть, «къ намъ, на бастіонъ». О бомбахъ, летящихъ черезъ бастіонъ, или совсѣмъ въ другую сторону, вахтенный не остерегаетъ.

прилегаетъ, кто остается такъ; бомбу разорвало, осколки, жужжа, летятъ надъ головами, и опять все пошло по прежнему. Вотъ вамъ бастіонъ и жизнь бастіона! Впрочемъ пятый бастіонъ не изъ самыхъ опасныхъ. Здѣсь траншеи непріятелей саженяхъ въ 250. Я взглянулъ въ отверстіе щита у одного орудія: далеко въ полѣ шелъ едва замѣтный желтый валъ, сливаясь съ грунтомъ земли — это были траншеи непріятелей. Мѣстами выскакивалъ дымокъ — выстрѣлъ изъ штуцера, но безъ звука, — и только. Больше никакой жизни; никто не показывается изъ-за вала, и не вѣришь, что тамъ много народу. А, между тѣмъ, смерть поминутно несется изъ-за этого безжизненнаго вала... Французы очень осторожны. Впослѣдствіи я глядѣлъ на ихъ траншеи по цѣлымъ часамъ — ничего, кромѣ вала. Если покажется кто нибудь, то верстахъ въ двухъ, или еще дальше.

Познакомясь съ бастіономъ, я сталъ рисовать разбитую стѣну казамата, прислонясь спиной къ мѣшкамъ на валу. Пули безпрестанно ложились черезъ валъ и щелкали въ камни зданія. Я боялся за работавшихъ во дворѣ; но ничего не случилось. Потомъ я накинулъ два лагеря, англійскій и французскій, въ трубу, которую мнѣ держалъ матросъ. Мы загородились мѣшками и были безопасны отъ выстрѣловъ. Я такъ зарисовался, что забылъ о пуляхъ и уже не слыхалъ ихъ свиста. Матросъ, соскучась, или уставъ держать трубу, сталъ обкладывать ее каменьями, которые доставалъ тутъ же на валу, безпрестанно высовываясь. Я замѣтилъ ему это. «Ничего, ваше благородіе!» отвѣчалъ онъ, какъ обыкновенно отвѣчаетъ русскій человѣкъ. Въ это время пуля ударила въ мѣшокъ, противъ моего уха.

— Видишь! сказалъ я.

— Пулька! отвѣчалъ онъ, нисколько не перемѣняя положенія и глядя черезъ валъ, какъ будто не его дѣло.

Вообще наши очень неосторожны. Когда нужно идти траншеями, идутъ гдѣ случится, попрямѣе; часто высовываются

изъ-за вала. Или ужъ такъ смѣло созданъ русскій человѣкъ! Мнѣ разсказали такой случай, — кажется, уже извѣстный всѣмъ; но я его повторяю, какъ слышалъ тамъ: летѣло передъ бастіономъ стадо дрохвъ. Наши выстрѣлили въ одно время съ Французами: четыре дрохвы упало между ними и нами. Долго никто не рѣшался итти подымать. И что жь? первый пошелъ Русскій, одинъ офицеръ, поднялъ двѣ дрохвы, а двѣ оставилъ имъ, сказавъ: «возьмите — можетъ и ваши!»

Я кончилъ рисовать. Меня окружили офицеры: артиллеристы и моряки. Лейтенантъ Марковъ, командующій на бастіонѣ, пригласилъ взглянуть на его блиндажъ. Это была небольшая подземная комнатка, съ печью и кроватью. Правда, въ ней едва можно было повернуться; но зато тепло и совершенно безопасно отъ бомбъ [1]. Я нарисовалъ и ее и простился съ храброй семьей пятаго бастіона.

Уже вечерѣло, когда я воротился къ Зорину.

Во время ужина пришли доложить, что противъ 6-го бастіона непріятель возводитъ батарею и ставитъ пушки. Зоринъ велѣлъ сдѣлать до пятидесяти выстрѣловъ съ пятаго бастіона ядрами и до ста съ шестаго бомбами. Скоро загудѣли выстрѣлы, и у насъ затряслись окна и двери. Я не дослушалъ до конца и заснулъ. Знаю только, что непріятель не отвѣчалъ.

На другой день, 15 февраля, я пошелъ на 6-й бастіонъ, имѣя провожатымъ матроса. Шестой бастіонъ совершенно похожъ на пятый: такой же казематъ, немного цѣлѣе; такого же устройства валъ, непріятель почти въ такомъ же разстояніи. Тутъ я познакомился съ лейтенантами Шемякинымъ и Гедеоновымъ и комендантомъ бастіона, полковникомъ Лидовымъ, человѣкомъ весьма простымъ и добрымъ, но столько же точнымъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Онъ едва не взялъ меня подъ

---

[1] Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 7-й.

арестъ, давъ секретное приказаніе не выпускать меня, покуда не будутъ наведены справки, и все это потому только, что я былъ въ другой формѣ, невиданной на бастіонахъ. Я ничего этого не зналъ. Онъ самъ мнѣ разсказалъ послѣ очень просто. Мы пошли траншеями въ блиндажъ Шемякина, который былъ въ четверти версты отъ бастіона, подлѣ батареи, называвшейся Шемякинской, или Полынковой. Я сталъ рисовать морскія орудія. Пули безпрестанно посвистывали черезъ валъ; но я уже къ нимъ привыкъ. Потомъ мы вошли въ блиндажъ: явился хересъ, сыръ и какая-то рыбка. Мы пробесѣдовали довольно долго, какъ вдругъ услыхали глухой ударъ пули подлѣ дверей блиндажа. Всѣ выскочили взглянуть, не убитъ ли кто. Но оказалось, что пуля попала въ бѣлье, повѣшенное для просушки, пробила насквозь двѣ мокрыя рубахи, одну за другою, и зарылась въ мелкихъ камняхъ. Сила полета штуцерной пули изумительна. Здѣсь было до четырехсотъ сажень разстоянія между ихъ и нашими траншеями. Мнѣ показывали пули, которыя случалось отъискать — это смятыя, или расплюснутыя комки свинцу. Воротясь къ Зорину, я нашелъ у него адмирала Нахимова. Онъ былъ въ сюртукѣ и въ эполетахъ. Зоринъ представилъ меня. Адмиралъ — это само простодушіе и доброта. Онъ позволилъ мнѣ видѣть всѣ бастіоны и обѣщалъ дать проводниковъ.

Я рѣшился прочесть ему:

> Дядя! братъ твой незабвенный
> Былъ студенческій отецъ! [1])

Его тронули разсказы и воспоминанія о братѣ. Онъ охотно слушалъ меня, и мы проговорили около часу.

На другой день я пошелъ на десятый номеръ батареи, которая находится рядомъ съ батареей Шемякина. Номера идутъ не по

---

[1]) Стихи М. А. Стаховича, помѣщенные въ 6-й книгѣ «Москвитянина» 1854 года.

порядку. Матросъ повелъ меня сначала траншеями, а потомъ сказалъ, что надо вылѣзть и итти прямо, потому что тутъ траншеи очень мелки, *да и всѣ такъ ходятъ.* «Вонъ, видите, идетъ!» Дѣйствительно, шелъ какой-то водоносъ, и, притомъ, очень тихо. То же совѣтывали сдѣлать и солдаты, сидѣвшіе въ траншеяхъ. Мы вылѣзли и пошли прямо и скоро догнали водоноса. Три человѣка были порядочною цѣлью. Я видѣлъ всѣ линіи непріятельскаго вала, какъ на ладони. Тамъ, во всемъ полѣ, не было ни души. Вдругъ подлѣ насъ ударила пуля.

— Видишь, сказалъ я матросу: — по насъ стрѣляютъ! Я тебѣ говорилъ, что надо итти траншеями.

— Э, ваше благородіе! которая наша, отъ ней нигдѣ не схоронишься!

Другая пуля пролетѣла между мной и водоносомъ. Я пошелъ скорѣе, и черезъ пять минутъ мы уже были на батареѣ. Она стоитъ на углу, однимъ фасомъ къ морю, другимъ къ небольшой бухтѣ; третій фасъ обращенъ въ поле, къ шестому бастіону. За бухтой, прямо, видна возвышенность, гдѣ былъ древній Херсонесъ. Теперь отъ него осталась только небольшая стѣнка, вьющаяся по скату къ бухтѣ, и то я сомнѣваюсь, чтобы это была древняя стѣна. Издали она совершенно похожа на траншею, но, говорятъ, не траншея. Больше ничего нѣтъ на мѣстѣ Херсонеса — ничего стараго, да и новаго не много: разрушенная церковь св. Владиміра и, у самой бухты, также разрушенные домики карантина, неосторожно оставленные непріятелямъ. Они устроили тутъ завалы и въ послѣднее время даже поставили пушки. По этой-то батареѣ велѣлъ наканунѣ Зоринъ сдѣлать полтораста выстрѣловъ. Ее сбили и послѣ сбивали не разъ; но черезъ день она являлась опять и удержалась.

Все это мѣсто, гдѣ былъ Херсонесъ, прелестно, несмотря

на пустынность. Не налюбуешься этими переливами холмовъ, за которыми тотчасъ идетъ море, и на немъ корабли, конечно, не наши.

Въ бухту садятся безпрестанно утки; но никто не смѣетъ за ними охотиться —

> Nikt, bez straty życia lub swobody,
> Nie mógł przestąpić zakazanéj wody;
> Tylko słowiki Kowieńskiéj dąbrowy
> S bracią swojémi Zapuszczańskiej góry
> Wiodą, jak dawniéj, Litewskie rozmowy [1]).

Конечно, утки въ бухтѣ разговаривали по-русски...

Десятая батарея имѣетъ особенное устройство: она сложена изъ глиняныхъ кирпичиковъ, очень правильно и красиво. По ней стрѣляютъ такъ же, какъ по пятому и шестому бастіонамъ, но, по замѣчанію командира ея, капитанъ-лейтенанта Андреева, черезъ день. «День молчатъ, а на другой ихъ какъ будто что прорветъ!» выражается онъ и въ эти дни обыкновенно никого къ себѣ не приглашаетъ. «Приходите завтра: завтра не будетъ стрѣльбы.» Но то бѣда, что бываютъ ошибки къ наблюденіяхъ храбраго капитана, и вдругъ *ихъ прорветъ* совсѣмъ не въ тотъ день, когда онъ разсчитываетъ, и озадаченные гости не знаютъ что̀ дѣлать. Я попалъ, по счастію, въ день спокойный. Ни одного выстрѣла впродолженіи часа, который я провелъ тамъ, сидя все время въ амбразурѣ, на пушкѣ, любуясь видами и думая о старомъ Херсонесѣ, о тѣхъ, которые давно здѣсь также бились — и улеглись... и вотъ ихъ сонъ встревоженъ новыми громами.

---

[1]) Никто безъ потери жизни, или свободы не могъ переступить запретныхъ водъ. Только соловьи Ковенской дубровы съ братьями своими Запущанской горы ведутъ, какъ прежде, литовскіе разговоры....

простояли молча минуты двѣ. Кто знаетъ, какія отмѣтки дѣлала его память, когда глазъ перебѣгалъ по лицамъ... Насъ обоихъ разбудилъ выстрѣлъ. Съ вала пустили бомбу по работавшимъ налѣво отъ Херсонеса. Мы прослѣдили полетъ ея и взрывъ. Бомба пролетѣла около трехъ верстъ. Судите, что же можно было разглядѣть на такомъ разстояніи. Я искалъ кучки работавшихъ, но ничего не могъ найти и насилу увидѣлъ въ трубу, потому что высовывались только головы. Я простился съ Луговскимъ, и пошелъ на Александровскую батарею, которая считается девятымъ номеромъ и находится тутъ же, подлѣ седьмой и восьмой. Съ ея стѣнъ я снова любовался моремъ. Капитанъ-лейтенантъ Козловскій далъ мнѣ проводника-матроса, который провелъ меня по валу, показывая красивые ряды орудій, только что отчищенныхъ. На этой батареѣ въ настоящее время больше нечего дѣлать, какъ чистить орудія. Ей будетъ работа, если начнутъ бомбардировку съ моря.

Я воротился домой, когда уже стемнѣло, и пошелъ къ Шемякину, который меня давно звалъ и какъ-то особенно пришелся мнѣ по душѣ; но ворота бастіона были заперты. Часовой свѣсилъ ружье и спросилъ отзывъ. Я послалъ своего матроса узнать отзывъ, или привести ефрейтора, а самъ сѣлъ у воротъ на камень и сталъ смотрѣтъ въ сторону засыпающаго города. Было очень тихо. По горамъ горѣли огни. Черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ поднявшуюся ракету, очень далеко, версты за четыре. Ихъ пускали обыкновенно съ возвышенности надъ Киленбалкой. Ракета летитъ такъ: вдругъ освѣщается площадка, гдѣ ракета пущена, и потомъ видно по небу огненную полосу, не больше, какъ четверть всего полета; дальше ракета уже летитъ въ потьмахъ. Впрочемъ, бываютъ изрѣдка случаи, что ракета весь полетъ совершаетъ съ огнемъ и все время видима. Вслѣдъ за первой взвилась еще. Я насчи-

талъ семь, пока воротился мой матросъ. Иныя падали гдѣ-то близко; слышно было свистъ, одна загремѣла по камнямъ. На ту пору, не знаю почему, я испугался. Когда захлопывалась за мной калитка бастіонныхъ воротъ, мнѣ уже казалось, что ракета сейчасъ щелкнетъ меня по затылку. Мы прошли дворомъ и потомъ спустились въ траншеи. Слышалась перестрѣлка ложементовъ.[1]). На темныхъ валахъ, темными тѣнями двигались часовые. Я не нашелъ Шемякина въ блиндажѣ: онъ былъ въ казематѣ. Надо было идти туда. На одной площадкѣ, между траншеями, пуля ударила подлѣ моей ноги. Бѣжалъ отъ ракетъ и чуть не попалъ подъ пулю! Можетъ быть, и правъ матросъ, сказавши: «которая наша, отъ нея не схоронишься!» это игра въ счастіе и несчастіе... На ту пору страхъ опять былъ отъ меня далеко. Мудреный инструментъ человѣческая душа: что ни мигъ — натягиваются невидимой рукой новыя струны...

Въ казематѣ я нашелъ большое общество офицеровъ. Мнѣ предложили превосходнаго хересу. Комендантъ, полковникъ Лидовъ, о которомъ я уже упоминалъ, разсказалъ мнѣ о 24 октября. Колонны Французовъ доходили до шестаго бастіона и были на возвышенности, между шестымъ и десятымъ. Ихъ прогналъ Минскій полкъ и картечные выстрѣлы съ десятаго номера. Около недѣли валялись не убранные трупы. Непріятель не убиралъ и не дозволялъ намъ. Наконецъ ихъ подобрали — и все-таки мы. Черезъ шесть дней послѣ дѣла одинъ солдатъ принесъ изо рва раненаго, нашего же рядоваго, который былъ еще живъ.

Я пробылъ въ казематѣ часовъ до десяти. Утромъ 16-го подняли Французы сильную стрѣльбу съ новой батареи по шестому бастіону и сбили у насъ только 3 мѣшка, выстрѣливъ 25

---

[1]) Небольшой завалъ, насыпь, впереди батареи, ближе къ непріятелю, куда залегаютъ ночью и уже остаются тамъ на цѣлый день.

разъ. Съ того же бастіона замѣчено движеніе непріятельскихъ колоннъ отъ моря, въ полной парадной формѣ и подъ музыку. Я подбѣжалъ взглянуть и захватилъ только хвостъ, спускавшійся въ балку; вахтенный сказалъ мнѣ, что было тысячъ до пяти. Говорятъ, они дѣлаютъ нерѣдко такія эволюціи, чтобы занять насъ чѣмъ нибудь. Ночью отправятся на берегъ и утромъ идутъ въ парадѣ, какъ будто новыя войска; а, между тѣмъ, гдѣ нибудь у нихъ становятся пушки.

Послѣ чаю я рѣшился идти на четвертый бастіонъ, какъ говорили, самый опасный. Я слыхалъ о немъ еще въ Кишиневѣ. Зоринъ далъ мнѣ въ товарищи одного изъ своихъ адъютантовъ: Я чувствовалъ себя нехорошо и никакъ не могъ разсѣять тягостныхъ мыслей. Мы прошли нѣсколько улицъ, почти пустыхъ. Подъ конецъ, близко къ бастіону, встрѣтили домà, совершенно разрушенные бомбами. Мѣстами торчали одни неправильные обломки стѣнъ; крышъ не было. Эти дома могли служить самыми лучшими, естественными баррикадами. А въ иныхъ и нарочно были пробиты амбразуры. На мостовой и тротуарахъ валялись ядра и осколки гранатъ. Тутъ, дѣйствительно, чувствуешь осаду. Въ концѣ послѣдней улицы идетъ площадка, на которой стоитъ католическая церковь, одно изъ крайнихъ зданій къ бастіону. Говорятъ, во время осады 5 октября, *первое* ядро сбило надпись на этомъ храмѣ — *pax in terra*. *Первое* говорится для бòльшаго курьёзу. Прямо за площадью видѣнъ театръ, сильно пострадавшій отъ выстрѣловъ[1]). Затѣмъ начинается подъемъ въ гору, довольно пологій. Здѣсь былъ когда-то бульваръ; теперь нѣтъ и слѣда украшавшихъ его деревьевъ. Крѣпкая дорога, мѣсто прежней бульварной дорожки, почти вся покрыта чугунными черепками и врывшимися ядрами. Взойдя на гору, мы спустились въ тран-

---

[1]) Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 26-й.

шею и тотчасъ услышали свистъ пуль. Такъ дошли мы до большаго блиндажа, гдѣ помѣщается адмиралъ Новосильскій съ капитаномъ 1-го ранга Кутровымъ. Кутровъ вышелъ къ намъ навстрѣчу. Его спокойная физіономія ободрила меня. Въ это время одна пуля ударила въ блиндажъ шагахъ въ двухъ отъ насъ и еще ближе отъ кучки матросовъ, стоявшихъ тутъ же. Никто изъ нихъ и не пошевелился, и, кажется, я одинъ видѣлъ эту пулю. Это меня совершенно успокоило. Съ той минуты до конца, часа два сряду, проведенные мною на четвертомъ бастіонѣ, я уже не чувствовалъ ни малѣйшаго страха. Мы пошли опять траншеями, втроемъ, съ Кутровымъ. Выстрѣлы изъ пушекъ гремѣли безпрестанно. Ружейныхъ было вовсе не слышно, или слышно только временами, и то какъ звукъ пистоновъ.

— Вотъ на этомъ мѣстѣ, въ самой траншеѣ, сегодня убило трехъ вдругъ одной пулей, сказалъ Кутровъ: — пуля прошла по головамъ; и вотъ здѣсь еще одного!

Весело было слушать тѣмъ, кто переступалъ черезъ это мѣсто! — Траншеи были полны солдатами, которые сидѣли и лежали въ самыхъ безпечныхъ положеніяхъ, конечно, не думая о пуляхъ. Вскорѣ открылся бастіонъ, нѣсколько отличный отъ тѣхъ, которые я уже видѣлъ. Это была площадка, вся изрытая землянками, вся въ буграхъ. Тамъ и сямъ чернѣли отверстія — входы въ блиндажи. Пороховой блиндажъ возвышался надо всѣми. Кругомъ, на сдѣланной изъ земли насыпи въ видѣ вала, шли тѣсные земляные траверсы, съ наложенными на нихъ мѣшками[1]. Штуцерные были въ постоянномъ движеніи, подбѣгали, выстрѣливали, — и опять заряжался штуцеръ. Весь бастіонъ представлялъ какое-то суетливое и вмѣстѣ грозное кипѣніе. Гдѣ-то бухали пушки; ясно было слышно гудѣніе

[1]) Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 8-й.

ядра̀. Кто стрѣлялъ? мы? они? разобрать было трудно. Наши выстрѣлы сливались съ выстрѣлами непріятеля, который таился тутъ же, за валомъ, всего въ шестидесяти саженяхъ. Мнѣ все какъ-то не вѣрилось, что онъ такъ близко.

— Отсюда вы можете видѣть непріятеля, сказалъ мнѣ капитанъ, подведя меня къ одному орудію, укрытому щитами такъ плотно, что едва оставалась щель для глаза. —Но, пожалуйста, поосторожнѣе, прибавилъ онъ;—учтивые Французы здѣсь вовсе неучтивы!

Я поднялся на орудіе и взглянулъ въ щель, между щитомъ и пушкой: желтѣлъ траншейный валъ, лежали такіе же мѣшки какъ и у насъ, мѣстами выскакивалъ дымокъ безъ звука, какъ пыль съ вала, — словомъ, то же, что я видѣлъ и съ другихъ бастіоновъ, только яснѣе. Потомъ мы пошли дальше мимо траверсовъ. Вдругъ осколокъ бомбы, разорвавшейся въ непріятельскихъ траншеяхъ, прожужжалъ надъ нашими головами и упалъ въ кучку работавшихъ внутри бастіона.

— Вотъ какъ у насъ, сказалъ Кутровъ:—своимъ какъ разъ убьетъ!—Что, никого? крикнулъ онъ внизъ.

— Никого! отвѣчали оттуда.

— Ну, слава Богу!

Такіе случаи бываютъ нерѣдко. Осколки бомбъ французскихъ летятъ къ нимъ назадъ. Слѣдя за полетомъ осколка, я увидѣлъ между блиндажами, въ одной сторонѣ бастіона, образъ на столбикѣ, подъ досчатымъ навѣсомъ. Передъ нимъ теплилась неугасимая лампада.... Я помолился. Невыразимо благодатно дѣйствуетъ тамъ молитва, и все бы молился—и за эту горсть храбрыхъ, что̀ всякую минуту ложатся костьми, и за всѣхъ тѣхъ, отдаленныхъ, скорбящихъ на всемъ великомъ пространствѣ Русской земли, и за всю православную Русь.... Я не много помню такихъ минутъ...

Вскорѣ насъ окружили офицеры, командующіе орудіями, и

стали ходить вмѣстѣ съ нами. Я пожелалъ снять часть бастіона съ его любопытными курлыгами. Но вдругъ пошелъ дождикъ. Услужливые и добрые моряки сейчасъ устроили надо мною навѣсъ изъ лубковъ. Явился столъ и стулъ, и это подлѣ гремящихъ орудій; но я не слыхалъ ихъ грома. Черезъ четверть часа привыкаешь къ нимъ, и кажется, какъ будто не стрѣляютъ. Я срисовалъ два фаса, ближайшіе къ непріятелю.

Подлѣ пороховаго блиндажа есть спускъ въ мину. Мнѣ было разрѣшено спуститься. Мы пошли вдвоемъ съ однимъ офицеромъ, нагнувшись, сперва въ полусвѣтѣ, потомъ въ совершенныхъ потьмахъ. Когда слышно было, что кто-то идетъ навстрѣчу, кричали: *держи налѣво* или *направо*, чтобы не столкнуться. Но было такъ узко, что всегда задѣвали другъ друга. Наконецъ я усталъ и поползъ на рукахъ и колѣняхъ. Товарищъ мой отдѣлился отъ меня далеко, мнѣ было слышно только его голосъ: *Держи налѣво, направо!..* вдругъ я почувствовалъ подъ руками воду; надо было опять встать. Мина шла ўже и ўже. Сперва я ощупывалъ по бокамъ доски и столбы, но потомъ все кончилось: пошелъ голый земляной корридоръ. Тягостное чувство испытываетъ непривычный человѣкъ подъ этими тѣсными сводами, что-то сдавливающее, удушающее. Мы дошли до того мѣста мины, гдѣ наша галлерея сошлась съ непріятельскою. Тутъ зажженъ фонарь и сидятъ на полу солдаты. Я видѣлъ непріятельскія работы. Ихъ мины немного шире; больше нѣтъ никакой разницы. Говорятъ, встрѣтясь съ нами, они бросили копать и ушли. Тутъ поставлена большая воронка съ порохомъ и засыпана землей. Мы отдохнули и поворотили назадъ. Признаюсь, хотѣлось скорѣе вылѣзть изъ этого длиннаго гроба. Въ концѣ, уже близко къ выходу, мой товарищъ пригласилъ меня зайти къ штабсъ-капитану Мельникову, завѣдывающему минными работами, въ его нишь, которая устроена тутъ же въ минѣ. Изъ гроба мы очутились въ довольно поря-

дочной комнатѣ, увѣшанной коврами. Посреди стоялъ столикъ и кипѣлъ самоваръ. По стѣнамъ шли земляные диваны, тоже покрытые коврами. Подлѣ одной стѣны была печь, ростомъ въ человѣка, не доходившая до потолка [1]). На ней сверху лежали разныя тетради, бумаги, чертежи и — *Мертвыя Души*. Куда не проникнетъ геній! Гоголь, гдѣ ты? слышишь-ли ты?

Хозяинъ и вмѣстѣ создатель этой комнаты, — молодой человѣкъ, украшенный георгіевскимъ крестомъ, называемый въ шутку моряками *оберъ-кротъ*, — принялъ меня какъ давно невиданнаго брата и угостилъ чаемъ. Между тѣмъ, я снялъ его подземное жилище.

И онъ вѣчно тамъ — при огняхъ! Полковникъ Тотлебенъ бываетъ у него всякій день, обходитъ всѣ галлереи, всѣ рукава. Мельниковъ любитъ его какъ отца. Когда онъ говорилъ мнѣ о немъ, у него дрожалъ голосъ отъ невыразимаго уваженія и преданности къ этому человѣку. О, если бы написать исторію этихъ бастіоновъ, не вычеркивая ни одного дня, не стирая ни одной черты, сколько умиляющаго, поучительнаго, исторгающаго сладостнѣйшія слезы было бы на ея страницахъ!

Мельниковъ вывелъ меня на свѣтъ другимъ путемъ. Мы очутились во рву, гдѣ было много работающихъ. Работы здѣсь тяжелы, по причинѣ каменистаго грунта. Каждый вершокъ стоитъ большихъ усилій. Черезъ ровъ, надъ нами, свистѣли пули и осколки бомбъ. Мельниковъ говорилъ мнѣ, что наканунѣ у него убило во рву двухъ человѣкъ осколкомъ нашей же бомбы. Я снялъ входъ въ мину, подлѣ котораго мы стояли. Мы разстались съ Мельниковымъ, какъ братья, и я не знаю,

---

[1]) Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 9-й.

есть ли два русскихъ человѣка, которые тутъ не сдѣлаются братьями.

Меня повели траншеями и сказали, что адмиралу угодно меня видѣть. Когда я вошелъ въ его блиндажъ — большую, просторную комнату, съ длиннымъ столомъ посрединѣ, на которомъ лежали книги и журналы — я увидѣлъ человѣка среднихъ лѣтъ, высокаго роста, съ темными волосами, съ привлекательнымъ выраженіемъ лица, въ сюртукѣ безъ эполетъ. Рѣдко встрѣчаемый извѣстный бѣлый крестъ украшалъ его шею. Сомнѣнія не было: это былъ Новосильскій [1]). Я представился... Вскорѣ въ блиндажъ вошло человѣкъ десять офицеровъ, въ шинеляхъ и морскихъ черныхъ пальто. Я провелъ съ ними самые пріятные полчаса. Адмиралъ, привыкшій къ своему блиндажу, какъ къ дому, и давно забывшій объ опасностяхъ, сказалъ мнѣ простодушно: «заходите какъ нибудь вечеромъ, напьемся вмѣстѣ чаю.» Онъ далъ мнѣ провожатаго до дому, потому что уже стало смеркаться, и я могъ сбиться съ дороги. Мы пошли траншеями. Навстрѣчу намъ, также траншеями, шли солдаты, свѣсивъ ружья, цѣлый полкъ, въ прикрытіе на ночь. Они шли, не думая о встрѣчныхъ, и даже не глядѣли впередъ. Я нѣсколько разъ отводилъ рукою штыкъ, чтобы не наткнуться, но это мнѣ скоро надоѣло; штыковъ впереди казалось безконечно много, — и я предпочелъ вылѣзть изъ траншей и идти по сторонѣ, горою, подставляя себя непріятельскимъ пулямъ, однако по мнѣ не стрѣляли. Вообще къ вечеру прекращается перестрѣлка батарей, а идетъ перестрѣлка однихъ ложементовъ.

Прощай, славный четвертый бастіонъ! Не знаю, увижу ли тебя еще разъ, а если увижу — тѣ ли меня встрѣтятъ?..

---

[1]) Портретъ его въ Художественномъ Листкѣ 1856, № 7. Тамъ-же портретъ Контръ-Адмирала Панфилова и Капитана 1-го ранга Зорина.

Уже стемнѣло совсѣмъ, когда я отворилъ дверь въ мою комнату у Зорина, гдѣ ждали моего возврата. Всѣ знали, что я на четвертомъ бастіонѣ. Собралась большая компанія. Ахбауеръ, только что воротившійся съ работъ, разсказывалъ случай въ траншеяхъ. Онъ шелъ позади двухъ солдатъ. Одинъ, старый, все кланялся пулямъ, а шедшій за нимъ молодой подтрунивалъ надъ нимъ.

— Э, дѣдушка! Что̀ ты все кланяешься? полно!

— А вотъ, погоди, поклонишься и ты!

— И поклонюсь, какъ убьютъ... дай Господи только наповалъ!

Въ эту минуту пуля ударила его прямо въ сердце, и онъ повалился къ ногамъ Ахбауера. — Говорили, между прочимъ, о ракетахъ, которыя пускалъ непріятель наканунѣ. Одинъ офицеръ, пріѣхавшій изъ города, разсказывалъ, что ихъ насчитали пятьдесятъ-семь, и что нѣсколько упало на Сѣверную сторону, — одна подлѣ Одесской палатки. Тутъ я опять вспомнилъ слова моего проводника-матроса о *нашей*, отъ которой не схоронишься... ни на Сѣверной, нигдѣ... Разсказывавшій офицеръ былъ молодцоватый морякъ; онъ пріѣхалъ на неосѣдланной казацкой лошади. Черезъ плечо его морскаго пальто моталась богатая турецкая шашка, добытая въ Синопѣ.

Утромъ 17-го мы увидѣли снѣгъ. Дулъ ужасный вѣтеръ. Было очень холодно, какъ зимой, и я не воображалъ, что куда нибудь выйду; но адмиралу Пахимову угодно было прислать мнѣ лошадь и адъютанта въ товарищи, для осмотра остальныхъ бастіоновъ. Пообѣдавъ, мы поѣхали на третій бастіонъ, идущій налѣво отъ четвертаго, за огромной балкой. Дорога шла обыкновенными севастопольскими улицами и, между прочимъ, надъ бухтой, по глинистому гребню горы, размытому снѣгомъ. Лошади наши скользили и катились. Вся большая бухта, корабли,

Сѣверная сторона, укрѣпленія, были оттуда какъ на ладони. Очаровательные виды! Но не тѣмъ

Въ то время сердце полно было.

Я думалъ, какъ мы будемъ переправляться черезъ мостъ, чуть не въ версту, устроенный на судахъ и тендерахъ, посредствомъ перекинутыхъ досокъ [1]). Въ двухъ мѣстахъ, по неровности тендеровъ, эти доски вызвышались и понижались, и на нихъ были прибиты поперечныя планки и все это скрипѣло и качалось вмѣстѣ съ судами. Съ горы мостъ казался узенькой досчатой полоской, и не вѣрилось, что по немъ можно проѣхать на лошади. Спустившись ниже, я нашелъ его также не слишкомъ широкимъ: три-четыре доски, и никакихъ перилъ. Однако, мы поѣхали. Вѣтеръ сильно парусилъ мнѣ въ бурку; лошадь катилась по мокрымъ доскамъ, подъ которыми далеко внизу синѣли бурлившія волны. Справа и слѣва безпрестанно мелькали солдаты, шедшіе туда и навстрѣчу. Я чуть-чуть не слѣзъ, чтобы вести лошадь въ поводу; но товарищъ мой ѣхалъ впереди такъ спокойно, какъ по широкой улицѣ, поглядывая по сторонамъ и, кажется, еще любуясь видами.

— Вы бросьте поводья и забудьте все, сказалъ онъ мнѣ, замѣтивъ мою нерѣшимость: — лучше будетъ.

— Я такъ и сдѣлалъ, и, точно, вышло лучше. Поднимаясь потомъ въ гору, я думалъ опять о чувствѣ страха. Кажется, что̀ за вздоръ: ѣхать подъ пули — и бояться моста!.. Мы проѣхали какую-то слободку, середи которой было десять-двадцать лавокъ съ разными съѣстными припасами; толпились солдаты... Потомъ мы увидѣли нѣсколько большихъ строеній и церковь; миновали площадку, уставленную солдатскими

---

[1]) Художественный Листокъ Тимма, 1855, № 30.

ружьями въ козлахъ, и очутились на одной изъ батарей 3-го бастіона. Этотъ бастіонъ отличенъ отъ другихъ. Въ иныхъ амбразурахъ нѣтъ вовсе щитовъ, и, какъ въ окно, видишь въ нихъ глубокую живописную балку съ раскиданными по ней рѣдкими домиками, когда-то живыми, приманчивыми, полными поэзіи. Вдали, на краю возвышенія, виднѣлся четвертый бастіонъ. Было непріятно холодно. Карандашъ вываливался изъ рукъ. Я вошелъ въ одинъ солдатскій блиндажъ, который топился. Человѣкъ пять солдатъ сидѣли въ однѣхъ рубашкахъ, на общихъ подмосткахъ, протянувъ ноги, и каждый занимался своимъ дѣломъ. Кто шилъ, кто читалъ азбуку. На стѣнахъ я замѣтилъ образа̀ и лубочныя картинки. Было такъ тепло, что я не счелъ за грѣхъ отворить двери и въ нихъ рисовать одно орудіе, которое пришлось какъ разъ напротивъ. Отъ холоду, или отъ чего другаго непріятель молчалъ: ни штуцерныхъ (такъ называютъ иногда штуцерныя пули), ни бомбъ, ничего. Да и вообще по этому бастіону стрѣляютъ мало. Разстояніе оттуда до ихъ траншей довольно велико: около версты. Это обстоятельство позволяетъ намъ быть нѣсколько безпечными и не занавѣшивать иныхъ пушекъ щитами.

Потомъ артиллерійскій офицеръ, командующій тѣмъ орудіемъ, которое я снялъ, повелъ меня въ церковь, устроенную въ казематѣ. Въ большой, мрачной комнатѣ, уставленной ружьями, заваленной аммуниціей, сіяла лампадами одна небольшая частица стѣнки, покрытая образами: это былъ иконостасъ бастіонной церкви. Бомба пробила въ одномъ мѣстѣ потолокъ, но не повредила ничего, даже не ранила никого изъ солдатъ, находящихся тутъ постоянно. Всѣхъ ихъ человѣкъ десять. Здѣсь говѣла на первой недѣлѣ команда бастіона; но послѣ этого было приказано командующимъ войсками ѣсть скоромное, вслѣдствіе испрошеннаго имъ разрѣшенія Святѣйшаго Сѵнода.

Я не поѣхалъ на другіе бастіоны, потому что уже вечерѣло.

Мы возвратились въ городъ совсѣмъ впотьмахъ. У Зорина собирались на вылазку противъ карантина, чтобы взглянуть на новую батарею, а если удастся, такъ и заклепать пушки. Также хотѣли завалить какой-то колодезь. Матросъ, ординарецъ Зорина, обыкновенно ходившій со мной, пришелъ проситься на вылазку; но его не пустили, сказавъ, что ничего не будетъ, и въ самомъ дѣлѣ ничего не было, по причинѣ ясной ночи.

На другой день, часу въ девятомъ утра, я отправился къ Нахимову и засталъ его уже одѣтымъ и готовымъ куда-то ѣхать. Онъ хотѣлъ, однако, чтобы я посидѣлъ нѣсколько. Говорили, конечно, о Севастополѣ.

Онъ велѣлъ адъютанту свозить меня на корабль и потомъ у него обѣдать, въ двѣнадцать часовъ, но предупредилъ, что у него постное. Мы полетѣли на гичкѣ, въ шесть веселъ, и остановились подъ громадой трехдечнаго корабля «Великій Князь Константинъ». Надо было взбираться по мудреной лѣстницѣ, или такъ называемому *трапу*, стоймя. Я не надѣялся на ноги, которые еще болѣли отъ путешествія въ мину, и вошелъ въ портъ, — родъ окошка, противъ котораго ставится орудіе. Мы осмотрѣли всѣ подробности. Это не корабль, а игрушка. Мнѣ показали, между прочимъ, двѣ пробитыя палубы упавшею наканунѣ ракетой. Въ третьей она остановилась, измявшись, какъ сапогъ. Времени было еще довольно, и мы отправились на пароходъ «Владиміръ», стоявшій оттуда не больше, какъ въ верстѣ, по-морскому — въ пяти кабельтовахъ[1]). Я никогда не забуду пріема добрыхъ моряковъ, которымъ они меня почтили. Случилось, что между ними былъ одинъ мой товарищъ по 1-й Московской Гимназіи, Новиковъ. Онъ узналъ меня ту же минуту и представилъ своимъ сослуживцамъ. Черезъ мигъ я былъ между товарищами, какъ будто бы всѣ они вмѣстѣ со мной учи-

---

[1]) Кабельтовъ — 100 сажень.

лись. Мы пошли по пароходу. Извѣстно, что имъ взятъ съ бою турецкій пароходъ *Перва̀зъ-Бахрѝ*[1]). Я видѣлъ много вещей, взятыхъ оттуда. — Послѣ осмотра явилась закуска: устрицы, свѣжее сливочное масло, какого не найдти въ городѣ ни за какія деньги; но моряки знаютъ «гдѣ раки зимуютъ». Въ свѣтлой, просторной каютѣ, съ прекрасною мебелью, въ теплѣ, я забылъ, что подъ нами волны... не хотѣлось уходить; рѣчи кипѣли. Но стклянка пробила восемь, по нашему, сухопутному — двѣнадцать. Надо было ѣхать противъ вѣтра двѣ версты. Я вырвался изъ объятій новыхъ друзей, и гичка полетѣла... Адмиралъ ожидалъ насъ, и мы сейчасъ же сѣли обѣдать.

Вечеромъ и ночью этого дня не было вовсе стрѣльбы. Зато поднялась сильная поутру на другой день. Я не ходилъ никуда до обѣда и сидѣлъ подъ окномъ, смотря на бродившихъ кучами греческихъ волонтеровъ, которые только что прибыли изъ Евпаторіи. Говорятъ, они дрались тамъ хорошо, и многіе изъ нихъ получили кресты. Костюмъ ихъ былъ обыкновенный клефтскій: шитая куртка, какого случится цвѣта, подъ нею бѣлая фустанелла (коротенькая юбка) и широкій поясъ, изъ-за котораго торчалъ цѣлый арсеналъ оружія: чуть не десятокъ разныхъ дреколій, пистолетовъ и кинжаловъ. Обувь была своя, изъ особенныхъ перевязей, а у иныхъ и русскіе сапоги. Одни имѣли сверхъ куртки свою короткую овчинную шубу съ прорѣзными рукавами, другіе были одѣты въ русскіе полушубки. У боку мотались ятаганы, а также и наши кортики, шпаги и сабли. На головахъ были фески, съ нашитыми напереди мѣдными крестами. Все это странное войско, похожее на маскарадъ, отдано было подъ команду гусарскому майору князю Урусову. Они сами просили въ начальники Русскаго или Грека. Волон-

---

[1]) По-русски: *Морской вьюнъ*. Бой пароходовъ Владиміра и Первазъ-Бахри изображенъ въ Художественномъ Листкѣ, 1854, № 2.

теры часто толпились у квартиры своего начальника, сидя на его крыльцѣ и куря трубки. Однажды онъ вздумалъ сдѣлать имъ смотръ. Капитаны, одѣтые попараднѣе, выбранные изъ нихъ же, поставили ихъ въ возможно-ровные ряды, на той же большой улицѣ, какъ разъ противъ нашихъ оконъ, и мы могли видѣть этотъ смотръ. Скоро они смѣшались опять въ кучу, переходя другъ ко другу для разговора, и все-таки курили трубки. Князь Урусовъ проѣхалъ мимо нихъ верхомъ; они крикнули что-то такое по-гречески, и тѣмъ все кончилось. Ихъ разослали по разнымъ бастіонамъ, въ ложементы. Всѣ просились на четвертый. Но въ тотъ же день на желанномъ четвертомъ бастіонѣ ранили одного пулей. Не знаю, какимъ образомъ случилось, что не достали носилокъ: одинъ Грекъ понесъ товарища на плечахъ къ перевязочному пункту. Нѣсколько другихъ пошли за нимъ, повѣсивъ голову. Это была трогательная картина, какъ товарищъ товарища несъ, не утомляясь, слишкомъ версту, и донесъ до конца. Я забылъ утреннія комедіи и маскарадный видъ волонтеровъ. Думалось совсѣмъ другое...

Я сидѣлъ довольно долго подъ окномъ. Провели французскаго перебѣжчика; народъ останавливался и говорилъ: «ишь, молодчикъ!» — Ныньче перебѣгаетъ мало: одинъ-два въ день. Но въ холодные дни къ намъ перебѣгало до тридцати человѣкъ въ сутки.

Мы обѣдали въ городѣ, въ гостинницѣ Томàса. Готовятъ недурно и провизія свѣжая, но подаютъ нестерпимо медленно. Столько требованій, что можно не заботиться о посѣтителяхъ. Оттуда зашли въ лавки, находящіяся тутъ же, на Екатерининской улицѣ. Офицерскія вещи, которыя мы спросили, оказались немногимъ чѣмъ дороже московскаго и нисколько не дороже кишеневскаго. Бòльшая часть лавокъ принадлежитъ караи-

мамъ [1]); русскихъ двѣ-три, не больше. Въ послѣднее время, однако, купцы стали выбираться и уѣзжать.

Передъ вечеромъ я поѣхалъ отъ нечего дѣлать на Сѣверную сторону. Александръ Ивановичь принялъ меня по старому; мы не видались нѣсколько дней.

— Говорятъ, у васъ упала ракета? сказалъ я.

— Какъ же, вотъ тутъ! отвѣчалъ Александръ Ивановичь, да еще какъ: съ комфортомъ!

— Какъ такъ?

— Мы сидѣли въ большой компаніи и пили чай; такъ себѣ расположились, — чудо! вдругъ хлопъ! ракета!

Это называлось у него *съ комфортомъ*.

Къ ночи я воротился въ городъ. Началась сильная стрѣльба съ бастіоновъ. Непріятель отвѣчалъ только ракетами, и то къ утру. Я проснулся и слышалъ ихъ свистъ при паденіи. Вдругъ разразился ударъ надъ нашимъ домомъ. Раздался взрывъ, подобный взрыву бомбы, полетѣли жужжащія верешки и зазвенѣли стекла. У насъ въ корридорѣ поднялся шумъ и бѣготня. Я рѣшилъ, что это бомба, упавшая въ одинъ изъ номеровъ; но встать и посмотрѣть было лѣнь. Товарищъ мой и не просыпался. Черезъ нѣсколько минутъ я и самъ заснулъ. Мы встали поздно и пошли поглядѣть: оказалось, что это была ракета, ударившая во второй номеръ. Она пробила часть крыши, у самаго краю, потомъ капитальную каменную стѣну наискось, столъ, и зарылась въ мѣшкѣ съ овсомъ. При ударѣ послѣдовалъ взрывъ гранаты, которая была утверждена въ переднемъ концѣ ракеты, и потому показалось мнѣ, что это бомба.

---

[1]) Евреямъ, не признающимъ талмуда и говорящимъ по-татарски. Одѣваются они также по-татарски.

Въ трехъ номерахъ: первомъ, второмъ и третьемъ, лопнули всѣ стекла, а въ нашемъ, четвертомъ, который былъ напротивъ втораго, черезъ корридоръ, ни одного. На диванѣ, подлѣ пробитаго стола, спалъ деньщикъ офицера, занимавшаго номеръ. Его не задѣло нисколько. Мы спросили: «Что̀, испугался или нѣтъ?» — Нѣтъ, только проснулся, отвѣчалъ онъ: значитъ, не моя смерть! — Мы осмотрѣли ракету и развинтили ее. Это былъ родъ конгревовой ракеты, съ желѣзной гильзой и съ желѣзной приставкой на концѣ, въ которую утверждался деревянный хвостъ. Для чего-то было много винтовъ, сдѣланныхъ очень отчетливо. Хвостъ въ разрѣзѣ представлялъ звѣзду о пяти углахъ. Я видѣлъ послѣ ракетъ до десяти, и всѣ онѣ были совершенно одинаковы. Цѣльная, не согнутая ракета будетъ больше роста человѣка.

Послѣ чаю я отправился на Махаловъ курганъ. Со мною былъ офицеръ, данный адмираломъ Нахимовымъ, для того, чтобъ представить меня начальнику 4-го отдѣленія адмиралу Истомину. Мы нашли его обѣдающимъ, и я не рѣшился войдти. Офицеръ вошелъ одинъ и получилъ позволеніе показать мнѣ бастіонъ. Адмиралъ Истоминъ живетъ въ остаткахъ башни, которая была разбита непріятельскими выстрѣлами, въ бомбардировку 5 октября. Эту башню выстроило городское общество. Ее видно со всѣхъ концовъ Севастополя, по причинѣ высокой мѣстности. Я просилъ прежде всего показать мнѣ мѣсто, гдѣ убитъ Корниловъ. На немъ выложенъ крестъ изъ бомбъ[1]. Корнилова ранило осколкомъ гранаты въ нижнія части живота. Тутъ же у пушки, на блиндажѣ, сдѣлали ему перевязку; но онъ жилъ только два часа[1]...

---

[1]) Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 10-й. Тогдашній видъ башни въ Художественномъ Листкѣ, 1855. № 14.

[2]) Портретъ вице-адмирала Корнилова въ Художественномъ Листкѣ, 1854, № 6.

На Малаховомъ курганѣ очень тихо. Траншеи непріятелей около 700 сажень. Рѣдко приносится ихъ пуля. Не часто посѣщаютъ и бомбы. Однако, орудія всѣ до одного занавѣшаны щитами.

Оттуда я пошелъ на второй и первый бастіоны, изъ которыхъ дальній находится не больше, какъ въ полуверстѣ отъ Малахова кургана. Тамъ также тихо. Еще рѣже летаютъ пули, хотя непріятель ближе. Но онъ занятъ здѣсь новымъ редутомъ, возводимымъ подлѣ того, на которомъ было дѣло съ 11 на 12 февраля. Эти редуты какъ разъ противъ втораго бастіона, черезъ балку, называемую *Киленбалка*, потому что въ ней прежде, до устройства въ Севастополѣ доковъ, килевались суда, т. е. исправляли свои подводныя части.

Подлѣ перваго бастіона, въ глубокой балкѣ, обратили мое вниманіе остатки большаго городскаго сада — разбитая ядрами бесѣдка и опрокинутыя статуи. Деревья вырыты, и ими заваленъ одинъ фазъ батареи. Это, кажется, единственныя севастопольскія деревья, росшія въ такомъ большомъ количествѣ, и росшія здѣсь давно. По поводу ихъ устроили садъ, поставили бесѣдку, и было прекрасное гулянье; довольно большое разстояніе отъ города сокращалось удобствомъ сообщеній по водѣ. По-севастопольски это было вовсе недалеко.

Странное дѣло! какъ-то скучно на бастіонѣ безъ выстрѣловъ. Чего-то не достаетъ. Бастіонъ, такъ бастіонъ, со всѣмъ, что̀ должно быть на бастіонѣ. Выстрѣлы и свистящія пули — поэзія бастіоновъ. По истинѣ, въ иныя минуты мнѣ было пріятно слышать свистъ пуль.

Съ перваго номера я отправился въ городъ берегомъ моря и любовался движеніемъ пароходовъ и яликовъ въ бухтѣ. Херсонесъ бросалъ якорь. Темнѣющіе на водѣ катера̀ завозили канатъ... Какой-то безпечный охотникъ хлопалъ съ берега изъ

ружья по бакланамъ [1]). Вечеръ опускался на море, и на непріятельскихъ корабляхъ блеснули огни. Ночью по горизонту моря всегда линія огоньковъ. Мнѣ говорили, что до нихъ верстъ десять, а кажется очень близко: три-четыре версты.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ, я вышелъ изъ квартиры, не зная, куда пойду, какъ вдругъ навстрѣчу К*. «Куда вы?» — На новый редутъ: посылаетъ Сакенъ. Не хотите ли? — Мы пошли на Графскую. Казенный катеръ уже дожидался. Съ нами отправился еще одинъ офицеръ С. Можно было пристать въ двухъ мѣстахъ, не доѣзжая до Георгіевской пристани, куда никто не ѣздитъ, потому что эта пристань находится подъ горою у редутовъ, и туда уже летаютъ пули. Но намъ не хотѣлось итти много пѣшкомъ, и мы поѣхали прямо на Георгіевскую. Ровняясь съ Киленбалкой, мы спросили у гребцовъ: «ѣхать ли дальше? Если кто-нибудь изъ насъ будетъ убитъ, это наше дѣло, а что ихъ безъ нужды мы не хотимъ подвергать опасности и причалимъ тамъ, гдѣ обыкновенно причаливаютъ.» Мы знали, что говоримъ эту рѣчь, что̀ называется, *для блезиру;* но всетаки должно было сказать. — «Нешто мы тутъ не ѣзжали, отвѣчали намъ матросы: — двухъ смертей не бывать, одной не миновать!» и продолжали грести. Мы въѣхали въ Георгіевскій заливъ. Налѣво виднѣлось нѣсколько палатокъ Селенгинскаго полка; направо, подъ скалой, закопченной дымомъ костровъ, десятка два солдатъ варили кашу. Составленныя въ козлы ружья свѣтились на темномъ фонѣ впадины. Подлѣ были остатки рыбачьей хижины. Такъ и просилась картинка на бумагу. Я чуть не остановился. Но нельзя было отстать. Мы причалили къ остаткамъ какихъ-то воротъ изъ бѣлаго камня, вышли и стали подыматься въ гору, какъ вдругъ видимъ, что къ намъ бѣгутъ двое: это были пол-

---

[1]) Бакланъ — родъ гагары. Фигурой напоминаетъ утку, но больше ея.

ковникъ Сабашинскій, командиръ Селенгинскаго полка, и еще одинъ офицеръ. «Куда вы? куда?» кричали они. — На новый редутъ! — «Да тутъ не ходятъ: васъ убьютъ. У меня сегодня убило солдата, вонъ тамъ внизу, у палатокъ! Надо итти кругомъ, черезъ Селенгинскій редутъ!» Но К* не послушалъ. «Ну, какъ хотите; пойдемте, пожалуй, и тутъ! Я не отстану: мнѣ не въ первый!» — Мы прошли вверхъ еще шаговъ десять, какъ вдругъ двѣ пули, одна за другой, ударились въ землю направо отъ насъ, саженяхъ въ двухъ, разрѣзавъ дернъ двумя длинными полосами, потомъ нѣсколько свиснуло вверху. К* и С*, согнувшись, пошли къ стѣнкѣ редута, который былъ уже въ виду, шагахъ въ двадцати; а я остановился съ полковникомъ на горѣ. Мнѣ почему-то не хотѣлось итти. Въ это время пуля свиснула между мной и Сабашинскимъ такъ близко, что пахнулъ вѣтеръ. Сдѣлай мы шагъ впередъ, разсчетъ этой пули былъ бы иной. Я хотѣлъ вспомнить чѣмъ-нибудь это мгновеніе и, нагнувшись, увидѣлъ подъ ногами три желтые тюльпана: я сорвалъ ихъ и уложилъ въ бумажникъ. Вся гора была покрыта этими тюльпанами. Замѣтьте, это было въ февралѣ.

Потомъ мы пошли вправо, къ Селенгинскому редуту (такъ названъ редутъ, на которомъ было дѣло съ 11-го на 12-е). Тамъ гораздо тише. Я прислонился къ траверсу и отдохнулъ. Но тутъ мнѣ пришли на мысль мои товарищи, оставшіеся подъ стѣнкой. Я боялся за нихъ: какъ-то они пройдутъ пространство, уже пройденное нами? Но скоро я увидѣлъ ихъ входящими въ редутъ. Мы стали смотрѣть изъ-за щита, заслонявшаго одно орудіе, на траншеи непріятелей, откуда посылается все это множество пуль: едва виднѣлся валъ, и нужна была нѣкоторая привычка, чтобы отличить въ горѣ эту желтѣющую насыпь. До нея, по крайней мѣрѣ, было четыреста саженъ. А книзу, до палатокъ отъ редута, вѣрныхъ двѣсти. Между тѣмъ,

солдатъ, о которомъ говорилъ Сабашинскій, былъ пробитъ пулею насквозь! — Выстрѣловъ не видно вовсе. Пули сыпались, посылаемыя неизвѣстно кѣмъ и откуда. Мнѣ не совѣтовали долго глядѣть и высовываться, говоря, что непріятель замѣчаетъ у насъ малѣйшее движеніе и сейчасъ пускаетъ пулю. Но ихъ летало черезъ этотъ редутъ немного. Я сталъ отъ нечего дѣлать прислушиваться къ ихъ свисту. Иныя летѣли съ особеннымъ шуршаніемъ. Однажды я даже усомнился, точно ли это пуля, и спросилъ у солдатъ: «что, это пуля?» — Точно такъ! — «Отъ чего жь она такъ странно свиститъ?» — Да это *молоденькая!* — Молоденькими солдаты называютъ англійскія пули съ чашечками.

«А это какая?» — Это *лебедушка!* — Такъ называютъ они пулю глухую, безъ чашечки, съ небольшою впадиной.

Офицеры мнѣ говорили, что есть и еще названія, но сами вспомнить ихъ не могли, а я не слыхалъ.

Мы хотѣли итти опять той же дорогой; но Сабашинскій не пустилъ и повелъ насъ нѣсколько лѣвѣе, гдѣ, какъ онъ говорилъ, меньше пуль. Но я скоро могъ показать ему свѣже-взодранную ими землю. Такъ мы дошли до его блиндажа, устроеннаго въ концѣ горы, почти у самой пристани. За блиндажемъ идетъ нѣсколько палатокъ. Мы почитали себя безопасными. Выпили по рюмкѣ добраго хересу за здоровье полковника и его храбрыхъ Селенгинцевъ. Поговорили о дѣлѣ на Инкерманскихъ высотахъ, гдѣ Волынцы и Селенгинцы также были вмѣстѣ, и простились. Къ пристани пошли мы уже одни, сѣли въ лодку и черезъ часъ были опять въ городѣ. Какъ-то особенно хорошо пообѣдалось у Томаса. Вечеромъ я ходилъ въ Корабельную слободку, къ Волынцамъ, и тутъ они мнѣ сообщили нѣсколько подробностей о дѣлѣ съ 11-го на 12-е. Разсказывали, между прочимъ, будто непріятели пустили однажды въ городъ огромный самоваръ, начиненный разными горючими веществами;

но его не разорвало, и что будто бы онъ у кого-то сохраняется. Я не успѣлъ навесть справокъ, потому что на другой день мы получили разрѣшеніе выѣхать. Энергически, въ пять минутъ, собрались мы въ дорогу. Я съѣздилъ на Сѣверную проститься съ однимъ артиллерійскимъ генераломъ, командиромъ четвертаго номера. Зашелъ также къ Долгорукову и узналъ, что капитанъ зуавовъ (фамилія его была Сажъ) и его солдаты умерли (они, кажется, носили арабскія имена); но русскимъ всѣмъ лучше, и раны идутъ хорошо. Воротясь въ городъ, я сходилъ на шестой бастіонъ и простился съ Зоринымъ.

Когда я шелъ домой, непріятель сталъ пускать бомбы. Двѣ разорвало почти надъ моей головой, нѣсколько въ боку, и долго стояли въ воздухѣ неразвѣваемыя вѣтромъ облачка, которыя всегда бываютъ послѣ разрыва. Это были единственныя непріятельскія бомбы, видѣнныя мною близко.

Въ послѣдній разъ пообѣдали мы у Томàса и потомъ, собравъ вещи, пошли на пристань. Было пріятно услышать крики: «На Сиверную! на Сиверную!» хотя и не скучно было въ Севастополѣ, хотя этотъ городъ имѣетъ въ себѣ что-то притягивающее. Теперь я бы опять поѣхалъ туда, но въ то время хотѣлось въ Кишиневъ. Тамъ ждали товарищи; тамъ было больше своего, знакомаго; тамъ былъ *домъ*, а тутъ *гости*. Я думалъ о моей маленькой хатѣ, о моей доброй хозяйкѣ, любившей меня, какъ сына; о невозмутимой тишинѣ, окружающей мое жилище.

На станціи мы опять нашли офицеровъ на овсѣ, но разумѣется другихъ. Лошадей не было; мы ждали часовъ пять и выѣхали, когда уже стало совсѣмъ темно. Надо было еще заѣхать къ Липранди, который стоитъ съ отрядомъ верстахъ въ шести отъ города, на Инкерманскихъ возвышенностяхъ [1]).

---

[1]) Гдѣ впослѣдствіи стоялъ Главный Штабъ Крымской арміи.

Татарченокъ, везшій насъ, какъ водится, не зналъ дороги; мы поѣхали такъ, на авось, направо, по своимъ соображеніямъ, потому что видѣли лагерь Липранди изъ Севастополя. Мы ѣхали и ѣхали все по горамъ, и что-то казалось долго. Была тьма кромѣшная. Но вотъ затемнѣли палатки.... Удивительное дѣло это русское *авось!* Какъ рѣдко оно измѣняетъ русскому человѣку! — На дорогу выѣхать уже было не мудрость. Держи налѣво — и кончено!

На разсвѣтѣ показалась живописная Дуванка, съ ея садами, тополями и горами, которыя окружили насъ совершенно, когда мы проѣхали слѣдующую станцію. Дорога была суха и крѣпка, какъ камень. Кое-гдѣ уже начинала пробиваться зелень. Облака ластились къ горамъ, поминутно задергивая ихъ своимъ млечнымъ пологомъ. Я вспомнилъ, что мнѣ кто-то говорилъ въ Москвѣ и еще крѣпко спорилъ, что Чатырдагъ никогда не покрываютъ облака, и что онъ слишкомъ расписанъ поэзіей. Не только Чатырдагъ, но и самыя незначительныя горки въ томъ краю бываютъ покрыты нерѣдко облаками. Притомъ, я замѣтилъ, что въ гористыхъ мѣстахъ есть какія-то особенныя облака, дружныя съ горами. Они не отходятъ отъ горъ. Иное задвинется въ ущелье и стоитъ, какъ будто ему тамъ пріятно и лѣнь тронуться съ мѣста. Между тѣмъ, вверху всегда есть свои облака, играющія съ одними воздушными вихрями. Они вѣчно ходятъ высоко и не мѣшаются въ затѣи своей мелкой братьи. Въ ровныхъ мѣстахъ этого нѣтъ. Тамъ одно высокое облачное небо. И если случится какая-нибудь одинокая горка, къ ней никогда не спустится облачко; а будь эта самая горка въ мѣстахъ гористыхъ, ее бы всякое утро лелѣяли туманы.

Скоро я отличилъ снѣжную вершину Чатырдага, къ которому привыкъ въ Севастополѣ. Онъ, дѣйствительно, не бросается въ глаза; но до него оттуда далеко — верстъ шестьдесятъ. Названіе *Палатъ-гора* очень ловко, хотя и дано,

вѣроятно, какимъ-нибудь Татариномъ, переводившимъ Русскому его значеніе. Собственно Чатырдагъ значитъ *Шатеръ-гора,* и *чатыръ*, конечно, есть прародитель *шатра*. По-сербски *чадоръ*. И онъ похожъ на шатеръ, а не на *мачту Крыма-корабля,* какъ провеличалъ его поэтъ. Но пусть будетъ такъ, и я все-таки повторилъ:

> Drżąc muślimin całuje stopy twéj opoki,
> Maszcie Krymskiego statku, wielki Czatyrdachu [1])!

Съ Алминской станціи, третьей отъ Севастополя, онъ показывается очень живописно, между ближайшими горами, которыя идутъ справа и слѣва и какъ-будто нарочно раздвигаются, чтобы открыть его зрителю. Онъ между ними какъ въ рамѣ. Я любовался этой картиной, стоя у воротъ, и тутъ подошелъ ко мнѣ ямщикъ, везшій насъ въ Бахчисарай, — лихачъ, и Русскій и Татаринъ вмѣстѣ. Мы тотчасъ узнали другъ друга. «Вотъ, ваше благородіе, и Чатыртау!» сказалъ онъ мѣстнымъ произношеніемъ и опять перевелъ мнѣ его по-русски.

— А что̀, сколько отсюда будетъ до Чатыртау? спросилъ я.

— Верстъ пятьдесятъ; а то и всѣ шестьдесятъ будетъ.

— А можно дойдти до него такъ, прямо?

— Какъ можно! отвѣчалъ онъ: — дичина, и та не можетъ! Тутъ такіе яры, что сохрани Богъ!

Я опять вспомнилъ поэта:

> Gdzie orły dróg nie wiedzą, konczy się chmur jazda... [2])

Но *хмуры* хотѣли мнѣ какъ нарочно доказать, что поэзія не права, и что тутъ вовсе не кончается ихъ *ъзда*: живая

---

[1]) Трепеща цалуетъ мусульманинъ подошву твоей скалы, о, мачта Крыма-корабля, великій Чатырдагъ!

[2]) Гдѣ орлы дорогъ не знаютъ, кончается тучъ ѣзда...

картина стала ими задвигаться, и скоро остались однѣ рамы и еще занавѣсь, которая больше не поднималась.

Въ Бахчисараѣ мы имѣли бумаги къ коменданту, и это заставило насъ заѣхать въ городъ. Бахчисарай лежитъ между горами. Когда ѣдешь по лѣвому скату, длинной и предлинной улицей, самой главной и лучшей, — направо, внизу, видѣнъ весь городъ, какая-то каша строеній, мелкихъ бѣленькихъ домиковъ, съ черепичными нависнувшими крышами: улицъ, площадей, и заборовъ, почти незамѣтно. Мѣстами возвышается два-три минарета — бѣлыя, тонкія башни съ остроконечной крышей, похожія на бунчуки. Мѣстами возносятся тополи... и вотъ Бахчисарай! Главная улица, по которой обыкновенно въѣзжаютъ въ городъ, очень узка, такъ что съ большимъ трудомъ можно разъѣхаться двумъ экипажамъ. Это какой-то (на ту пору грязный) коридоръ между татарскими лавками и кофейнями. Почти вся улица состоитъ изъ лавокъ. Подъ навѣсами, утвержденными на деревянныхъ столбикахъ, сидятъ торговцы-Татары, въ халатахъ, курткахъ, въ широкихъ шароварахъ, въ черныхъ овчинныхъ шапкахъ, или въ рыжихъ верблюжьихъ, и въ туфляхъ, иногда на прилавкахъ, иногда просто на полу, между выставленнымъ товаромъ. Тутъ висятъ на ниткахъ кожаные мѣшки для табаку; кошельки, ремешки, сапоги; стоитъ трехугольникомъ бурка; тамъ краснѣются яблоки, вмѣстѣ съ пряниками; бѣлѣетъ брынза — особенный сыръ изъ творогу, въ видѣ приплюснутыхъ хлѣбовъ; а вотъ табакъ и трубки. Хозяева сидятъ и курятъ, и къ нимъ зашелъ гость въ двойныхъ желтыхъ туфляхъ, по случаю грязи, которыя неизвѣстно какъ держатся у него на ногахъ. Онъ свѣсилъ ноги съ помоста на улицу, избоченился и тоже куритъ; а вонъ мелькнуло что-то бѣлое: это прошла черезъ улицу Татарка, покрытая чадрой; блеснули въ отверстіе покрывала одни черные глаза и больше ничего... Мы ѣдемъ дальше, и все мимо та-

кихъ же лавокъ. Вотъ лавка-кузница въ вѣчномъ движеніи. Два Татарина гремятъ молотками по раскаленному желѣзу. Рядомъ лавка сапожника: онъ сидитъ и тачаетъ сапоги. За нею лавка-трактиръ: кипитъ и бурчитъ масло на сковородахъ; Татаринъ, въ бѣлой рубашкѣ, съ засученными рукавами, вытаскиваетъ изъ котла говяжьи катышки и кидаетъ на сковороду... Дальше Татаринъ-шапочникъ, окруженный безчисленными шапками, устроиваетъ еще одну шапку. Посторонніе, прохожіе Татары стоятъ у лавокъ, переходятъ со стороны на сторону, бормочутъ и перекликаются черезъ улицу-коридоръ. Вотъ ѣдетъ на верблюдахъ арба, навстрѣчу четыре пары воловъ.... улица запружена совсѣмъ.... крикъ, бормотня еще больше... а тутъ еще рота солдатъ съ барабаномъ: давай имъ дорогу!... но волы уперлись и не йдутъ, грязь по колѣно... солдатамъ не ждать: они проходятъ гуськомъ и по два въ рядъ подъ низкими навѣсами татарскихъ лавокъ — и вверху, и внизу, и всюду солдаты.... а тутъ опять бурки, башлыки, ремни, кошельки и брынза.... А вотъ и русскій *чайный трактиръ*. Гдѣ же дворецъ? Тамъ на концѣ. Проѣхали еще лавокъ пять съ кошельками, яблоками и туфлями, какъ вдругъ направо показалось довольно большое и длинное зданіе, съ высокими, красивыми трубами. Изъ-за него выглядывалъ бѣлый минаретъ. Мы въѣхали въ арку воротъ, у которыхъ стоялъ какой-то инвалидъ, неизвѣстнаго племени, говорившій плохо по-русски.

— Что̀, можно взглянуть на дворецъ? спросилъ я у него, покамѣстъ мой товарищъ пошелъ отъискивать коменданта.

— Можно.

— А гдѣ фонтанъ Маріи?

— А вотъ тутъ направо, гдѣ топо̀ля.

Высокій и красивый тополь выступалъ изъ-за пестрыхъ

зданій, которыя были связаны одно съ другимъ, составляя какъ бы заборъ; въ этомъ заборѣ была новая арка и ворота.

— А гдѣ гробница Потоцкой?

Неизвѣстное племя знало и гробницу Потоцкой.

— А вонъ!

Я взглянулъ: прямо на скатѣ, подъ горой, тоже задвинутая строеніями и арками, стояла низкая башня, съ круглымъ куполомъ.

> W kraju wiosny, pomiędzy roskosznémi sady,
> Uwiędłaś, młoda róžo!... [1])

Я хотѣлъ пойдти и поклониться юной розѣ, кто бы она ни была; но меня остановила непроходимая грязь. На дворѣ появился какой-то унтеръ-офицеръ, брякавшій ключами. Ясно было, что онъ намѣренъ показать намъ дворецъ. Мой товарищъ воротился, и мы пошли за солдатомъ съ ключами. Войдя въ арку и пройдя нѣсколько шаговъ, мы остановились въ большихъ сѣняхъ, и проводникъ указалъ намъ налѣво «Фонтанъ Маріи Потоцкой». Онъ воображался мнѣ иначе. Не имѣя понятія о восточныхъ фонтанахъ, я все думалъ о фонтанѣ, бьющемъ вверхъ. Фонтанъ Маріи бьетъ изъ мраморной стѣны, сверху внизъ, изъ отверстія наподобіе почки какого-то цвѣтка. Онъ напоминаетъ печь съ украшеніями. Вода падаетъ на четыре карниза, помѣщенные одинъ подъ другимъ, катится струйками по мрамору

> И каплетъ хладными слезами,
> Не умолкая никогда.

Сами собой повторяются стихи, какъ будто созданные подъ эти немолчные плески...

---

[1]) Въ краю весны, между роскошными садами, увяла ты, юная роза....

Весь мраморъ исписанъ именами. Я искалъ слѣдовъ двухъ поэтовъ... Многое стерлось временемъ, а многое и руками желавшихъ непремѣнно явиться на мраморѣ. Новыя имена заступили мѣсто прежнихъ. Болѣе скромные писали въ сторонѣ, на сѣромъ плитнякѣ и алебастрѣ. Притомъ, это вѣрнѣе: кто хочетъ остаться дольше, пиши на алебастрѣ; а на мраморѣ, можетъ быть, смоютъ тебя завтра жь. Вверху фонтана надъ зубчатыми украшеніями, — луна и какъ бы крестъ. Татарская надпись, въ четыре строки, означаетъ слѣдующее:

Лицо Бахчисарая улыбнулось опять: Богу слава да будетъ!

Хорошо изобрѣтеніе милостиваго величества Керимъ-Гирея.

Въ водѣ утолилъ жажду странъ, трудомъ рукъ своихъ.

Еще много для добра постарается, если будетъ Божія помощь.

Воду нашелъ, хорошее назначеніе ей далъ, со свойственною ему проницательностью.

Если идучи-пойдешь, увидишь у насъ Сирію-Багдадъ.

Жаждущій Шейхъ [1]) *прочтетъ въ словахъ трубки число.*

Иди, пей воду чистую! этотъ фонтанъ даетъ здоровье!

—

Ниже есть арабская надпись, которая значитъ слѣдующее: *въ раю есть источникъ, коего имя Сельсебиль.*

Вообще весь фонтанъ недуренъ, но онъ не лучшій. Тутъ же,

---

[1]) *Шейхъ*, кажется, вмѣсто *путникъ*. *Прочтетъ въ словахъ трубки число* — мнѣ объясняли такъ: сочинители этихъ надписей имѣли обыкновеніе скрывать годъ постройки въ какомъ-нибудь стихѣ надписи. Надо вывесть числительное значеніе буквъ.

въ сѣняхъ, есть другой фонтанъ гораздо красивѣе. На немъ такая надпись:

Капланъ-Гирей-ханъ, сынъ Эль-хаджи-Селимъ-Гирей-хана. Да проститъ Богъ ихъ обоихъ и родителей ихъ! [1])

Ниже арабская надпись изъ Корана: *И напоилъ ихъ Господь ихъ напитками чистыми.*

Рядомъ съ этимъ фонтаномъ есть дверь въ ханскую молельню, которую почему-то называютъ молельней Маріи Потоцкой. Надъ дверями такая надпись: *Селямедъ-Гирей-ханъ, сынъ Эль-Хаджи-Селимъ-Гирей-хана. 1155.*

Ключникъ отворилъ намъ двери во дворецъ.

— Вотъ комнаты Маріи Потоцкой, сказалъ онъ.

Здѣсь опять странная луна съ крестомъ... «А вотъ судейская!» Это была довольно большая комната, со стѣнами подъ мраморъ, съ цвѣтными фигурными стеклами, съ узорнымъ красивымъ потолкомъ и хрустальной люстрой. Потолокъ лучше всего. Замѣчательна также мастика, употребленная на стѣны: она обманываетъ и зрѣніе, и осязаніе. Только по звуку это не мраморъ. Кто-то догадался и покрылъ эти чудесныя стѣны новой краской на мѣлу; но кто-то другой стеръ въ одномъ мѣстѣ новую краску. Чичероне объ этомъ знаетъ и показываетъ. Въ концѣ залы, подъ самымъ потолкомъ, вы видите частую зеленую рѣшетку. Тамъ есть небольшая комната, въ которую можно пройдти изъ палатъ хана. Говорятъ, что ханъ за этой рѣшеткой невидимо присутствовалъ при засѣданіяхъ судилища. Мы осмотрѣли и ханскія комнаты. Вездѣ узорные, красивые потолки. Подъ ногами особаго рода мелкія рогожки, тѣ самыя, по которымъ двигались ханскія туфли. Окна бѣлаго

---

[1]) Есть и годъ, но не ясенъ. Всѣ эти года, разумѣется, считаются отъ гиджры.

стекла съ рябью, а мѣстами и цвѣтныя. Въ одной комнатѣ, по краямъ, подъ потолкомъ — мелкая живопись, изображающая разные виды, деревья, домики. Все это сохранилось весьма хорошо. Въ двухъ комнатахъ бьютъ фонтаны вверхъ, въ нѣсколько отверстій; кругомъ диваны, обтянутые красной шерстяной матеріей: по угламъ низкіе восточные столики чернаго дерева, выложенные перламутромъ. Мы были и въ той комнатѣ, откуда изъ-за рѣшетки ханъ будто бы глядѣлъ на купающихся женъ. Мы осмотрѣли потомъ и мраморную купальню: это бассейнъ, шириною сажени въ двѣ и глубиною въ аршинъ. На небольшой луговинѣ, подлѣ этой купальни, растутъ двѣ пышныя мирты, а по каменному забору, идущему кругомъ садика, вьется виноградъ. Тутъ же стоитъ и тотъ чудесный тополь, который мнѣ указалъ со двора привратникъ. Въ концѣ садика бьетъ еще два фонтана. Потомъ мы осмотрѣли ханскую спальню, столовую, пріемную, посольскую и комнату для бритья. До сихъ поръ цѣло парчевое покрывало, которымъ головобрѣй занавѣшивалъ послѣдняго Гирея. Оттуда вожатый привелъ насъ въ покои ханскихъ женъ, довольно большія комнаты, съ зеркаломъ въ каждой и съ особенными шкапами для платья. Шкапы эти сдѣланы грубо и выкрашены одноцвѣтной масляной краской. Подъ ногами вездѣ рогожаная подстилка. Въ одной комнатѣ висятъ два опахала изъ страусовыхъ перьевъ....

. . но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса гарема?..

Грустно-пустынно раздается шагъ зашедшаго туда посѣтителя. Тлѣютъ пышные дворцы. Съ каждымъ часомъ рука времени стираетъ черты; но поэзія облекла вѣчнымъ очарованіемъ забытыя сѣни ханскихъ Палатъ:

Еще понынѣ дышитъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ...

Могилъ гарема намъ не показали. Онѣ въ вѣдѣніи мусульманскаго духовенства, и входъ въ каменную ограду всегда запертъ. Два низкія круглыя зданія съ куполами выходятъ наружу. Чичероне сказалъ, что тамъ похоронены ханы. Подлѣ, въ горѣ, журчитъ ключъ, дающій жизнь всѣмъ фонтанамъ сада [1]).

> Gdzież jesteś, o miłości, potęgo i chwało?
> Wy macie trwać nawieki, źródło szybko płynie,
> O hańbo! wyście przeszły, a źródło zostało! [2])

Преданіе о произшествіи, разсказанномъ Пушкинымъ, сохранилось въ народѣ до-сихъ-поръ. Мнѣ передавали всю эту исторію почти такъ же, какъ она въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ». Зарема въ дѣйствительности называлась Ферѝ. Ханъ любилъ ее больше другихъ женъ, но когда привезли ему чужую плѣнницу, неизвѣстно какую, только не Татарку, онъ оставилъ Ферю̀. Имя новой одалыки ему не понравилось и онъ сказалъ: «да будешь ты отнынѣ Диляра̀-Пикѐчь» [3]). Что̀ значитъ: «украшающая сердца княжна.» Она скоро умерла и ханъ подозрѣвалъ, что ее извела Ферѝ — и Ферѝ также не стало. Ханъ построилъ надъ прахомъ Диляра̀-Пикѐчь дюрбѐ, или надгробный памятникъ, о которомъ я уже сказалъ выше. Тамъ есть надъ дверями надпись: *За душу покойной и помилованной Богомъ Диляра-Пикечь фатиху*! — подразумѣвается *прочти!* «Фатиха» — первая глава Корана.

Задумавшись выѣзжаешь изъ Бахчисарая. Мы не замѣтили, какъ татарскіе кони втащили насъ на огромную гору, откуда

---

[1]) Ихъ числомъ 17. Кромѣ того въ городѣ 47 фонтановъ.

[2]) Гдѣ жь любовь, владычество и слава? Вамъ пребывать вѣчно.... источникъ быстро бѣжитъ.... о, позоръ! Вы миновали, а источникъ остался!

[3]) Можно читать *Бикечь*, и это правильнѣе: Бекъ — князь, Бикечь — княжна, но я держусь вездѣ татарскаго произношенія.

еще виднѣе поэтическій, странный городъ. Но его видишь минуту. Дорога поворачиваетъ вправо, и бугоръ закрываетъ все. Мелькнувшимъ сномъ припоминается Бахчисарай и его опустѣлые, пестрые дворцы...

Мы опять стали встрѣчаться съ обозами. Горы пошли понижаться и передъ Симферополемъ пропали совсѣмъ. Потянулась степь, грязь. По степи показались суслики: они безпрестанно мелькали за кочками, то вьющейся сѣрой полоской, то торчащими столбиками; и здѣсь, и тамъ бѣжалъ трусливый звѣрокъ, настораживая уши; останавливался, прилегалъ и думалъ, что имъ занято все, что̀ ни йдетъ и ни ѣдетъ, и что на него мчится тройка чудовищъ... быстро несся онъ къ норѣ, еще разъ мелькалъ и глядѣлъ изъ-за кочки своими вострыми глазками и вдругъ нырялъ въ норку, какъ въ воду. Жаворонки пѣли одинъ передъ другимъ. Дрофы перелетывали стадами съ мѣста на мѣсто. Бѣжали потоки отъ растаявшихъ снѣговъ, и часто надо было далеко объѣзжать эту журчащую поэзію степей. Въ Перекопѣ мы едва не сѣли. Экипажъ Великихъ Князей (небольшая коляска) влекся одиннадцатью парами воловъ и двумя верблюдами. Великіе Князья оставили его и пересѣли въ другой, болѣе легкій. Тиммъ, издатель «Художественнаго Листка», разъѣзжалъ по городу верхомъ, ожидая прибытія на станцію этой коляски. Онъ мнѣ и разсказалъ все дѣло. Мы потащились изъ Перекопа шагомъ. Грязь, грязь и грязь. Наконецъ и мы стали, въѣзжая въ Николаевъ. Четверка лошадей не брала простой курьерской тележки. Пришлось выпрячь лошадей, сѣсть верхомъ и такъ доѣхать до станціи, — версты четыре, грязными улицами города. Вещи мы взяли на лошадей. Кто вытащилъ потомъ телегу, неизвѣстно. Впослѣдствіи мы находили много брошенныхъ въ полѣ телегъ и тарантасовъ, безъ всякого присмотра. Увезти было некому. Не доѣзжая трехъ станцій до Одессы, мы опять застряли въ

грязи. Было верстъ девятнадцать до перемѣны лошадей, и стало уже темно. Къ счастію, намъ попался расторопный и ловкій ямщикъ. Въ совершенныхъ потьмахъ, такъ что мы не видали другъ друга, онъ выпрягъ лошадей, перевязалъ возжами наши вещи, поддѣлалъ намъ веревочныя стремена, усадилъ, — и мы двинулись въ походъ, бросивъ телегу. На бѣду пошелъ дождикъ. Отъѣхавъ верстъ пять, мы сбились съ дороги. По сторонамъ выли волки, и такъ близко, что наши лошади храпѣли. Сколько мы ни улюлюкали, волки не уходили. Все это вмѣстѣ было нисколько не лучше путешествія подъ штуцернымъ огнемъ. Мы кружили, кружили — и все-таки не находили дороги.

— А ка̀къ намъ былъ дождикъ, когда мы поѣхали? сказалъ геній-ямщикъ.

— Въ лѣвое плечо.

— Точно, въ лѣвое плечо. Такъ и надо стать и ѣхать.

Ста̀ли такъ и поѣхали, и выбрались на дорогу. Чтобы не сбиться еще, мы распорядились такимъ образомъ: поѣхали гуськомъ, другъ за дружкой, и каждый смотрѣлъ внизъ и въ тоже время слушалъ звукъ копыта. Если казалось кому нибудь, что сбились, онъ давалъ знать: другіе два повѣряли. Ямщикъ иногда слѣзалъ и щупалъ дорогу рукой. Такъ доѣхали мы до какихъ-то стоговъ.

— Должны быть стоги на дорогѣ?

— Должны.

— Значитъ, такъ ѣдемъ?

— Такъ!

— Да тутъ есть и землянка, прибавилъ ямщикъ: — не перегодить-ли намъ до свѣту, ваше благородіе?

— Давай, перегодимъ.

— Эй, малый! крикнулъ геній-путеводитель: — пусти въ землянку!

Чей-то перепуганный голосъ отвѣчалъ, запинаясь:

— Я пожалуй, да у меня, дяденька, ничего нѣтути, и огня нѣтути!

— Ничего и не надо.

Мы полѣзли въ какую-то соломенную нору, щупая кругомъ: все была солома, но, по крайней мѣрѣ, сухая. Лошадей мы сунули къ сѣну. Клажа осталась на нихъ; а сами всѣ втроемъ, четвертый мальчикъ, забрались въ землянку и черезъ мигъ заснули. Мнѣ случилось встать раньше всѣхъ. Я разбудилъ товарищей. Свѣтъ едва брезжилъ, но дождикъ пересталъ. Мнѣ мелькнула передъ землянкой сонная фигура малаго, сторожившаго стога, которые наши лошади немного пораздергали. Но малый былъ за это не въ претензіи. Чемоданы наши были сохранны, какъ будто кто стерегъ ихъ. Мы поѣхали по дорогѣ и скоро увидѣли станцію. Больше такого непріятнаго безсѣдельнаго странствованія не случилось. Еще разъ мы ѣхали верхомъ цѣлую станцію, но уже на осѣдланныхъ лошадяхъ. Подъѣзжая къ Одессѣ берегомъ моря, на этотъ разъ днемъ, мы опять слышали его шумъ и раскаты; но странно! — это было совсѣмъ не то, что ночью. Тѣ же волны, а плескали не такъ. Я старался создать прежній звукъ разными усиліями, закрывался, предаваясь мыслями одному этому: и все было не то.. . До Бендеръ не случилось ничего особеннаго. Но тутъ, въ Перканѣ, у Днѣстра, задержалъ насъ ледъ. Мы жили три дня въ одномъ болгарскомъ семействѣ, состоявшемъ изъ старухи-хозяйки, двухъ ея сыновей и двухъ невѣстокъ. Одна была стройна, какъ пальма. Я спѣлъ ей одну болгарскую пѣсню, гдѣ говорилось о красавицѣ, которая когда шла лѣсомъ, — сухое дерево распускалось, а цвѣтущее увядало.

Сухо ще дрьво листъ пустнѫ,
А сурово ще повѣнѫ...

— Гдѣ ты выучился по-болгарски? спросила она меня.

— Въ Россіи, отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, не можетъ быть, сказала красавица: — откуда тамъ Болгары!... А ты, вѣрно, былъ въ Болградѣ.

Болградъ — это ихъ лучшая колонія въ Бессарабіи, можно сказать, городъ, дальше и лучше котораго они ничего не знаютъ. Красавицѣ было только шестнадцать лѣтъ, а мужу ея девятнадцать, и онъ былъ также красивъ. Она одѣвалась всегда хорошо, и подпоясывала свой стройный станъ широкимъ поясомъ съ большими серебряными бляхами. Домикъ, въ которомъ жило все это семейство, былъ очень недуренъ, въ двѣ комнаты съ особенной кухней; на дворѣ кричали гуси и утки. Все было просто и тихо. Къ нимъ ходилъ всякій вечеръ одинъ старикъ изъ низу, съ рѣки, гдѣ онъ имѣлъ сады. Его звали *Сусидъ*, и мы такъ стали называть. Сусида всѣ уважали, и хозяйка всегда ставила ему стулъ.

— А что, нельзя ли какъ переправиться? спросили мы его однажды.

— Нельзя! отвѣчалъ Сусидъ; — крыга такая идетъ, что о! [1])

— Да нѣтъ ли тамъ кого, чтобы перевезъ?

— Хошь до неба кричи, никого не найдешь! Прошлый годъ такъ-то поѣхали: чисто всѣхъ утопило!

— Всѣхъ?

— Ого!

Этимъ онъ кончилъ рѣчь. Сусидъ былъ немного лаконическаго свойства и размазывать рѣчей не любилъ.

Такъ мы сидѣли у моря и ждали погоды, наконецъ, привыкли и забыли наблюдать за льдомъ. На третій день вече-

---

[1]) Крыга — ледъ.

ромъ пришелъ къ намъ Сусидъ и сказалъ съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ:

— Ну, завтра будетъ переѣздъ: крыга проходитъ!

Сусидъ былъ сколько лакониченъ, столько же и трусоватъ, и ему никакъ не воображалось, что перевозъ начнется раньше завтрашняго дня, и уже начался, покуда онъ шелъ снизу. Я взглянулъ въ окно и увидѣлъ ходящія отъ берега до берега лодки. Мы бросились увязывать чемоданы, побѣжали за лошадьми, но покуда запрягали, уже стемнѣло, и лодки перестали ходить. Утромъ, чуть свѣтъ, вскочили мы, чтобы ѣхать... и что̀ же? крыга шла еще сильнѣе. Сусидъ опустилъ голову и не говорилъ ни слова. Тутъ наѣхалъ къ намъ курьеръ, одинъ изъ адъютантовъ князя, посланный вслѣдъ за нами изъ Севастополя. Мы всѣ втроемъ пошли на рѣку и рѣшились, во что̀ бы то ни стало, переѣхать. Ледъ шелъ сильно только посрединѣ; къ краямъ было жиже, а мѣстами и совсѣмъ чистая вода. Стоило только пробиться сквозь среднюю полосу, и тогда мы тамъ. Мы достали большую лодку и десять багровъ, чтобы отпихивать ледъ. Трусливый Сусидъ говорилъ, что нельзя, и всѣ говорили, что нельзя, а вышло — можно. Мы сѣли благословясь. Много народу собралось на той и другой сторонѣ, смотрѣть, какъ мы будемъ переправляться. Изъ крѣпости также вышли кучки и глядѣли. До встрѣчи съ полосой мы ѣхали благополучно; но тутъ ледъ окружилъ насъ и понесъ. Напрасно багры впивались въ него и толкали: самая маленькая льдина была на бѣгу своемъ сильнѣе человѣка.... Тутъ поднялся крикъ и шумъ; мы стали работать веслами и баграми и какъ-то выбрались на чистое мѣсто.... Но это былъ еще не конецъ: огромная льдина неслась прямо на лодку, угрожая насъ опрокинуть. Всѣ увидѣли ее вдругъ и вдругъ ударили въ веслы; лодка вынеслась, льдина прошла мимо, и мы причалили къ берегу, гдѣ ожидали насъ лошади.

Три станціи къ Кишиневу пролетѣли мы летомъ, потому что дорога была прекрасная, по горамъ; но послѣдняя станція оказалась грязна, и на бѣду повезъ Молдаванъ, сонный, неповоротливый, не знавшій дороги и не говорившій по-русски. Блаженъ, кто не имѣлъ несчастія ѣздить съ этимъ народомъ. Къ тому же надо прибавить, что у нихъ почти нѣтъ никакой упряжи. Лошади везутъ на особыхъ лямкахъ, безъ хомутовъ, и никогда не взнузданы. У четверни всего двѣ возжи. Пристяжныя скачутъ безъ возжей. Разумѣется, подъ гору тройка несетъ, и ка̀къ еще не ломаютъ никому шей, это совершенно непостижимо. Слѣзать же въ такихъ случаяхъ нѣтъ и заведенія. У меня никогда такъ не замирало сердце, какъ въ тѣ минуты, когда молдаванскіе не взнузданные кони мчали насъ впотьмахъ подъ гору, неизвѣстно куда; а мой товарищъ, больше меня привыкшій къ этимъ штукамъ, обыкновенно хохоталъ во все горло. Стало быть, ко всему можно привыкнуть. Въ довершеніе всѣхъ удовольствій, испытанныхъ на этой насчастной станціи, криковъ съ Молдаваномъ по-русски и по молдавански, — мы сѣли въ грязь, и гдѣ же? — уже въѣзжая въ городъ, едва не въ виду своихъ жилищъ! Огни Кишинева привѣтно горѣли тутъ, сейчасъ за мостомъ, и манили насъ къ себѣ. Дѣло, впрочемъ, знакомое: выпрягай лошадей и поѣдемъ верхомъ! Къ счастію, вблизи случилась будка. Мы крикнули будочнику. Онъ явился и оказался преловкій и преуслужливый малый. Огня у него не нашлось. Впотьмахъ, кӑкъ нѣкогда геній-путеводитель, перевязалъ онъ намъ вещи, пока ямщикъ выпрягалъ лошадей... какъ вдругъ мы услышали сзади звонъ бубенчиковъ: наѣхала обратная тройка, пустая телега.

— Возьми насъ съ собой!

— Что̀ жь, можно, отвѣчалъ русскій человѣкъ — вы кто будете?

— Такіе-то.

— Ну, что̀ жь, садитесь.

Итакъ, мы въѣхали вь Кишиневъ совсѣмъ не тѣми улицами, какъ въѣзжаютъ обыкновенно. Ямщикъ, избѣгая грязи, не поѣхалъ прямо. Черезъ часъ мы стучали въ ворота своей хаты. На душѣ было невыразимо пріятно. Кишиневъ показался мнѣ роднымъ городомъ.

1855. 1857.
Кишиневъ. С.-П.-бургъ.

СЕВАСТОПОЛЬ
СЪ АПРѢЛЯ ДО СЕНТЯБРЯ
1855 ГОДА.

—

Вторичный пріѣздъ въ Севастополь. — Куриная балка. — Перемѣна съ Александромъ Ивановичемъ. — Помѣщеніе на фрегатѣ Коварнѣ. — Видъ съ него на Севастополь. — Сѣверная балка. — Графская пристань. — Главный перевязочный пунктъ. — Библіотека. — Маленькій бульваръ. — Константиновская батарея. — Главный штабъ. — Батарея Марія. — Переходъ базара на новое мѣсто.

—

Я прожилъ въ Кишиневѣ недолго. Въ концѣ февраля князь Горчаковъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Крымъ. По отъѣздѣ его изъ Кишинева, я былъ вызванъ, съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, въ Севастополь, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими офицерами, и пріѣхалъ туда 17-го апрѣля (1855) въ ночь. Эту ночь я провелъ на знакомомъ овсѣ, гдѣ спалъ 11-го февраля, въ первый мой пріѣздъ въ Севастополь.

18-го апрѣля, часу въ 9-мъ утра, я пошелъ являться къ начальству. Былъ царскій день. Дежурный генералъ, начальникъ штаба и другія власти уѣхали въ городъ къ обѣднѣ. Я сталъ дожидаться ихъ возвращенія у пристани, присѣвши на деревянныя перила и смотря на бухту и пестрѣвшія за нею зданія города. Какъ пріятно объ этомъ вспомнить! Севастополь былъ тогда полонъ жизни. Черезъ волны несся колокольный звонъ. Бухта жила; какъ теперь вижу отчаливающія и причаливающія гички, увѣшанныя коврами. Пристань кипѣла народомъ; въ разныхъ пунктахъ рейда высились мачты судовъ, и въ воздухѣ красиво переплетались тонкія, чорныя нити ихъ снастей. Корабли стояли въ томъ же порядкѣ, въ какомъ я видѣлъ ихъ въ февралѣ: ближе всѣхъ къ Сѣверной сторонѣ держался корабль «Императрица Марія»; нѣсколько далѣе, направо, «Храбрый»; за нимъ «Великій Князь Константинъ» — всѣ три на косвенной линіи отъ Куриной балки къ Графской пристани. «Ягудіилъ» стоялъ у того берега, близь Аполлоновой балки. Направо отъ него, по берегу, стояли корабли «Чесьма» и «Парижъ». Послѣдній почти подъ Павловской батареей. Частные ялики ходили поминутно съ Сѣверной на Графскую и обратно. У квартиры дежурнаго генерала вѣчно толпился народъ [1]). Въ длинномъ каменномъ балаганѣ, налѣво оттуда, если стать лицомъ къ бухтѣ, — по прежнему, въ передней части, складывались убитые, привозимые съ Южной, а въ задней части устроены были прачешныя для стирки госпитальнаго бѣлья. Подлѣ этого балагана всегда бродило и сидѣло множество солдатъ, такъ что трудно было пройдти. Иные тутъ же и закусывали. Нѣсколько бабъ-торговокъ сидѣли подъ стѣнкой, примыкавшей къ балагану, и продавали квасъ, хлѣбъ, соленую рыбу. На бугрѣ, который поднимается тотчасъ, когда

---

[1]) Квартира его была въ домикѣ, гдѣ жилъ прежде князь Меншиковъ.

минуешь балаганъ, идя къ Штабу[1]), — обыкновенно сушилось бѣлье. Стояли высокіе шесты съ протянутыми къ нимъ веревками, и на нихъ вѣшались рубашки и порты. Лишнее бѣлье разстилалось по лугу, вокругъ шестовъ, гдѣ въ зеленой травѣ бѣгало множество красивыхъ ящерицъ. Подъ бугромъ, надъ маленькою бухтой, какъ-разъ противъ прачешнаго балагана, вѣчно клокотало десятка два котловъ съ горячею водой, и около нихъ суетились и тараторили бабы. Эта часть, этотъ уголокъ Сѣверной стороны, былъ конечно однимъ изъ самыхъ населенныхъ. Кипѣніе народа вокругъ балагана и пристани стихало только ночью. Столько же, а можетъ и больше было движенія и на базарѣ, который оставался на прежнемъ мѣстѣ, въ горѣ, направо отъ 4-го номера батареи, если стать къ пристани задомъ. Одесская гостинница Александра Ивановича по прежнему была полна народомъ, но въ ней произошли нѣкоторыя перемѣны: возникла каменная ограда; самая палатка раздвинулась шире; печь устроилась какъ слѣдуетъ, уже не на двухъ кирпичикахъ, какъ прежде; только изъ этой благоустроенной печи выходило кушанье гораздо хуже, чѣмъ то, которое готовилось на двухъ кирпичикахъ. Чай сталъ очень плохъ. Гречневую кашу просто нельзя было ѣсть. Извѣстно, русскій человѣкъ не можетъ не избаловаться, когда дѣла пойдутъ въ гору. Бывало, Александръ Ивановичъ вѣчно торчитъ въ палаткѣ, а тутъ его уже трудно было поймать. Онъ все куда-то уѣзжалъ. То говорили, что онъ въ Бахчисараѣ, то гдѣ-нибудь еще дальше. Однажды я засталъ его въ лавкѣ, окруженнаго адъютантствомъ главнокомандующаго, которое брало у него табакъ, пряники, конфекты, посыпая деньгами. Александръ Ивановичъ завертѣлся. Я крикнулъ ему черезъ толпу, но онъ меня не узналъ.

---

[1]) Бывшій домъ Степанова, начинающій госпитальныя бараки Сѣверной стороны.

Послѣ этого прошло нѣсколько времени, и я опять не видалъ Александра Ивановича въ палаткѣ. Черезъ мѣсяцъ мнѣ мелькнулъ Александръ Ивановичь на площади, около Куриной балки, совершенно въ другомъ костюмѣ, нежели я привыхъ его видѣть; совсѣмъ не тотъ Александръ Ивановичь, какимъ онъ былъ въ февралѣ. На немъ былъ легонькій, короткій сертучекъ; сѣрая шляпа съ большими полями и съ кисточкой; концы цвѣтнаго галстука весело развѣвались по воздуху. Вся физіономія его измѣнилась: онъ казался моложе, какимъ-то воздушнымъ и порхающимъ.

Затѣмъ я не видалъ его до 4-го августа.

Базаръ также раздвинулся и увеличился. Нашлись соперники Александру Ивановичу, устроившіе точно такія же лавки и палатки. Землянокъ вокругъ прибавилось втрое.

Явившись къ дежурному генералу, я сталъ просить о квартирѣ. Квартиръ вовсе не было. Ихъ импровизировали сами офицеры изъ солдатскихъ и матросскихъ землянокъ. Мнѣ указали одну, подлѣ Штаба, надъ бухтой, и въ то же время, предложили помѣститься на фрегатѣ, противъ Сѣверной балки. Землянка была ни на что не похожа: сыра и въ добавокъ уже занята двумя офицерами. Они тѣснились въ трехъ маленькихъ каморкахъ, вмѣстѣ со своею прислугой. Куда же тутъ было помѣститься еще мнѣ и притомъ съ двумя людьми? Я въ раздумьѣ пошелъ на фрегатъ. Надо было перелѣзть двѣ горы. Фрегатъ, окруженный транспортными судами [1]), стоялъ въ небольшомъ заливѣ, не подалеку отъ 4-го номера. Я прочелъ: *Коварна*. Странно теперь произнести мнѣ это слово, имѣющее и русское значеніе [2]). Тихо было на судахъ; они казались совершенно пустыми. Я не умѣлъ съ непривычки разглядѣть вахтеннаго, так-

---

[1]) *Дунаемъ, Лабой* и *Гагрой*.

[2]) *Коварна* назнана была такъ по имени одной турецкой крѣпости

же точно, какъ не умѣлъ кликнуть лодку. Это исполнилъ за меня какой-то матросъ, сидѣвшій у пристани, тогда еще спокойной и пустынной. Лодка подошла, я переѣхалъ и спросилъ командующаго. Явился офицеръ, очень молодой человѣкъ, и показаль мнѣ нѣсколько каютъ, отличавшихся, какъ небо отъ земли, отъ душной и сырой землянки, которую я только-что оставилъ. Тутъ не могло быть колебанія въ выборѣ. Я воротился на станцію очень довольный, что имѣю квартиру. Сейчасъ же послалъ на базаръ нанять телегу; телегу наняли за 75 копѣекъ; я положилъ мои вещи, а самъ пошелъ съ людьми пѣшкомъ. Разстояніе было около версты. Когда мы, или лучше сказать, наши вещи, подъѣхали къ пустой пристани, гдѣ ровно ничего не было, кромѣ торчавшаго изъ земли якоря, да сваленныхъ въ кучу ядеръ, — люди мои удивились и посматривали по сторонамъ, ища жилища. Я объявилъ имъ, что мы будемъ жить на кораблѣ. «На кораблѣ?» повторили они и призадумались. Это было такъ ново, такъ странно... и кажется, имъ не понравилось. Я сѣлъ въ поданный тузъ [1]), а за людьми и вещами прислалъ двойку, и мы перебрались на фрегатъ. Въ бухтѣ въ это время развело сильное волненіе и людей моихъ тотчасъ же укачало. Кучеръ выпилъ водки и поправился, а человѣка я долженъ былъ послать на берегъ. На меня же качка не имѣла никакого вліянія.

Итакъ я поселился на фрегатѣ. Прежде всего занялся я раскладкою моихъ вещей въ каютѣ, въ которую ходъ былъ изъ каютъ-компаніи, большой комнаты на нижней палубѣ, съ освѣщеніемъ сверху. Русскій человѣкъ не любитъ тѣсноты; я разложился по-помѣщичьи: въ каждомъ ящикѣ (а ихъ было довольно много: четыре въ кушеткѣ, два въ шкапу и четыре

---

[1]) Небольшая лодка съ однимъ гребцомъ въ два весла. За тузомъ слѣдуютъ: двойка, четверка, шестерка; далѣе — катеръ.

въ комодѣ) у меня что-нибудь да лежало, хоть два листа бумаги.

Сверхъ моей каюты я могъ пользоваться также и капитанскою, потому что капитанъ съ нами не жилъ: онъ командовалъ въ это время Константиновскою батареей, а нашъ командующій занималъ простую офицерскую каюту.

Капитанская каюта была свѣтлая, большая комната, съ окнами, тогда какъ офицерскія каюты имѣютъ не окна, а люминаторъ — круглое стеклышко, прикрѣпленное къ особенной распоркѣ, которая вынимается вонъ.

Кромѣ меня изъ нашего штаба жилъ еще на фрегатѣ переводчикъ дипломатической канцеляріи, родомъ Болгаръ, человѣкъ пожилой, съ сильною просѣдью въ волосахъ, но еще бравый, съ чудесными усами и румянцемъ во всю щеку. Онъ очень любилъ Россію; приходилъ въ восторгъ отъ успѣховъ нашего оружія и унывалъ отъ потерь. Въ грустныя минуты онъ обыкновенно начиналъ крутить усы, выпивалъ водки, пьянѣя послѣ второй рюмки; поглаживалъ свой сѣдой хохолокъ и говорилъ что-то такое, изъ чего мы разбирали только половину. Въ немъ сохранилось еще много восточнаго, несмотря на давность его переселенія въ Россію. Напримѣръ, онъ сердился, если кто просилъ у него огня изъ трубки. Для восточнаго курителя это родъ обиды. Наложивъ трубку, онъ сосетъ ее до конца. Перервать куреніе, дать изъ нея огня на сторону — значитъ испортить все дѣло.

Почтенный переводчикъ много путешествовалъ: былъ въ Сибири, въ Китаѣ, въ Египтѣ, Богъ знаетъ гдѣ, и говорилъ на многихъ языкахъ. Мы часто слушали его разсказы, подъ скрипъ фрегата и громъ отдаленныхъ батарей.

Потомъ присоединился къ нашей компаніи одинъ гусарскій офицеръ, служившій когда-то въ Польшѣ и Финляндіи. Онъ

переносилъ насъ съ юга на сѣверъ и смѣшилъ гусарскими анекдотами.

Священникъ фрегата, іеромонахъ Веніаминъ, былъ человѣкъ самой строгой жизни и, по своему, довольно образованный. Всѣ священники фрегатовъ и кораблей, стоявшихъ тогда на рейдѣ и даже затопленныхъ, обязаны были посѣщать тѣ бастіоны, гдѣ находилась команда ихъ экипажа, освящать батареи, исповѣдывать умирающихъ и совершать различныя церковныя службы. Веніаминъ былъ чрезвычайно усерденъ въ исполненіи этихъ обязанностей. Онъ ходилъ по бастіонамъ съ какимъ-то увлеченіемъ, и мы всегда боялись, если онъ долго не возвращался. Но Богъ хранилъ его до конца. Мнѣ извѣстно, что во всю осаду онъ исповѣдалъ и пріобщилъ слишкомъ 11 тысячъ человѣкъ.

Матросы «Коварны» представляли смѣсь племенъ и нарѣчій: тутъ были Русскіе, Хохлы, Жиды и Цыгане. Но, разумѣется, командовалъ всѣми одинъ общій русскій духъ. Ходили они, бо̀льшею частію, въ холстинныхъ курткахъ, или даже просто въ рубашкахъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда служба требовала суконной одежды. Иногда, по вечерамъ, сидя у себя на кубрикѣ [1]), или на батарейной, около кухонной печи, по морскому ка̀мбуза, они пѣли пѣсни, которымъ близость и шумъ моря придавали что-то особенное... Подлѣ нихъ всегда было двѣ-три кошки, любимыя всѣмъ экипажемъ и выученныя ходить на заднихъ лапкахъ. А не то, матросы толковали объ осадѣ, только исторія осады у нихъ была своя. Они и знать не хотѣли офицерскихъ разсказовъ, а слушали и повторяли

---

[1]) Извѣстная часть нижней, или жилой палубы, гдѣ помѣщаются матросы. Всѣхъ палубъ на фрегатѣ три: 1-я) верхняя, 2-я) батарейная, или оперъ-декъ, гдѣ находится ка̀мбузъ, то-есть кухня; и наконецъ 3-я) нижняя, или жилая, гдѣ каютъ-компанія. Все, что̀ впереди каютъ-компаніи, называется кубрикомъ.

только то, что̀ приносилось съ бастіоновъ ихъ же товарищами, отвозившими туда ежедневно обѣдъ и ужинъ для команды своего экипажа. Этими розказнями былъ сытъ не только фрегатъ, но даже и берегъ Сѣверной и Сухой балки; а иныя повѣствованія улетали и на базаръ, и дальше. *Его*, то-есть непріятеля, били тысячами. Чуть не каждую вылазку ложилось тысячъ *пятьдесятъ*. Это число почему-то было самое употребительное.

Несмотря на нѣкоторую внѣшнюю грубость и какую-то безпардонность, матросы «Коварны» были самый простой и богобоязненный народъ; служили службу свою честно и исправно. Если погибалъ товарищъ на бастіонѣ, они старались похоронить его прилично, одѣть въ чистое бѣлье и отслужить панихиду. Особенно меня умиляла ихъ необыкновенная набожность. Я часто замѣчалъ, какъ иной матросъ, ложась спать, или вставая поутру, или такъ среди дня, когда просило сердце молитвы, — молился на колѣняхъ передъ единственнымъ образомъ Спасителя нашей маленькой церкви, или правильнѣе иконостаса, читая вслухъ свои молитвы и не смущаясь никакимъ окружающимъ шумомъ. Когда же происходила у насъ какая-либо служба, и мы собирались передъ образомъ, — я видалъ, какъ иные матросы подходили и клали мѣдныя деньги подъ образъ. Какъ мнѣ было завидно, что я не умѣю такъ же чисто и просто положить свой грошъ подъ образъ!

Фрегатъ «Коварна» стоялъ отъ берега въ 70-ти саженяхъ. Вотъ какой видъ былъ отъ насъ на Севастополь.

Прямо противъ насъ, смотря по бушприту[1]) черезъ рейдъ[2]), виднѣлась, на разстояніи версты, Южная бухта, въ рамѣ строеній Корабельной слободки и Южной части города. Зданія Кора-

---

[1]) Большое дерево, утвержденное въ носу фрегата.

[2]) Большая, главная бухта.

бельной начинались Павловскою батареей, стоявшею у самой бухты, на мыскѣ. За нею, влѣво, шли низкіе одноэтажные магазины и казармы; потомъ открывалась и самая Корабельная слободка: мелкіе домики, разбросанные по горѣ, которая вѣнчалась Малаховымъ курганомъ, — небольшимъ возвышеніемъ, едва-едва отдѣлявшимся отъ строеній. Еще лѣвѣе, книзу, спускались къ бухтѣ Аполлонова и Ушакова балки, замыкаемыя водопроводами, которыхъ бѣлыя арки ярко отдѣлялись отъ зелени горъ и были видны далеко. За тѣмъ шли пологія горы, и на нихъ дымились батареи.

За Павловскимъ мыскомъ выступали Александровскія казармы, и за ними показывались темныя окраины 3-го бастіона, въ видѣ зубцовъ: это были траверсы батарей.

Направо отъ Южной бухты пестрѣла разнообразными зданіями Южная сторона, такъ сказать — настоящій Севастополь. Въ срединѣ ея, нѣсколько наискось отъ насъ, виднѣлась знаменитая Графская пристань: красивый портикъ на пестумскихъ колоннахъ, и подъ нимъ каменная лѣстница къ рейду. Правѣе — Екатерининскій дворецъ, едва замѣтный домикъ на площадкѣ; еще правѣе, по всему берегу до Артиллерійской слободки, на разстояніи 250 саженей, тянулось длинное зданіе Николаевской батареи. Выше, за пристанью, Михайловскій соборъ; далѣе пестрѣли разныя зданія, но ярко отъ нихъ отдѣлялась Библіотека, вѣнчавшая Южную сторону, какъ Малаховъ вѣнчалъ Корабельную. За Библіотекой замѣчался, на красивыхъ колоннахъ, храмъ Свв. Петра и Павла, а далѣе опять пестрѣли разныя зданія.

Направо отъ Николаевской батареи открывалась Артиллерійская бухта, и за нею тотчасъ, на мыскѣ, Александровская батарея — круглая башенка, завершавшая зданія Южной стороны. Далѣе вы видѣли уже древній мысъ Херсонеса и море, полное кораблями.

Если смотрѣть, ставши лицемъ къ осту, — прежде всего, саженяхъ въ 80-ти, являлся мысокъ, на которомъ въ послѣдствіи поставили батарею № 22 [1]). Изъ-за него, въ полуверстѣ, выступалъ 4-й № со своими бѣлыми стѣнами и красными крышами внутреннихъ строеній. Рейдъ въ этой части постоянно былъ полонъ движенія. Поминутно ходили туда и сюда разные ялики и боты.

Если стать къ весту, иначе къ выходу въ море, тогда открывались батареи: Михайловская, саженяхъ въ 200, и за нею, на крайнемъ мыскѣ, Константиновская, — огромныя зданія въ три этажа. Вдали то же море и корабли. Эта часть рейда, по Михайловскую батарею, также была полна движенія. Яликовъ и судовъ ходило не меньше, чѣмъ налѣво отъ насъ, особливо послѣ перенесенія Сѣверной пристани изъ Куриной балки въ Сѣверную. Болѣе всего замѣчалось тутъ шаландъ, нагруженныхъ турами. Туры приготовлялись солдатами въ окрестныхъ лѣсахъ и катились оттуда къ пристани, или привозились на фурштатскихъ телегахъ. Съ пристани грузили ихъ на шаланды, громоздя въ два и въ три этажа, и шаланды, совершенно закрытыя ими, тихо двигались по бухтѣ, какъ будто какія горы коричневаго цвѣта. Иногда на верхъ взбирался матросъ въ бѣлой курткѣ и далеко бѣлѣлъ на коричневой кучѣ, командуя гребцами, которыя сидѣли впереди на катерѣ, буксируя шаланду и дружно взмахивая веслами.

За кормой у насъ была Сѣверная сторона: берегъ, въ началѣ плоскій, но далѣе подымавшійся пологимъ скатомъ, въ концѣ котораго, почти въ верстѣ отъ насъ, показывалось Сѣверное укрѣпленіе. Оно вѣнчало эту часть Сѣверной стороны. У самаго берега стояло нѣсколько палатокъ и низенькихъ лачужекъ, слепленныхъ кое-какъ изъ камней и покрытыхъ па-

---

[1]) Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 31-й.

русиной и чѣмъ попало. Тутъ съ мая мѣсяца кипѣла дѣятельная и суетливая жизнь. Продавались разные съѣстные припасы: хлѣбъ, картофель, огурцы, черешни, вяленая рыба, табакъ и сигары. Матросскія жены варили мужьямъ похлебку. Вѣчно валилъ дымъ и пахло разнымъ кушаньемъ; толклось много народу, былъ крикъ и шумъ, который веселилъ среди опасности. Домики выростали какъ грибы. Въ горѣ, немного дальше, постоянно рылись землянки.... Но въ августѣ стали жаловать на пристань бомбы, и стройка домиковъ и рытье землянокъ прекратилось. Многія палатки, пробитыя осколками, сквозили какъ рѣшета, но раненныхъ никого не было.

У самой пристани лежали въ правильныхъ пирамидахъ, и просто въ кучахъ, ядра и гранаты; торчали изъ земли якоря, протягивались швартовы [1]); индѣ были вытащены лодки и выставляли на солнце свое черное, лоснящееся брюхо, вымазанное смолой. За лодками вѣчно лежали или сидѣли матросы, играя въ карты, а не то въ шашки, при чемъ пѣшками служили имъ нерѣдко непріятельскія пули разныхъ фасоновъ. Вездѣ война и осада.

Направо, въ полугорѣ, виднѣлся небольшой каменный домикъ, въ которомъ жили когда-то Великіе Князья, а потомъ помѣщалась канцелярія главнокомандующаго. Налѣво, на половинѣ разстоянія отъ насъ къ Михайловской батареѣ, стояла гауптвахта, служившая госпиталемъ, и подлѣ нея, среди туровъ и ядеръ, небольшой столбикъ съ образомъ Спасителя.

Вотъ все, что̀ мы видѣли съ фрегата.

Я ходилъ на службу только по утрамъ. Возвращался часа въ четыре и обѣдалъ вмѣстѣ съ офицерами фрегата, въ каютъ-компаніи.

---

[1]) Толстые канаты, которыми прикрѣпляется судно къ якорю, утвержденному на берегу.

ѣли мы хорошо. Можно сказать, что во всю войну я не былъ ни разу такъ хорошо и дешево устроенъ относительно стола, какъ на фрегатѣ «Коварнѣ». Я ни о чемъ не думалъ и не хлопоталъ. Провизія покупалась и обѣдъ готовился какъ будто по щучьему велѣнью. У насъ было четыре блюда и кофей, а иногда устроивался и шоколадъ. Матросы отыскали въ Сухой балкѣ корову у какой-то бабы. Она доставляла намъ сливки по 10 копѣекъ серебромъ за стаканъ. Товарищи, пріѣзжая ко мнѣ на фрегатъ, дивились нашему комфорту.

Послѣ обѣда я любилъ вздремнуть подъ скрипъ и легкую качку фрегата. Потомъ отправлялся въ городъ на двойкѣ или вельботѣ. Двойка ходитъ тихо, но вельботъ или гичка [1]), имѣя особенное устройство, несется какъ вѣтеръ. Пріятно видѣть благоустроенную гичку на полномъ ходу, когда шестеро гребцовъ-наподборъ совсѣмъ закидываются назадъ, то исчезая за краями лодки, то появляясь опять. Длинныя весла стелются ровно, чуть задѣвая поверхность. Мчится птица-лодка, обгоняя все... Нѣкоторыя суда имѣли до конца осады характерныя гички, но бо̀льшая часть, по недостатку матросовъ, сажали гребцовъ какихъ попало, и гичка теряла свою красоту и ходкость. Часто Нахимовъ, любившій хорошую греблю, увидѣвъ разстроенную гичку, не выдерживалъ и замѣчалъ: «что это-съ, какъ гребутъ! сущій развратъ!»

Нашъ вельботъ былъ довольно сносный: я пріѣзжалъ на Южную сторону минутъ въ десять. Мы приставали обыкновенно у самой Графской пристани, противъ лѣстницы, гдѣ постоянно качалось на волнахъ нѣсколько гичекъ, катеровъ и двоекъ, дожидаясь кого-нибудь изъ города; вѣчно свистѣли своими трубами два-три парохода, готовые уйдти. Чаще всѣхъ леталъ

[1]) Гичка разнится отъ вельбота единственно усѣченною кормой.

летомъ съ Южной на Сѣверную и обратно, *Турокъ* [2]), небольшой, но быстрый пароходъ, англійской постройки. Кромѣ него ходили *Громоносецъ, Дунай* и *Грозный.* Всѣ они занимались перевозкою тяжестей и народа, безъ всякой платы. Частные ялики брали отъ 2-хъ до 10-ти копѣекъ серебромъ, въ одинъ конецъ. Остальные пароходы: *Владиміръ, Крымъ, Херсонесъ, Бессарабія, Эльборусъ* и *Одесса* стояли обыкновенно на якоряхъ и выжидали дѣла. Всѣ держались сначала посрединѣ рейда, но въ іюнѣ мѣсяцѣ, первые четыре перебрались къ Павловскому мыску, а *Эльборусъ* и *Одесса* стали подлѣ насъ, противъ Сѣверной балки.

Самая Графская пристань была всегда полна народомъ. Одни ялики отбывали, другіе прибывали. Два-три жандарма ходили по берегу, для смотрѣнія за порядкомъ. Подлѣ пристани, на бугрѣ направо, долго тараторили торговки, продававшія матросамъ квасъ, хлѣбъ, сбитень и всякія мелочи. Онѣ исчезли оттуда только въ концѣ іюня, послѣ нѣсколькихъ приказовъ и подтвержденій — не быть женщинамъ на Южной сторонѣ. То же самое начальство, которое предписывало остракизмъ, должно было смотрѣть сквозь пальцы, если иныя храбрыя матроски оставались въ городѣ: онѣ жили не праздно: стирали бѣлье, варили щи, носили воду [2]).

Поднявшись по ступенямъ каменной лѣстницы, избитой ядрами, и пройдя по площади, мимо Екатерининскаго дворца, я

---

[1]) Это былъ транспортный турецкій пароходъ, въ 200 силъ, по имени Меджарѝ-Тиджарѐтъ (рычагъ торговли), взятый пароходомъ Бессарабія, безъ выстрѣла, 4 ноября, 1853, и названный послѣ Туркомъ.

[2]) На Малаховомъ курганѣ жили постоянно 4 бабы, которыя приносили воду изъ ближайшихъ колодцевъ и давали пить солдатамъ и матросамъ во время самой жаркой перестрѣлки. Одну изъ нихъ убило, пулею въ грудь, только не на батареѣ, а у колодца, близъ 2-го бастіона: остальныя исполняли принятую ими на себя обязанность до конца осады, и были награждены медалями.

заходилъ иногда въ домъ Благороднаго Собранія, которымъ начиналась Екатерининская улица, первая улица налѣво. Тамъ былъ главный перевязочный пунктъ[1]), гдѣ работалъ Пироговъ, со своими помощниками, Обермиллеромъ, Тарасовымъ и другими. Въ первой огромной комнатѣ стояли кровати, замѣщаемыя тяжело-раненными, которыхъ, по совершеніи операціи, нельзя было уносить далеко. Для ампутацій назначена была комната налѣво. Въ этой комнатѣ вѣчно раздавались стоны и слышалась крупная солдатская брань. Солдаты постоянно ругались во время операціи, не смотря на дѣйствіе хлороформа, который повидимому погружалъ ихъ въ крѣпкій сонъ. На маленькомъ, особенномъ столѣ, устроенномъ нарочно для операцій, вѣчно кто-нибудь да лежалъ. Нѣсколько медиковъ толпились вокругъ, сверкали ножи и пилы, текла ручьями кровь, и жирный запахъ ея сильно билъ по носу всякаго пришедшаго съ улицы. Служители — солдаты и сидѣлки то-и-дѣло подтирали кровавыя лужи. Въ одномъ углу стояла кадка, откуда глядѣли отрѣзанныя руки и ноги. Носилки за носилками появлялись въ дверяхъ...

Пироговъ сидѣлъ безвыходно тутъ, въ другомъ углу комнаты, у зеленаго столика, молчаливый и задумчивый. На немъ была постоянно одна и та же солдатская шинель на распашку, изъ-подъ которой выглядывала длинная красная фуфайка. На головѣ картузъ. Сѣдые клочки волосъ торчали на вискахъ. Казалось, онъ сидѣлъ безучастно, какъ чужой человѣкъ, а между

---

[1]) Это былъ перевязочный пунктъ № 1. Послѣ Алминскаго дѣла открыли перевязочный пунктъ въ Александровскихъ казармахъ. 15-го Сентября онъ перенесенъ въ театръ; оттуда вскорѣ въ домъ Уптона; потомъ въ военно-сухопутный госпиталь и наконецъ, 9-го октября (1854) въ домъ Благороднаго Собранія, откуда, въ концѣ генваря 1855, переведенъ въ инженерный домъ и оставался тамъ до 4 марта. Послѣ этого возвратился опять въ Благородное Собраніе.

тѣмъ онъ слышалъ и видѣлъ все. Изрѣдка онъ вставалъ и подходилъ къ столу, бралъ хирургическій ножъ — и вдохновенные, единственные разрѣзы изумляли окружавшихъ его медиковъ, но только медиковъ: другимъ, непосвященнымъ, была недоступна поэзія его геніяльныхъ операцій [1]).

Въ комнатѣ, направо отъ входа, кипѣли вѣчные самовары, толпились фельдшера̀, солдаты и сестры милосердія.

Пробывъ на перевязочномъ пунктѣ минутъ 15 — 20, я уходилъ въ Библіотеку, для чего надо было подняться на Маленькій бульваръ [2]) и пройдти памятникъ Казарскаго, бесѣдку и небольшую батарею, на площади за бульваромъ, съ орудіями, обращенными къ морю.

Библіотека стояла въ улицѣ, служившей какъ бы продолженіемъ бульвару. Это было одно изъ самыхъ красивыхъ зданій въ городѣ. Фасадъ его смотрѣлъ въ сторону бастіоновъ 1-го отдѣленія [3]). По правую и лѣвую руку широкой лѣстницы изъ мѣстнаго камня лежали огромные мраморные сфинксы, привезенные изъ Италіи. За сфинксами, въ двухъ нишахъ, стояли мраморныя статуи, также итальянской работы. Въ верхней части зданія былъ вставленъ мраморный барельефъ московскаго художника Рамазанова [4]). Прежде и на крышѣ Библіотеки, вокругъ террасы, стояли итальянскія статуи, но ихъ убрали еще въ началѣ осады. Налѣво и направо, по обѣ стороны зданія, зеленѣлъ, за чугунною рѣшеткой, небольшой

---

[1]) Въ числѣ необыкновенныхъ операцій можно упомянуть о 15-ти фунтовомъ ядрѣ, вынутомъ изъ бедра живаго человѣка. Этотъ случай описанъ мною подробно въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857, № 24.

[2]) Такъ называли бульваръ Казарскаго.

[3]) 5-й, 6-й и 10-й бастіоны.

[4]) Сдѣланъ по его рисунку художникомъ Пелличіо, въ Ливорно, въ концѣ сороковыхъ годовъ.

садъ, съ густыми акаціями и цвѣтами вокругъ дорожекъ. Его поддерживали и чистили до послѣдней минуты. Открывалась Библіотека въ 8 часовъ утра, съ поднятіемъ флаговъ, и запиралась въ 8 часовъ вечера, по спускѣ флаговъ. Посѣтители входили въ нее черезъ калитку въ оградѣ, садомъ, и потомъ, оставивъ въ передней шинели и шапки, подымались вверхъ по великолѣпной мраморной лѣстницѣ съ бронзовыми поручнями. Въ первой комнатѣ, налѣво, стояла на столѣ цѣльнаго краснаго дерева — превосходная модель корабельнаго остова, который вмѣстѣ со столомъ раздвигался на двѣ стороны, и тогда открывалось внутреннее строеніе корабля во всѣхъ подробностяхъ. Въ той же комнатѣ, на стѣнахъ, висѣли рѣдкія англійскія гравюры, представлявшія морскія битвы. Направо и налѣво отъ дверей, сверху до низу, помѣщались рельефныя изображенія разныхъ англійскихъ кораблей. На большомъ столѣ, вправо отъ лѣстницы, стояли ящики со стеклами, гдѣ можно было видѣть куски многихъ рѣдкихъ деревьевъ и небольшія модели лодокъ малоизвѣстнаго устройства. Еще правѣе, за окномъ, въ большомъ шкапу, также цѣльнаго краснаго дерева съ зеркальными стеклами, — хранились разные минералы, окаменѣлости, древніе сосуды, монеты, камеи, чучелы морскихъ животныхъ и херсонесскія мозаики. Въ слѣдующей комнатѣ, довольно обширной залѣ въ два свѣта, прежде всего кидалась въ глаза большая, прекрасная модель корабля *Двѣнадцати Апостоловъ*, со всѣми принадлежностями: снастями, флагами и орудіями. Корабль, стоя на пьедесталѣ, вышиною немного ниже человѣческаго роста, — почти доставалъ до потолка своею среднею мачтой, и надъ самою этою мачтой была пробоина, сдѣланная бомбой въ мартѣ мѣсяцѣ (1855); но бомба пощадила корабль, пронесшись по залѣ изъ угла въ уголъ и разорвавшись подлѣ одного шкапа съ книгами, у котораго нижнія дверцы ращепала въ куски и кромѣ того разбила въ полу нѣсколько пар-

кетинъ[1]). По всѣмъ стѣнамъ стояли шкапы цѣльнаго краснаго дерева съ зеркальными стеклами. Я постоянно любовался этими стеклами: кромѣ превосходнаго состава, бѣлизны и чистоты, онѣ имѣли еще то достоинство, что на нихъ не было никакихъ цапинъ, вѣроятно, вслѣдствіе перевозки по водѣ.

На шкапахъ, вверху были сдѣланы золотыя надписи, которыя означали разные отдѣлы книгъ: но книгъ тогда уже не было: ихъ вынули и уложили въ ящики; а въ іюлѣ мѣсяцѣ перевезли въ Николаевъ.

Въ слѣдующей, послѣдней комнатѣ — читали. Въ нее вели большія створчатыя двери цѣльнаго краснаго дерева, всегда затворенныя. Посрединѣ комнаты помѣщалось два стола и на нихъ лежало постоянно 66 журналовъ, на разныхъ языкахъ: на одномъ столѣ брошюры и газеты, перемѣнявшіяся черезъ недѣлю; на другомъ ежемѣсячные журналы, которые не снимались въ продолженіи мѣсяца и болѣе. Стѣны были оклеены лучшими обоями. Въ простѣнкахъ между окнами и на стѣнѣ, рядомъ съ дверью, висѣли превосходныя ландкарты, стоившія библіотекѣ около 15-ти тысячъ. Онѣ были устроены на блокахъ: желающій могъ спустить карту для разсматриванія и потомъ снова поднять. Мебель этой комнаты была изящна и покойна до послѣдней степени. Все это цѣльное красное дерево. Посрединѣ стѣны, противоположной входу, былъ вдѣланъ чугунный каминъ.

Какъ хорошо и пріятно было усѣсться въ этой комнаткѣ и читать, не смотря на то, что вокругъ Библіотеки летали бомбы и ядра, и не рѣдко лопались подъ окнами въ саду; несмотря на то, что нестерпимый трескъ и гулъ раскатывался кругомъ (въ особенности, если стрѣляли на 3-мъ бастіонѣ) —

---

[1]) Полы во всѣхъ комнатахъ были паркетные.

и стёкла дребезжали, а иногда и вовсе трескались и падали звеня на полъ. Подъ-конецъ не было ни одного живаго окна во всей Библіотекѣ, а индѣ были высажены бомбами цѣлыя рамы. Скорѣе этотъ громъ и опасность придавали еще бо́льшую прелесть завѣтному уголку; всѣми думами несся въ гостепріимную, свѣтлую комнату, къ столу, покрытому печатными листами. О, какъ пріятно было тамъ! Мнѣ кажется, тамъ и умереть было бы легче. Двѣ жизни чувствовалъ въ себѣ, сидя въ мягкихъ креслахъ и читая какой-нибудь увлекающій листокъ, принесшійся Богъ вѣсть съ какой стороны: или изъ далекой и милой Россіи, откуда смотрѣли на насъ тысячи родныхъ очей; или съ береговъ Франціи и Англіи, отъ нашихъ европейскихъ учителей.... Сто разъ спасибо, столько разъ, сколько пролетѣло надъ нами бомбъ, — спасибо тѣмъ, кто приказывалъ отпирать двери Библіотеки въ это грозное время, кто думалъ объ ней до конца!

Верхній этажъ Библіотеки занятъ былъ также шкапами краснаго дерева (въ ту пору пустыми) и кромѣ того разными морскими инструментами.

Вотъ въ какомъ видѣ была Библіотека во всю осаду. Мнѣ очень лестно первому сказать объ ней печатное слово, объ ней *такой*, какою мы знали ее въ наши тяжкіе дни. Воображалъ ли кто изъ нашихъ русскихъ друзей, что мы, въ Севастополѣ, во время неслыханной осады, имѣемъ библіотеку и читаемъ 66 журналовъ! Я говорилъ объ ней тогда въ моихъ «Севастопольскихъ письмахъ», но весьма кратко.

Въ послѣднее время Библіотека заключала въ себѣ 12 тысячъ томовъ. Все это устроилось очень просто: моряки постоянно вносили въ пользу ея *два* процента со своего жалованья.

Ходило читать въ Библіотеку не очень много. Въ первое время, до іюля, вы могли найдти въ читальной комнатѣ,

вдругъ, человѣкъ 6 — 7. Потомъ число читающихъ стало уменьшаться. Въ августѣ, въ иные дни, не было никого, а Библіотека все-таки отворялась и запиралась, по положенію, и въ передней стоялъ часовой. Мнѣ случалось не рѣдко сиживать тамъ одному, и тогда, признаюсь, читалось плохо. Было жутко, и я никакъ не могъ забыться и не слыхать выстрѣловъ. Говорятъ, одному и у каши не споро. Я бросалъ чтеніе и начиналъ считать падавшія бомбы. А когда сидѣло 5 — 6 человѣкъ, чтеніе не шло только сначала; но потомъ, видя, какъ всѣ спокойно сидятъ и читаютъ, принимался читать и читалъ какъ бы гдѣ-нибудь далеко отъ выстрѣловъ, и въ иныя минуты не слыхалъ ихъ вовсе.

Бомбы, можно сказать, щадили Библіотеку. Въ нее попало всего только *двѣ*, и нѣсколько ядеръ ударило въ стѣну. За то кругомъ вся земля была изрыта. Однажды, въ іюлѣ (31 іюля), между Библіотекой, и башенкой, отстоявшей отъ нея на нѣсколько шаговъ, — упало семь бомбъ, въ одно утро, и всѣ разорвались [1]). Отъ этихъ семи взрывовъ треснула стѣна, а зданіе все-таки устояло.

Просидѣвъ въ Библіотекѣ часа полтора, я отправлялся домой, на фрегатъ, но дорогой заходилъ на Маленькій бульваръ, гдѣ съ пяти часовъ до спуска флаговъ играла военная музыка, бродили офицеры, юнкера, матросы и солдаты; даже мелькали какія-то дамы, разряженныя въ тѣ яркія шляпки и бурнусы, которыя заготовляются гуртомъ въ столичныхъ магазинахъ средней руки и отсылаются въ губерніи. Па нижнихъ дорожкахъ, въ жиденькихъ аллеяхъ, устраивались встрѣчи любви, и никто не думалъ о смерти; никто не видалъ,

---

[1]) Надо замѣтить, что не всѣ бомбы рвутся. Это зависитъ отъ хорошаго устройства трубки: въ Севастополѣ до сихъ поръ лежитъ или по крайней мѣрѣ недавно лежало много цѣлыхъ, неразорвавшихся бомбъ.

какъ внизу, подъ бульваромъ, двигались носилки за носилками, и капала на мостовую свѣжая кровь...

Въ 7 или въ 8 часовъ я былъ уже на фрегатѣ. Мы садились пить чай, опять всѣ вмѣстѣ. Кто-нибудь изъ бастіонныхъ, во всякое время желанный гость, приходилъ къ намъ, и разсказы лились далеко за полночь.

Иногда подъ вечеръ, мы устроивали съ командующимъ прогулки на вельботѣ по рейду и навѣщали нашего капитана въ его Константиновской батареѣ.

Эта батарея стояла въ самомъ началѣ рейда, противъ перваго бона [1]). Въ ней вѣчно все было на чеку. На валахъ часовые, подъ наблюденіемъ офицеровъ, слѣдили всякое движеніе непріятельскихъ кораблей, замѣчали приходъ новыхъ и отбытіе прежнихъ. Для насъ, посѣщавшихъ батарею не часто, казалось, что тамъ стояли все одни и тѣ же корабли, а на батареѣ было извѣстно, что вотъ, сегодня утромъ, пришло два такихъ-то парохода съ зюйдъ-зюйдъ-веста, и одинъ ушелъ. Грозно и красиво вытягивался по верхней стѣнѣ батареи рядъ огромныхъ орудій, на крѣпостныхъ станкахъ. Два изъ нихъ постоянно были направлены въ сторону Херсонеса и тревожили бомбами тамошнюю дѣятельную батарею, или по крайней мѣрѣ старались тревожить. Несравненно больше наносили ей

---

[1]) Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 11-й. — Бономъ называется загражденіе въ бухтѣ, изъ бревенъ, цѣпей, канатовъ, или затопленныхъ кораблей. Крайній Севастопольскій бонъ, ближайшій къ выходу въ море, состоялъ изъ слѣдующихъ потопленныхъ кораблей: Гавріила, Варны, Селафаила, трехъ Святителей, Уріила; фрегатовъ: Флоры и Сизополя; и корвета Пиладъ. Это было старое загражденіе, сдѣланное въ сентябрѣ 1854. Потомъ, между Николаевской батареей и мысомъ, который находится на половинѣ разстоянія отъ Константиновской батареи до Михайловской, было два бона: цѣпной и пеньковой; и затѣмъ новое загражденіе, сдѣланное въ февралѣ, 1855, изъ кораблей: Святослава, 12-ти Апостоловъ и Ростислава, и фрегатовъ: Кагула, Мидіи и Месемвріи.

вреда № 10-й и Полынковая батарея. Имъ удавалось сбивать всѣ орудія Херсонесской батареи, кромѣ одного. Это одно почему-то гремѣло неумолкаемо. Говорили, будто его подкатываютъ снизу и послѣ выстрѣла убираютъ опять. Бомба Константиновской батареи проносилась надъ моремъ 1300 сажень. Во дворѣ батареи было всегдашнее движеніе. Солдаты болѣе всего собирались у полѣнницы дровъ, налѣво отъ входа, разговаривали между собою, ходили и бѣгали взадъ и впередъ. Иногда, посерединѣ двора, раздавался оживляющій трепакъ, гудѣла пѣсня, звенѣли ложки и тарелки. Но вдругъ на маленькой платформѣ, у воротъ, барабанъ билъ тревогу, и все кидалось къ ружью, къ орудіямъ на валы, и батарея принимала настоящій воинственный характеръ. Командиръ, обойдя стѣны и распорядившись ночнымъ карауломъ, спускался къ себѣ въ казематъ; на пути, ради сближенія съ солдатами, спрашивалъ табачку — и нѣсколько тавлинокъ подставлялось его высокоблагородію разомъ. Казематъ [1]), или кабинетъ командира, занятъ былъ на половину огромною крѣпостною пушкой, глядѣвшею въ открытое окно, на море. На лафетѣ ея и на колесахъ растягивалось, какъ на вѣшалкѣ, разное платье. По стѣнамъ каземата висѣли картинки. У другаго окна, во дворѣ, стояла рояль, и на ней всегда лежали кучи нотъ. Хозяинъ былъ музыкантъ, игралъ на скрипкѣ и на флейтѣ, и часто, въ вечерній часъ, собиралъ къ себѣ въ казематъ всѣ музыкальные таланты батареи, протягивая поощрительную руку иному артисту-юнкеру, а юнкеръ, разумѣется, хлопоталъ изо всѣхъ силъ. Рояль гремѣла; ей вторили скрипка и флейта, и даже двѣ скрипки: музыкантовъ было много, и скорѣе могла случиться недостача въ инструментахъ, чѣмъ въ

---

[1]) Казематомъ на батареѣ называется родъ комнаты, гдѣ помѣщается орудіе.

играющихъ. Эти вечера посѣщались иногда и дамами, женами и дочерьми разныхъ моряковъ, безстрашно пріютившимися гдѣ-нибудь тутъ же на батареѣ. Славное крымское вино, которое капитанъ былъ мастеръ доставать черезъ какого-то аптекаря, лилось и шипѣло. Мы уносились оттуда на нашемъ вельботѣ уже въ совершенныхъ потьмахъ, зажигая веслами искры [1]) и налетая порою на разныя чурки, когда миновали боны. Однажды мы налетѣли даже на якорную цѣпь какого-то судна. Часовые на берегу, противъ Михайловской батареи и на судахъ, окликая насъ, рѣдко получали отвѣтъ и напрасно повторяли еще и еще: «кто гребетъ?» Угощенные батарейными товарищами, наши гребцы черезъ чуръ закидывались назадъ, а иные, закинувшись, уже не вставали... все это было бы отважно и страшно въ обыкновенное время, а тогда, подъ бомбами, и въ голову не приходило подумать, что вотъ налетимъ на рифъ или на бревно и пойдемъ ко дну.

А если мы не ѣздили къ капитану, и разговоры не клеились за чаемъ, — мы выходили на палубу, разумѣется, когда была хороша погода.

Иные вечера бывали чрезвычайно пріятны.

Тихо спитъ Черное море. Еще неподвижнѣе кажутся темнѣющія тамъ и тамъ массы кораблей. На иномъ, въ борту, свѣтится огонекъ, говорящій о присутствіи жизни въ неподвижной громадѣ. Вонъ огонекъ и на берегу, въ этой черной, непроницаемой ночи. А вдали идетъ перестрѣлка, вѣчная, неумолкающая, къ которой вы привыкли, какъ къ чему-то неизбѣжному, и уже не слышите выстрѣловъ, хотя отъ нихъ фрегатъ дрожитъ какъ струна. Васъ едва пробуждаетъ страшный звукъ близко лопнувшей бомбы. Только взглядъ, кину-

---

[1]) Черное море имѣетъ въ лѣтнія ночи фосфорическій отблескъ.

тый въ сторону Севастополя, не можетъ не видѣть эти рѣющія гранаты, чертящія небо огненными дугами. Тамъ, здѣсь, вездѣ, надо всею огромною окраиной бастіоновъ, чертятся эти огненныя дуги; медленно взлетаютъ и опускаются бомбы, какъ звѣзды, мелькая и мигая. Вотъ одна какъ-будто остановилась въ воздухѣ, такъ что ее невольно смѣшаешь со звѣздами... вотъ быстрою огненною полосой проносится граната, дѣлаетъ рикошетъ — вѣрно встрѣтилась съ бугромъ — и снова несется дальше... ударилась опять, и тихо катится по невидимой горѣ... мигъ — и летятъ огненныя брызги, освѣщается мгновенно бугоръ, и снова темно на этомъ мѣстѣ... А звѣзды горятъ и мерцаютъ въ высотѣ. Все небо покрыто ими, этими неподвижными бомбами... чу! раздается плескъ веселъ: приближается лодка, неся передъ собою огненную струю; искры сыплются съ веселъ, огненный хвостъ тянется позади, и кажется, будто какое чудовище съ огненною пастью и огненными лапами мчится мимо фрегата...

Посмотрите съ борта внизъ: чернѣе ночи поверхность воды у реберъ судна, но вглядитесь — и вы увидите миріады огненныхъ бѣгающихъ точекъ: это играютъ въ волнахъ маленькія рыбки и насѣкомыя. Сколько жизней въ этомъ хладномъ мракѣ!

Противъ одного бастіона загорѣлась сильная перестрѣлка. Чаще и гуще взлетаютъ бомбы, рокочутъ выстрѣлы и озаряется небо отъ пускаемаго капральства [1]). Вниманіе всѣхъ обращено туда, и вотъ на флагманскомъ кораблѣ подымается красный фонарь, взвивается другой, и повсюду на рейдѣ, въ густой темнотѣ, ползутъ, по невидимымъ нитямъ, красныя

---

[1]) Мелкія гранаты, взлетающія отъ 20-ти до 30-ти вдругъ. Они похожи на бураки.

звѣзды: знакъ, что суда видятъ флагманскій сигналъ. Оживаетъ вся темная бухта. Есть что̀-то красивое въ этихъ огненныхъ вопросахъ и отвѣтахъ, что-то живое и торжественное! Плещутъ веслы, летятъ катера на флагманъ; а гдѣ-то вдали запыхтѣлъ и понесся пароходъ на помощь бастіону. Долго, нѣсколько часовъ, живетъ бухта плескомъ веселъ и выстрѣлами. Взвиваются бомбы изъ ея середины, съ разныхъ кораблей, звонко хлеща своими выстрѣлами, которые раскатываются по водѣ... Дорого бы дали многіе изъ нашихъ друзей, чтобы взглянуть на такую оживленную бухту... Но вотъ снова тихо все и темно кругомъ. Одинокій огонекъ горитъ на флагманѣ. Отдаленныя бомбы медленно чертятъ свои дуги...

Однако же, бо̀льшею частію, вечера были холодны, и на палубѣ нельзя было оставаться долго. Мы спускались въ свои каюты, и каждый занимался, чѣмъ случится. Книгъ у насъ вѣчно было вдоволь.

На другой день повторялось почти то же.

Я ходилъ на службу обыкновенно пѣшкомъ, черезъ двѣ горы, мимо вѣсовъ и 4-го номера. Главный штабъ Крымской арміи [1]) конечно не походилъ на всѣ другіе штабы, и потому я скажу объ немъ нѣсколько словъ. Онъ помѣщался въ каменномъ, одноэтажномъ домѣ, на берегу большой бухты, между Куриной и Панеотовой балкой. Въ этомъ домѣ было комнатъ восемь. Въ двухъ середнихъ занималось Главное дежурство. Тутъ стояли деревянные, животрепещущіе столы, покрытые краснымъ сукномъ, или непокрытые ни чѣмъ, и за ними, на низенькихъ та-

---

[1]) Это сокращенное названіе штаба. Оффиціально онъ носилъ такой титулъ: Главный штабъ Южной арміи и всѣхъ военныхъ, морскихъ и сухопутныхъ силъ, въ Крыму находящихся. Впослѣдствіи онъ получилъ названіе Главнаго штаба 2-й арміи. 1-ю арміею названа расположенная въ Царствѣ Польскомъ.

буреткахъ, сидѣли офицеры и писаря. Всѣ эти столы разъѣзжали вмѣстѣ со штабомъ во всѣхъ походахъ, ломались, чинились, дѣлались вновь особенною командой столяровъ, которые, тутъ же не подалеку, въ палаткѣ, или баракѣ, вѣчно что-нибудь строгали. На полу обѣихъ комнатъ Дежурства и на разныхъ импровизованныхъ полкахъ лежали кипы дѣлъ, полныя страшной скуки.

Во второй комнатѣ находился сундукъ съ деньгами, и при немъ стоялъ безотлучный часовой. Тутъ же, въ углу, было свалено въ кучу нѣсколько ружей и штуцеровъ, найденныхъ на полѣ сраженія. Штуцерными штыками вскрывали ящики и посылки. Въ сосѣдней комнатѣ, за стѣной, куда въ началѣ апрѣля (1855) попала ракета и убила двухъ писарей, — работали топографы, и стучалъ по временамъ маленькій станокъ нашей походной литографіи, производя рисунки разныхъ войсковыхъ построеній. Противъ главныхъ дверей, въ небольшихъ сѣняхъ, сваливались въ кучу всякого рода казенныя посылки: рубашки, корпія, а также и сапоги, пожертвованные московскимъ купечествомъ. Тутъ вѣчно толклось нѣсколько казаковъ, готовыхъ ежеминутно куда-нибудь скакать. Лошади ихъ были привязаны у крыльца. Иные казаки лежали подлѣ Штаба на травѣ, держа лошадей въ поводу и глядя черезъ бухту на бастіоны. Кромѣ того у крыльца сидѣло и лежало десятка два солдатъ, — караулъ Дежурства. Ружья ихъ были составлены въ ко̀злы. Солдаты скоро устроили себѣ родъ будки изъ камней и покрыли ее какими-то лубками, въ защиту не столько отъ дождя, сколько отъ солнечныхъ лучей, которые допекали ихъ пуще всего [1]).

Въ ближайшемъ баракѣ находилась типографія, весьма из-

---

[1]) Въ маѣ мѣсяцѣ начались страшные жары. Было не разъ слишкомъ 30 градусовъ тепла.

рядная, и за нею писарская кухня. Потомъ шли госпитали, такіе же бѣлые одно-этажные бараки, какъ и Штабъ. У самаго берега, на обрывѣ, лепилось нѣсколько землянокъ, гдѣ жили до насъ бѣдныя матросскія и мѣщанскія семьи, но война выгнала ихъ изъ ихъ бѣдныхъ жилищъ и тамъ помѣстились офицеры штаба.

Заглянемъ въ одну землянку. Въ ней двѣ комнаты, но что это за комнаты! Въ первой, похожей на сѣни, свалены сѣдла, пожитки деньщика, его постель, и самъ онъ помѣщается тутъ же, подлѣ двери, которую никакъ не притворишь плотно. Это какая-то щепка, а не дверь. Ее покосило, и въ щели дуетъ вѣчный вѣтеръ. Въ другой каморкѣ, немного побольше, ухитрились устроиться два офицера. Въ одномъ углу желѣзная кровать; въ другомъ — кровать на какихъ-то колышкахъ, одѣтая войлокомъ. Полъ-комнаты занимаетъ печь. Къ ней прислонены два чемодана, вѣчно раскрытые и стерегомые геніемъ русской безпечности, который стоитъ на часахъ у всѣхъ тюковъ и бумагъ Главнаго штаба и провожаетъ русскіе обозы въ пустыняхъ. У крошечнаго окна, залѣпленнаго на половину бумагой, видѣнъ столикъ; на немъ тарелки и кругъ честерскаго сыра. У самой двери — рядъ большихъ сапоговъ, похожихъ на охотничьи. На печуркѣ нѣсколько книгъ: показывается голубоватая обертка «Современника»; что-то изъ романовъ Жоржъ-Санда, въ золотомъ англійскомъ переплетѣ. Все это можно оставить подъ сохраненіе благодѣтельнаго генія; убрана только водка; не дурная водка, купленная по сосѣдству, въ Панеотовой балкѣ. Водку не берется стеречь геній. Ее вездѣ кто-то отыскиваетъ и выпиваетъ.

Все заставлено и загромождено. Хозяева, прибѣжавъ на минуту изъ Дежурства, шагаютъ черезъ чемоданы, прямо на кровати, и достаютъ изъ таинственнаго убѣжища водку. Скрипнула

щепка-дверь: гость изъ Дуванки [1]), какой-то лекарь! онъ привязалъ у двери своего коня, которому сильно подвело животъ, потому что онъ трое сутокъ ничего не ѣлъ. Сѣно 3 рубли серебромъ за пудъ, да и того нигдѣ не сыщешь. Всѣ усѣлись на кроватяхъ. Пошелъ разговоръ — и незамѣтно летятъ часы. Ждетъ не дождется въ Штабѣ дежурный штабъ-офицеръ своихъ помощниковъ...

Землянка стоитъ на самомъ обрывѣ крутаго берега. Направо и налѣво — такія же землянки, совсѣмъ вросшія въ гору, одна ниже другой, одна другую закрываетъ; между ними родъ улицы, но едва пройдешь: поперекъ растянуты веревки, и на нихъ сушится бѣлье: рубашки, порты и даже штаны и матросская куртка. Еще не всѣ матросскія семейства выбрались оттуда. Изъ-за одной крыши торчатъ казацкія пики. Тутъ же, въ провалившейся землянкѣ, улажены ясли, и къ нимъ пущены маленькія казацкія лошадки; и опять торчатъ пики. Внизу бухта, почти пустая. Стоитъ только одинъ транспортъ «Березань» и къ нему по временамъ подходятъ ялики и боты. Иногда и вдали, подъ тѣмъ берегомъ, пронесется парусъ... За бухтой видны пологія горы и на нихъ желтыя полоски траншей и валы бастіоновъ.

Я любилъ въ свободные часы сидѣть на берегу, на каменномъ уступѣ, какъ бы нарочно устроенномъ для сидѣнья. Любопытно было слѣдить за взрывами бомбъ надъ бухтой. Вдругъ являлось въ воздухѣ круглое, бѣлое облачко; черезъ минуту приносился звукъ взрыва, подобный выстрѣлу; рѣдко слышалось гудѣнье осколковъ; облачко расходилось, рѣдѣло, подымалось выше, неслось по направленію вѣтра, и наконецъ отъ

---

[1]) Первая станція по дорогѣ изъ Севастополя въ Бахчисарай. Тамъ былъ военный госпиталь.

него оставались однѣ тонкія бѣлыя струи, которыя въ высотѣ совершенно сливались съ настоящими облаками.

Изрѣдка въ бухту падали ядра, но надобно было долго сидѣть, чтобъ увидѣть паденіе хоть одного ядра. Я говорю объ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Иногда, занимаясь въ Штабѣ, я видѣлъ, какъ приводили казаки перебѣжчиковъ. Почти всякій день являлось ихъ трое, четверо. Провожавшіе ихъ казаки, два-три человѣка, бывали то пѣшіе, при одной шашкѣ, то на коняхъ и съ пиками. Одному изъ нихъ вручалась аванпостнымъ начальствомъ книжка, гдѣ было написано, что вотъ такіе-то препровождаются въ Генеральный штабъ для распросовъ. Для казаковъ было все одно — Главный штабъ, Генеральный штабъ; притомъ же Главный штабъ встрѣчался на дорогѣ прежде Генеральнаго, и потому мы видали у себя въ гостяхъ господъ перебѣжчиковъ. Офицеры обступали ихъ, распрашивали, сколько было душѣ угодно, и потомъ объясняли казакамъ, что ихъ надобно отвести въ Генеральный штабъ, въ Сухую балку. Казаки вскакивали на коней, и шествіе направлялось въ Сухую балку. Вдругъ на дорогѣ, на бѣду странниковъ, попадался казакъ, ѣхавшій въ 4-й номеръ, гдѣ жилъ главнокомандующій. «Вы что̀, къ князю что ли?» спрашивалъ онъ и не дожидаясь отвѣта договаривалъ: «пошелъ за мной: я ѣду туда!» Простодушные черноѣцкіе казаки поворачивали въ 4-й номеръ, поворачивали единственно потому, что очень бойко шумѣлъ на нихъ казакъ 4-го номера, научившійся бойкости на службѣ у высокихъ лицъ, а былъ онъ точно такой же казакъ, какъ и тѣ, что̀ за нимъ поворачивали, и часто одного и того же полка.

Въ 4-мъ номерѣ странствующую толпу обступали другіе офицеры. Трудно было удержаться отъ вопросовъ, видя передъ собою такую пестроту мундировъ: и яркіе зуавскіе штаны алаго цвѣта, запущенные въ особыя сандаліи; и куртки Арабовъ,

вышитыя шнурками, и ихъ красивыя чалмы, съ бахрамой по плечамъ; и эти смуглыя, губастыя лица; и наконецъ краснаго Англичанина, въ черной маленькой шапочкѣ, съ бѣлыми петлицами на груди и съ буфами намѣсто эполетъ. [1])

Послѣ распросовъ, отправляли ихъ снова въ Сухую балку. Доставалось порядкомъ пестрымъ шатунамъ Черной рѣчки, покамѣстъ они достигали до Генеральнаго штаба. Иногда длинный хвостъ матросовъ, бабъ и мальчишекъ, сопровождалъ разноцвѣтную толпу по горамъ и балкамъ.

Скоро непріятель доставилъ намъ другое развлеченіе, нѣсколько курьознѣе. 19-го апрѣля явилась на высотахъ, за Волынскимъ и Селенгинскимъ редутомъ, какъ разъ противъ Штаба, новая батарея и стала стрѣлять навѣсно по рынку, пристани и кораблямъ. Въ послѣдствіи мы узнали, что эту батарею называютъ *Марія*. Почти всѣ офицеры штаба и даже писаря вышли на крыльцо посмотрѣть, какъ стрѣляетъ новая странная батарея. Разстояніе было огромное: версты три слишкомъ. Первыя ядра проносились вдоль крыши нашего Штаба, на значительной высотѣ, треща и гудя, и падали саженяхъ во ста, не подалеку отъ базара, но потомъ стали ложиться и на базаръ, въ кучи народа; однако никто не былъ раненъ. Я пробовалъ мѣрять время полета шагами: оказалось, что съ минуты появленія бѣлаго дыма на батареѣ (выстрѣла не было слышно) до паденія ядра на землю, можно пройдти обыкновеннымъ шагомъ около 40 шаговъ. Всѣмъ намъ хотѣлось видѣть самое ядро. Нѣкоторые подбѣгали тотчасъ къ тому мѣсту, гдѣ ударило ядро: тамъ были ямы, круглыя и правильныя, какъ отверстіе въ кувшинѣ, и больше ничего. Ядро уходило глубоко въ землю, говорятъ, аршина на полтора. Судите, каковъ ударъ!

---

[1]) Разныя формы англійскихъ и французскихъ войскъ можно видѣть въ Художественномъ Листкѣ, 1854, № 28.

въ крѣпкую, каменистую почву чугунный шаръ уходитъ какъ въ жидкость, и долго потомъ остается дыра, какъ черная, разинутая пасть. Мѣсяцъ и больше льютъ дожди, ѣздятъ телеги, а дыра все глядитъ изъ-подъ земли своимъ чернымъ глазомъ.

Эта батарея была совершенно особаго устройства, какихъ мы до тѣхъ поръ не видали. Открытіе ея именно 19-го апрѣля едва ли было даромъ. Нашъ европейскій непріятель не разъ прибѣгалъ къ такимъ, по видимому пустымъ военнымъ хитростямъ, которыя ему бо̀льшею частію удавались, особенно при нашемъ простодушіи [1]).

Въ то время, какъ всѣ начали слушать пѣніе новыхъ странныхъ ядеръ, — которыя солдаты прозвали въ послѣдствіи «жеребецъ на водопой», по ихъ особенному свисту, похожему на ржаніе, и потому, что они чаще всего падали «въ воду», — Французы готовились къ рѣшительной атакѣ нашихъ ложементовъ противъ редута Шварца, построенныхъ въ концѣ марта мѣсяца, въ три паралели, влѣво отъ другихъ, выстроенныхъ мѣсяцемъ прежде, противъ 5-го бастіона, въ одну паралель [2]).

Непріятель много разъ покушался отбить у насъ «Шварцевы ложементы» (какъ ихъ обыкновенно называли), и это ему едва не удалось въ ночь съ 13-го на 14-е апрѣля.

Послѣ того Пелиссье, бывшій тогда корпуснымъ командиромъ (онъ командовалъ 1-мъ корпусомъ, перешедшимъ отъ него къ генералу де-Саллю), цѣлую недѣлю переписывался съ Канроберомъ, представляя ему необходимость занять наши ло-

---

[1]) Ниже читатель увидитъ нѣсколько другихъ военныхъ хитростей въ томъже родѣ.

[2]) Противъ 5-го бастіона и Бѣлкина редута 8 ложементовъ, въ разстояніи одинъ отъ другаго сажень на 50 и 60; далѣе, противъ Шемякиной батареи, у Карантинной бухты, до 11-ти.

жементы, распространеніе которыхъ съ каждымъ днемъ становилось серьознѣе.

Соединяя эти ложементы съ карантинными, мы могли провести новую линію укрѣпленій, и устроить нѣсколько плацдармовъ [1]), отодвинувъ черезъ это осаждающаго назадъ.

Работа у насъ кипѣла. Вмѣсто 30-ти рабочихъ, какъ дѣлалось сначала, стали высылать отъ 500 до 700 человѣкъ, съ прикрытіемъ въ двѣ тысячи.

Пелиссье продолжалъ писать къ Канроберу донесеніе за донесеніемъ; наконецъ главнокомандующій французской арміи разрѣшилъ атаковать эту позицію 19 апрѣля (1 мая).

Въ дѣло назначили полки: 42-й, 43-й, 46-й, 79-й, и 98-й, линейные, при 19-мъ стрѣлковомъ батальонѣ, и 1-й и 2-й полки иностраннаго легіона.

Все это ввѣрено бригаднымъ генераламъ Базѐну и де-Ламоттъ-Ружу, подъ главнымъ начальствомъ дивизіоннаго генерала де-Салля.

Въ продолженіи дня де-Салль старался изучить мѣстность. Въ 5 часовъ по полудни началось размѣщеніе войскъ.

Надо было случиться, что въ эту ночь (съ 19-го на 20-е апрѣля), вмѣсто обыкновеннаго количества рабочихъ и резерва, посланъ былъ только одинъ Углицкій полкъ, имѣвшій тогда до 700 человѣкъ народу. Въ этомъ заключалось все: и рабочіе и резервъ. Кромѣ недостатка въ числѣ, Угличане явились на эту мѣстность въ первый разъ и явились, разумѣется, ночью. Они даже не знали хорошо, въ какой сторонѣ Французы и куда надо стрѣлять.

Обо всемъ этомъ непріятель могъ быть увѣдомленъ дезертирами изъ того же полка.

1) Плацдармъ — мѣсто въ траншеѣ, гдѣ можно собрать войска.

Едва наши стали работать (при закатѣ луны, когда было еще довольно свѣтло), какъ съ 5-го бастіона замѣчено движеніе непріятельскихъ колоннъ по траншеямъ изъ-за кладбища къ редуту Шварца, о чемъ немедля послали сказать на редутъ и въ то же время открыли съ бастіоновъ артиллерійскій огонь.

Но посланный не успѣлъ добѣжать къ Шварцу, какъ въ ложементахъ уже услышали перестрѣлку.

Углицкій полкъ, увидя передъ собой Французовъ, далъ нѣсколько залповъ; съ окрестныхъ бастіоновъ ударили картечью, — непріятельскія колонны отступили снова къ траншеямъ, только человѣкъ 8 какихъ-то отчаянныхъ удальцовъ [1]) вскочили въ траншеи къ Угличанамъ и кто-то крикнулъ на чистомъ русскомъ языкѣ: «братцы, насъ обходятъ!»

Ничто такъ не смущало нашихъ солдатъ, какъ слово «обходятъ». Они боялись этого пуще бомбъ и картечи (и такъ во всѣхъ дѣлахъ, и на бастіонахъ). Угличане побѣжали гурьбой назадъ. Непріятель, замѣтивъ движеніе темныхъ массъ, нагрянулъ снова тремя колоннами:

Слѣва генералъ Базѐнъ, (1-й полкъ иностраннаго легіона, полковникъ Вьенѝ; 43-й линейный — майоръ Беке́-де-Сонне́, и 79-й линейный, полковникъ Гренье). Въ центрѣ генералъ де-Ламоттъ-Ружъ (46-й линейный, полковникъ Гольтъ, и 98-й линейный, полковникъ Брежо́), справа колонна капитана Виллермена (9-й стрѣлковый батальонъ и 42-й линейный полкъ, подъ командой капитана Рагона).

Все это ринулось безъ выстрѣла и овладѣло пустыми ложементами, захвативъ 9 мортиръ малаго калибра [2]).

---

[1]) Слышалъ на редутѣ Бѣлкина.

[2]) Эти мортиры были поставлены въ главной квартирѣ французской арміи, передъ домомъ главнокомандующаго, и простояли тамъ до конца осады.

Углицкій полкъ, столпившись передъ 5-мъ бастіономъ, мѣшалъ ему стрѣлять, а равно и окружающимъ его редутамъ: Шварца и Бѣлкина. Пользуясь этимъ, Французы тотчасъ перевернули наши валы и укрѣпились на занятыхъ веркахъ.

Шварцъ просилъ у генерала Тотлебена разрѣшенія взорвать фугасъ, который находился какъ-разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ непріятель, но Тотлебенъ отказалъ, надѣясь на другой день отбить ложементы.

20 апрѣля, въ 3-мъ часу дня [1]), послали съ редута Шварца охотниковъ, отъ 200 до 300 человѣкъ разныхъ полковъ, болѣе всего Владимірскаго, для отбитія у непріятеля ложементовъ. Въ прикрытіе охотникамъ даны: батальонъ Владимірскаго полка и батальонъ Колыванскаго, всего около 1300 человѣкъ.

Французы никакъ не ожидали нападенія днемъ. У нихъ на позиціи находились: двѣ роты 2-го полка иностраннаго легіона, рота 43-го линейнаго и 2 батальона 46-го и 98-го линейныхъ.

Большая половина людей, утомленныхъ боемъ, бывшимъ наканунѣ, спали. Наши ворвались смѣло и произведя смятеніе въ рядахъ непріятеля, опрокинули его за первую линію ложементовъ.

Въ это время явились на помощь отраженнымъ остальные батальоны 46-го линейнаго полка, подъ командой подполковника Мартино-Дешенѐ, и двѣ роты 1-го полка гвардейскихъ волтижеровъ, подъ начальствомъ капитана Жантиля, находившіеся позади, въ резервѣ.

Это была первая встрѣча императорской гвардіи съ Русскими [2]).

---

[1]) Это была, послѣ Инкермана, первая дневная стычка.

[2]) Гвардейскіе полки только-что прибыли тогда въ Крымъ.

Вслѣдъ за тѣмъ подоспѣли еще двѣ роты 80-го линейнаго полка, подъ командой майора Курсона, и рота 9-го стрѣлковаго батальона.

Всѣ эти войска ринулись на кучку нашихъ охотниковъ и положили часть на мѣстѣ, а часть (человѣкъ полтораста, болѣе всего Владимірцевъ) взяли въ плѣнъ, передавая ихъ на нашихъ глазахъ изъ рукъ въ руки.

Нашъ резервъ, не получивъ ясныхъ указаній, какими путями слѣдовать, двинулся весь вправо. Солдаты столпились и не могли во̀-время явиться на помощь своимъ, страдая отъ выстрѣловъ непріятеля и мѣшая стрѣлять 5-му бастіону и редуту Бѣлкина.

Шварцъ получилъ (въ сумерки) приказаніе взорвать фугасъ, но онъ не взлетѣлъ, будучи, вѣроятно, испорченъ Французами.

И такъ мы потеряли эти ложементы, при чемъ выбыло у насъ изъ строю до 300 человѣкъ.

Батарея Марія продолжала стрѣлять, увеличивая число выстрѣловъ съ каждымъ днемъ и дѣлая къ іюню мѣсяцу выстрѣловъ до 100 въ сутки.

Мы, въ штабѣ, привыкли къ этой батареѣ и уже не выходили на крыльцо слѣдить за ея снарядами и мѣрять полетъ ядеръ шагами и минутами. Многіе успѣли разглядѣть и ядра, которыя были вѣсомъ въ 32 фунта и больше. У меня лежало два подъ столомъ, вмѣсто скамейки. Одно изъ нихъ ударило въ самый Штабъ въ стѣну, откатилось и было принесено казакомъ. Другое я поднялъ самъ на берегу. Скоро этихъ ядеръ уже никто не бралъ и не трогалъ. Онѣ лежали въ разныхъ мѣ-

стахъ, не привлекая ничьего вниманія. Всѣ привыкли къ нимъ. Привыкла пристань, привыкъ 4-й номеръ, привыкъ и базаръ. На базарѣ даже знали, куда какая амбразура стрѣляетъ.

Купецъ, начавши разсчитываться съ покупателемъ, вдругъ взглядывалъ въ гору и замѣчалъ выстрѣлъ — облако бѣлаго дыма: «ну, это на пристань!» говорилъ онъ, и опять опускалъ глаза на счеты и начиналъ брякать: «Сигары — 75; за паисную икру рубь пятнадцать, да рюмка водки... а вотъ это къ намъ жалуетъ!.. Рюмка водки — 20 копѣекъ! 20 да 15, — 35, да 75, это рубь десять! да рубь — два рубли десять!» Въ это время ядро гудѣло надъ самою его палаткой и шлепалось сзади, саженяхъ въ двухъ. Купецъ не смущался нисколько, какъ будто не его дѣло. «А вотъ это по кораблямъ!» говорилъ онъ, замѣтивъ третье облако, и въ самомъ дѣлѣ ядро падало въ бухту.

Вскорѣ однако услышали мы, что на базарѣ убило двухъ человѣкъ, потомъ одного на пристани и въ то же время четырехъ ранило.

Мнѣ должно было каждый день ходить мимо пристани, относя бумаги къ дежурному генералу; я зашелъ и спросилъ, въ какомъ мѣстѣ ударило ядро: мнѣ показали въ доскахъ небольшую пробоину, покрытую кровью. Въ балаганѣ, подлѣ бухты, лежалъ убитый матросъ, подъ своею шинелью. Страшно было взглянуть: почти ничего человѣческаго не осталось въ трупѣ: сложены были какіе-то почернѣвшіе куски. Мнѣ разсказали, что при этомъ одному офицеру Московскаго полка, пріѣхавшему съ Южной стороны за пріемкою туровъ, оторвало ногу, и еще сильно ранило трехъ женщинъ. Тутъ же на берегу я увидѣлъ нѣсколько ядеръ, прилетѣвшихъ съ Маріи. Они омывались волнами, обростая водянымъ мохомъ.

Базару велѣно было сниматься и переходить за гору, немного правѣе Сѣвернаго укрѣпленія. Но купцы поднимались

не охотно. Между ними возникали споры: отчего *я* прежде перейду, а не ты? — Объ ядрахъ никто и не думалъ. Одинъ изъ соперниковъ Александра Ивановича рѣшительно говорилъ, что онъ не пойдетъ до тѣхъ поръ, пока не снимется Александръ Ивановичь. Всѣ перебрались, а они двое еще воевали. Соперникъ между прочимъ носилъ въ карманѣ табакъ, который тихонько показывалъ офицерамъ, въ улику Александра Ивановича, и говорилъ почти шепотомъ, косясь на одесскую палатку: «Помилуйте, господа! вотъ до чего дошелъ: какой табакъ за полтора рубли продаетъ, а самъ его тутъ-же, у Татаръ, за семь гривенъ покупаетъ! вотъ взгляните!...» Къ сопернику явились наконецъ жандармы, но онъ послалъ жену къ дежурному генералу просить заступничества... Жандармы примирили ихъ, пригрозивъ поломать палатки у обоихъ.

И вотъ, казалось, всѣ перешли на новый базаръ. Но нѣтъ! осталась подъ ядрами одна таинственная палатка, не спорившая ни съ кѣмъ и неизвѣстно какъ незамѣченная жандармами. Палатка, по видимому, была пустая, закрытая со всѣхъ сторонъ на-глухо, но существовалъ сокровенный входъ: туда впускали, осмотрѣвши съ ногъ до головы; уголъ парусины приподнимался и тотчасъ опускался опять, даже приколачивался изнутри гвоздями. Но и тутъ, захлопнувши васъ, какъ птицу, показывали вамъ сначала немногое: какіе-то ящики съ сухарями, макаронами и вермишелью; потомъ уже познакомясь съ вами какъ слѣдуетъ, говорили: «Мы совсѣмъ не торгуемъ... это только такъ... пожалуй, можно сдѣлать наскоро котлеты; найдется ломоть сыру и рюмка водки; но... мы сейчасъ переѣзжаемъ!» Однако, пока они *сейчасъ* переѣзжали, мнѣ случилось раза четыре, въ разные дни недѣли, исправно завтракать въ этой таинственной палаткѣ. Наконецъ жандармы замѣтили и ее — и пригвожденный уголъ отгвоздился. Никого не стало на старомъ базарѣ, опустѣли землянки и балаганы и

долго стояли, почти до конца осады, какъ привидѣнія, пока не явились въ нихъ другіе, странные обитатели...

А на новомъ мѣстѣ ежедневно выростали балаганы и клѣтушки, какъ грибы. Образовалось три-четыре улицы, изъ которыхъ одна, средняя, была постоянно полна народомъ, такъ что едва можно было пройдти, не только ужь проѣхать. Разумѣется двигались больше всего солдаты и матросы. По обѣимъ сторонамъ, у лавокъ, сидѣли на землѣ рядкомъ бабы, торгуя всякимъ овощемъ, хлѣбомъ, яицами. Въ послѣдствіи тутъ сложились кучи арбузовъ, яблокъ, грушъ. Бабы обыкновенно и ночевали подлѣ своего товару, тутъ же на землѣ. Лавки этой бабьей улицы были по преимуществу бакалейныя и табачныя. Между ними помѣщались самые незатѣйливые трактиры, съ десятками чайниковъ на столахъ. Лавки почище, съ краснымъ товаромъ и съ бакаліей, были ниже, на послѣдней улицѣ. Тутъ торговали перешедшіе изъ города Караимы: Айвазъ, Кефѐли, Рофѐ, Казасъ, Шапшалъ, и русскіе купцы: Санютинъ, Старчиковъ, Кашинъ, Крыжановскій, Дученко и многіе другіе[1]). Были и пріѣзжіе изъ Харькова, которые впрочемъ называли себя пріѣзжими изъ Москвы. Видныхъ, порядочныхъ лавокъ было до 30-ти. За постройку ихъ купцы платили неимовѣрную цѣну; иные балаганы доходили до 1000 цѣлковыхъ. Мѣсто стоило 75 рублей. Александръ Ивановичь, сдѣланный старшиною базара, господствовалъ своею широкою палаткой надъ всѣми другими, какъ главнокомандующій. Онъ даже называлъ себя главнокомандующимъ базара, когда заливалъ немного за галстукъ. Много онъ не заливалъ. «Что̀ тамъ у васъ главнокомандующій, то̀ здѣсь я!» говорилъ онъ тогда штабнымъ. Александръ Ивановичь долго былъ единственнымъ

---

[1]) Въ концѣ книги приложенъ списокъ всѣмъ купцамъ, торговавшимъ въ Севастополѣ, во время осады.

угощателемъ офицерской публики на новомъ базарѣ. Стихли и присмирѣли его соперники; но въ послѣдствіи переѣхалъ туда же, изъ города, Томасъ и открылъ гостинницу лучше. Томаса знали всѣ Севастопольцы. Ему вѣчно были должны моряки, но онъ не думалъ о взысканіи долговъ, не унывалъ, и продолжалъ кормить морскую и всякую публику.

Такъ базаръ, выросшій изъ земли въ нѣсколько часовъ, представлялъ небольшой городокъ, который вздумалось кому-то назвать *Нью-Севастополемъ*. Но скоро и Нью-Севастополь подвергся опустошеніямъ отъ ядеръ и ракетъ, которыя не только долетали до него, но и перелетали черезъ. Одна, или двѣ ракеты упали въ Учкуевкѣ, у берега моря; Учкуевка была отъ *Маріи* по крайней мѣрѣ въ пяти верстахъ.

Начали поговаривать, что и отсюда базару придется переходить.

Въ нашъ Штабъ и въ 4-й номеръ укрѣпленія, гдѣ жилъ главнокомандующій, стали также частенько прилетать ядра съ *Маріи*. Намъ было приказано готовиться къ выступленію на позицію. Но мы подымались тяжело. Русскій штабъ тоже, что русскій человѣкъ...

II.

1-е мая 1855. — Стычка 10-е мая. — Николаевскій мысокъ. — Сѣверное кладбище. — Похороны генералъ-майора Адлерберга. — Переходъ Главнаго штаба на Инкерманскія высоты. — Дорога въ лагерь. — Сѣверное укрѣпленіе. — Рыба съ фрегата Коварны. — Митрополичье подворье. — Лавочка съ кренделями. — Взятіе у насъ редутовъ Волынскаго, Селенгинскаго и Камчатскаго. — Корабли перемѣняютъ мѣста. — Тогдашній видъ Екатерининской улицы.

—

Въ то время когда у насъ, на Сѣверной, думали о разныхъ перемѣнахъ, о движеніи куда-нибудь дальше, безопаснѣе: Южная сторона жила по прежнему, той же самой жизнію. Тамъ некуда было уйти. Единственнымъ спасеніемъ отъ убійственнаго огня передовой линіи считалось — стать въ резервъ, подвинуться нѣсколько шаговъ назадъ, и только.

Резервъ Корабельной помѣщался въ Бѣлостоцкихъ казармахъ, близъ Малахова кургана; потомъ не много дальше,

у Владимірской церкви; также въ Ушаковой и Аполлоновой балкѣ и около Александровскихъ казармъ.

На Южной сторонѣ резервы располагались по Екатерининской и по Морской улицамъ; подлѣ Адмиралтейства и сзади Николаевскихъ казармъ.

Случалось однако, что полкамъ, простоявшимъ подъ огнемъ непріятельскихъ батарей нѣсколько мѣсяцевъ, давался отдыхъ. Ихъ отпускали на Сѣверную, на недѣлю и больше, по усмотрѣнію начальника гарнизона.

Въ концѣ апрѣля мѣсяца было предложено такимъ образомъ отдохнуть Охотскому полку, бывшему въ Севастополѣ безвыходно съ самаго начала осады [1]). Но полкъ отказался идти на Сѣверную, прося дозволенія отдохнуть поближе къ своимъ знакомымъ батареямъ и курлыгамъ, именно позади 3-го бастіона, въ морскихъ госпиталяхъ, что̀ не подалеку отъ Александровскихъ казармъ.

Это было дозволено, и Охотцы расположились за 3-мъ бастіономъ.

Извѣстно, что русскому человѣку, на свободѣ, прежде всего приходитъ въ голову пирушка, да не льзя-ли размахнуться какъ-нибудь пошире: и вотъ Охотцы задумали отпраздновать свою счастливую шестимѣсячную стоянку на передовыхъ линіяхъ разныхъ бастіоновъ, гдѣ полкъ понесъ самую незначительную потерю [2]). Рѣшили дать обѣдъ для всѣхъ, кому будетъ свободно пожаловать. Начальство согласилось — и все закипѣло живо.

---

[1]) Охотскій полкъ сперва стоялъ на Южной сторонѣ, въ разныхъ пунктахъ. Потомъ перешелъ въ Корабельную, гдѣ занималъ сначала Малаховъ курганъ, потомъ 3-й бастіонъ, батарею Никонова и Пересыпку.

[2]) Убитъ всего одинъ офицеръ, одинъ раненъ и около 100 человѣкъ нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Надо помнить, что это было время, когда вниманіе непріятелей было обращено преимущественно на нашъ правый флангъ.

Въ Севастополѣ не копались ни за какимъ дѣломъ, даже и не очень вкуснымъ, а ужь обѣдъ закипѣлъ такъ, какъ ни одинъ обѣдъ въ мірѣ. Мигомъ собрали подписку, которая доставила распорядителямъ до полуторы тысячи рублей серебромъ, кромѣ особенныхъ вкладовъ отъ полковаго командира и другихъ лицъ, доставившихъ почти столько же.

Въ это время жилъ въ Бахчисараѣ фурштатскій офицеръ того же полка, поручикъ (нынѣ штабсъ-капитанъ) Бахницкій. Онъ женился не задолго до начала кампаніи. Отправляясь въ Турецкій походъ, Бахницкій оставилъ жену въ Подольской губерніи, а когда войска воротились въ Россію, жена встрѣтила его въ Скулянахъ и съ тѣхъ поръ раздѣляла съ нимъ всѣ походныя тревоги, посвятивъ себя на служеніе больнымъ и раненымъ.

Когда обозъ Охотскаго полка стоялъ въ Дуванкѣ, раненые офицеры этого полка и другихъ находили въ домѣ Бахницкихъ не только спокойное убѣжище, но даже медицинскія пособія, бѣлье и платье.

Въ Бахчисараѣ Бахницкіе продолжали точно также принимать къ себѣ раненыхъ и больныхъ офицеровъ, которые нуждались въ помощи.

Когда Охотцы затѣяли обѣдъ: къ кому же было обратиться, какъ не къ Бахницкимъ, извѣстнымъ цѣлому полку?

Собранныя деньги отправили немедля къ нимъ, прося распорядиться этимъ дѣломъ: достать возможно-лучшихъ винъ, припасовъ и прочаго, примѣрно на 200 персонъ.

Все это явилось въ самомъ блестящемъ видѣ. Поваровъ было не занимать стать: одни моряки могли поставить цѣлый батальонъ. Обѣдъ изготовленъ отличный и разосланы приглашенія ко всѣмъ начальствующимъ.

Исключая весьма немногихъ, занятыхъ службой, явились на обѣдъ всѣ первыя лица, — въ Корабельную, въ одинъ домъ,

рядомъ съ квартирой генерала Хрулева. Это было 1-го мая, утромъ.

Начали, какъ подобаетъ, чисто по-русски, по православному: отслужили въ походной церкви [1]) панихиду по убитымъ въ полку, затѣмъ благодарственный молебенъ, послѣ котораго георгіевскіе кавалеры, около 70 человѣкъ, вышли первыми изъ церкви и пройдя церемоніальнымъ маршемъ мимо начальства, вступили въ обѣденный залъ, гдѣ для нихъ были приготовлены особенныя мѣста. Музыка грянула: 4 хора съ 4-хъ полковъ всей 11-й дивизіи, числомъ до полутораста человѣкъ, и кромѣ того 80 человѣкъ пѣвчихъ. Обѣдъ начался...

Онъ поразилъ всѣхъ вошедшихъ: столъ, убранный зеленью и рѣдкими цвѣтами, ломился подъ дорогими сервизами; золото, серебро, хрусталь, фарфоръ, рѣдчайшія вина — все пахло скорѣе столицей, чѣмъ лагеремъ и полемъ битвы. Только прошипѣвшее ядро, щелкнувъ гдѣ-нибудь въ стѣну, напоминало о мѣстѣ пира...

Кушанья были изящны въ высшей степени: цыплята, паштеты изъ дичи, самыя нѣжныя овощи, все давно-невиданное было увидѣно. Шампанскаго выпито 500 бутылокъ. Кромѣ того подрядчику было сказано, чтобъ онъ заготовилъ, на случай, вина по крайней мѣрѣ на полъ-Севастополя. Чтобы слова «нѣтъ» не существовало! А если чего не достанетъ, то не платить денегъ вовсе.

Словомъ, это былъ обѣдъ, по пріемамъ, по размаху, по кипящей буйными ключами жизни, единственный въ своемъ родѣ, неповторяемый, какъ и весь Севастополь.

Когда онъ кончился, часть публики вышла въ палисадникъ, гдѣ играла музыка, тоже съ какимъ-то отчаяніемъ, какъ-

---

[1]) Походная церковь есть ничто иное, какъ большая палатка. Эта церковь стояла подлѣ Владимірской, небольшой деревянной церкви.

будто наигрывалась въ послѣдній разъ, шумно заглушая всѣ на свѣтѣ канонады. Нечего говорить: 200 трубъ и барабановъ могли сказаться довольно громко!

Едва показался на балконѣ начальникъ лѣваго фланга, генералъ Хрулевъ, знавшій и любившій Охотцевъ и ими любимый еще съ Туртукая [1]), — къ нему подошелъ фельдфебель Кривопутовъ, съ бокаломъ шампанскаго, и закричалъ: «здоровье генерала Хрулева Степана Александровича!» Хрулевъ взялъ самъ бокалъ, налилъ въ него водки, и провозгласилъ: «здоровье всѣхъ георгіевскихъ кавалеровъ! ура!»

За тѣмъ поднесли вина всѣмъ, кто только былъ на праздникѣ и смотрѣлъ въ окна.

Музыка гремѣла до глубокой ночи.

Потомъ всѣ разошлись по батареямъ, а иные ушли еще прежде, и жизнь Корабельной, озарившаяся мгновенно этимъ страннымъ праздникомъ, какъ яркимъ лучемъ, потянулась по старому, въ облакахъ пороховаго дыма.

6-го мая генералъ Хрулевъ получилъ предписаніе принять команду надъ правымъ флангомъ, ибо тамъ ожидали нападенія.

По прибытіи на Южную сторону, Хрулевъ, какъ водится, немедля осмотрѣлъ верки, и ему пришла счастливая мысль: соединить траншеей наши старые кладбищенскіе ложементы (числомъ 8), что̀ были какъ-разъ противъ Бѣлкина люнета, съ ложементами (до 11-ти числомъ) Карантинной бухты, чтобы черезъ это подвинуть впередъ нашу оборонительную линію.

Долго шли объ этомъ совѣщанія. Наконецъ, съ 9-го на 10-е мая разрѣшено было приступить къ работамъ.

---

[1]) Подъ Туртукаемъ, на островѣ Голомъ, 28 февраля, 1854, Хрулевъ первый повелъ въ дѣло Охотскій полкъ. Охотцы, какъ и всегда, показали себя молодцами.

Тысяча лопатъ, пополамъ съ кирками, работала такъ тихо, что непріятель ничего не слыхалъ, хоть самъ велъ въ это время траншею, въ 20-ти саженяхъ отъ нашей новой. По ней всю ночь стрѣлялъ 5-й бастіонъ и редутъ Бѣлкина.

Рабочіе потеряли въ эту ночь только одного солдата, убитаго шальной пулей.

Къ утру 10-го, точно какимъ волшебствомъ, выросъ передъ непріятелемъ длинный валъ слишкомъ въ версту протяженія.

Французы тотчасъ угадали мысль Хрулева.

Тогда главнокомандующимъ былъ уже Пелиссье [1]); переписываться ему было не съ кѣмъ. Онъ далъ ту-же минуту приказаніе генералу де-Саллю, сдѣланному командиромъ 1-го корпуса, «уничтожить новую позицію Русскихъ, и если можно, обратить ее противъ непріятеля.»

---

[1]) Онъ назначенъ $^7/_{19}$ мая, 1855. Вотъ его приказъ войскамъ отъ этого числа:

Солдаты!

Нашъ прежній главнокомандующій объявилъ вамъ волю Императора, который, по его ходатайству, поставилъ меня во главѣ Восточной арміи.

Принимая отъ Императора командованіе этою арміею, бывшее столь долго въ такихъ благородныхъ рукахъ, я скажу прежде всего, выражая навѣрное общія чувства, что генералъ Канроберъ уноситъ съ собою наше глубокое сожалѣніе и полную признательность.

Никто изъ васъ не забудетъ, чѣмъ мы обязаны его высокому сердцу! Къ блистательнымъ воспоминаніямъ Алмы и Инкермана онъ присоединилъ еще ту незабвенную заслугу, можетъ быть незабвеннѣе самыхъ побѣдъ, что во время страшной зимней кампаніи сохранилъ нашему Государю и отечеству одну изъ лучшихъ армій, какую когда-либо имѣла Франція. Ему обязаны вы тѣмъ, что можете бороться не уступая и торжествовать; и если успѣхъ (въ чемъ я убѣжденъ) увѣнчаетъ наши усилія, — вы не забудете его имени въ своихъ побѣдныхъ кликахъ!

Онъ пожелалъ остаться въ вашихъ рядахъ и хотя-бы могъ получить высшее назначеніе, онъ ищетъ только возвратиться къ своей старой дивизіи. Я уступилъ желанію и настоятельнымъ просьбамъ того, кто былъ до сихъ поръ нашимъ главнокомандующимъ и останется всегда моимъ другомъ.

Де-Салль назначилъ въ дѣло дивизію генерала Патѐ. Предположено произвести двѣ атаки: одну противъ ложементовъ подлѣ бухты, а другую противъ ложементовъ у кладбища.

Лѣвымъ крыломъ, то есть противъ бухты, командуетъ генералъ Бёре́, имѣя 3 роты 10-го стрѣлковаго батальона, 3 батальона 2-го полка иностраннаго легіона и батальонъ 98-го линейнаго полка.

Правымъ крыломъ командуетъ генералъ де-Ламоттъ-Ружъ, съ охотниками 1-го полка иностраннаго легіона и съ 2-мя батальонами 28-го линейнаго полка, имѣя въ резервѣ батальонъ 18-го и 2 батальона гвардейскихъ волтижеровъ.

Изъ этой диспозиціи видно, что новое распредѣленіе полковъ, бригадъ и дивизій, показанное въ особо приложенномъ спискѣ, еще не установилось: брали какъ случится, съ какимъ полкомъ кто былъ знакомѣе прежде.

Генералъ Хрулевъ, обходя утромъ (10 мая) наши новыя линіи, увидѣлъ съ одного возвышеннаго пункта ноги французскихъ рабочихъ, въ ближайшихъ къ намъ траншеяхъ. Потомъ эти рабочіе ушли. Вслѣдъ за тѣмъ опустѣли траншеи и дальше — тѣ самыя, которыя были сдѣланы изъ отбитыхъ у насъ ложементовъ 19-го апрѣля.

Солдаты! Моя довѣренность къ вамъ безгранична. Послѣ столькихъ испытаній и самыхъ благородныхъ жертвъ нѣтъ ничего невозможнаго для вашей храбрости.

Вы знаете, чего ждутъ отъ васъ Императоръ и отечество. Оставайтес тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ, и тогда, при вашей энергіи, при содѣйствіи нашихъ доблестныхъ союзниковъ, при мужествѣ храбрыхъ моряковъ нашихъ эскадръ и съ помощію Бога — мы побѣдимъ!

Главнокомандующій
А. Пелиссье.

Главная квартира
близь Севастополя.
19-го мая, 1855.

Больше ничего не случилось. Но для опытнаго глаза и того было довольно. Привычныя ноздри слышали запахъ битвы. Воротясь на бастіонъ, генералъ Хрулевъ предсказалъ нападеніе въ эту же ночь и велѣлъ сдѣлать необходимыя приготовленія.

Еще въ 4 часа по полудни французскія войска вошли въ назначенныя имъ паралели, позади главной вѣтви траншей.

Наши войска, какъ и наканунѣ, вышли на работу въ 9 часовъ вечера (еще было довольно свѣтло): 3 батальона Подольскаго полка черезъ люнетъ Бѣлкина; 4-й батальонъ того же полка черезъ батарею Бутакова; 2-й и 3-й батальоны Эриванцевъ черезъ калитку близь полуказемата 6-го бастіона, 1-й батальонъ того же полка и 1-й и 2-й Житомірскаго, съ двумя горными единорогами, — черезъ ворота, ведущія къ Шемякиной батареѣ [1]).

Французы открыли въ то же самое время сильнѣйшій огонь изъ орудій и мортиръ.

Выдвинутая прежде цѣпь изъ охотниковъ Подольскаго полка и штуцерные, занимавшіе ложементы, дали знать, что непріятель наступаетъ въ большихъ силахъ.

Правое и лѣвое крыло его ударили въ одно время и заняли наши ложементы.

Подольцы и Эриванцы двинулись слѣва, а Житомірцы справа, подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня, и по всей линіи закипѣлъ бой. Ложементы нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки.

Противъ нашего лѣваго крыла бились гвардейцы, одѣтые въ самые свѣжіе мундиры и имѣвшіе новое оружіе. Ихъ было въ бою всего одинъ батальонъ, а другой стоялъ въ резервѣ.

---

[1]) Рапортъ Начальника 1-го отдѣленія и резерва онаго Начальнику 1-го и 2-го отдѣленія оборонительной линіи, отъ 11 мая, 1855, за № 2.228.

Отнятыя у нихъ ружья были забиты грязью. Мы объясняли это такъ, что храбрый батальонъ далъ зарокъ не стрѣлять, а сражаться только холоднымъ оружіемъ — штыками.

Въ этой схваткѣ палъ командиръ 2-й бригады 9-й дивизіи [1]), генералъ-майоръ Адлербергъ, вмѣстѣ съ сыномъ.

Говорятъ, наши, подойдя довольно близко къ гвардейцамъ и замѣтивъ бѣлыя перевязи, которыхъ до тѣхъ поръ не видали у Французовъ, закричали имъ: «Кто вы, наши что ли? говорите, а то будемъ стрѣлять!» Оттуда отвѣчали по-русски не совсѣмъ чисто: наши, наши! — и тогда уже Подольцы пошли на штыки.

Въ 1-мъ часу ночи русскія колонны стали колебаться и отступать. Генералъ-лейтенантъ Семякинъ двинулъ въ помощь лѣвому флангу 2 батальона Минскаго полка, а въ помощь правому 7 ротъ Углицкаго — бой закипѣлъ еще упорнѣе, и продолжался до 3-хъ часовъ утра, при сильнѣйшемъ артиллерійскомъ огнѣ батарей. Одинъ Бѣлкина редутъ выпустилъ до 3-хъ тысячъ зарядовъ, преимущественно картечью. Изъ бомбическаго орудія (всего одно и было) сдѣлано имъ до 400 выстрѣловъ за ночь.

Мы отбросили правое крыло непріятеля въ его ретраншаменты и заняли половину нашей новой линіи (слѣва, противъ кладбища) куда на день, 11-го мая, были посажены стрѣлки и штуцерная команда, а войскамъ велѣно отступить. Другая же половина линіи (ложементы у карантинной бухты) остались за непріятелемъ.

Наша потеря въ эту ночь простиралась до. 3-хъ тысячъ

---

[1]) Полковъ Ериванскаго и Подольскаго. Полное названіе Ериванскаго полка: «Фельдмаршала Князя Варшавскаго, Графа Паскевича Ериванскаго». Я употребляю вездѣ названія, ходившія въ Севастополѣ.

убитыми и ранеными, въ числѣ коихъ 1 генералъ и 74 штабъ и оберъ-офицера.

Непріятель потерялъ, по показанію плѣнныхъ, до 9-ти тысячъ человѣкъ. Говорятъ, у нихъ много легло отъ ошибочныхъ выстрѣловъ своего же парохода, который вошелъ въ Карантинную бухту и открылъ огонь по главному резерву.

На слѣдующую ночь мы ожидали новаго нападенія. Такъ и случилось.

Днемъ (11 мая) собрался совѣтъ у командира 1-го корпуса, генерала де-Салля.

Назначили въ дѣло дивизію Левальяна. Гвардія, потерявшая наканунѣ 4-хъ офицеровъ убитыми и 23 ранеными, составила резервъ въ 2 батальона.

Правымъ крыломъ командуетъ генералъ Дюваль, имѣя 6 батальоновъ; лѣвымъ — генералъ Кустонъ, имѣя 4 батальона.

У насъ получено приказаніе главнокомандующаго: занять однимъ батальономъ Житомірскаго полка траншею, а другому батальону того же полка находиться въ резервѣ. Если не будетъ нападенія, то укрѣпиться на новой позиціи; а если произойдетъ нападеніе въ такихъ силахъ, что двумъ батальонамъ будетъ не возможно удержать за собою траншеи, то отступить безъ боя.

Въ 9 часовъ вечера Французы бросились и заняли наши траншеи весьма легко, почти не встрѣчая сопротивленія.

13-го мая было перемиріе, которое продолжалось болѣе 5-ти часовъ.

По всѣмъ ближайшимъ валамъ и веркамъ непріятелей, до той минуты какъ бы мертвымъ и пустымъ, закопошился народъ, засинѣли французскіе мундиры, но иногда между ними мелькало неформенное пальто и бѣлѣла блуза.

Съ нашей стороны, точно также, всѣ холмы и линіи 1-го отдѣленія покрылись любопытными, смѣнявшими одни другихъ.

По всему валу, отъ 10-го номера до 5-го бастіона, стоялъ, пестрѣя, живой частоколъ. Надъ казематомъ 6-го бастіона полоскался въ воздухѣ бѣлый флагъ. Не задолго передъ закатомъ солнца онъ опустился; съ валовъ исчезли любопытные, и бастіоны опять закурились и загремѣли.

Много было работы въ эти дни Главному перевязочному пункту: въ первыя сутки (11-го мая) сдѣлано до 700 ампутацій.

Убитыхъ на Южной сторонѣ свозили обыкновенно въ фурштатскихъ телегахъ на Николаевскій мысокъ; (убитыхъ въ Корабельной — на Павловскій). Здѣсь они лежали навзничь, на спинѣ, безъ всякого порядка, бо̀льшая часть въ своей кровавой одеждѣ: въ рубашкѣ, или въ шинели; а иные и въ чистомъ бѣльѣ, надѣтомъ на нихъ товарищами, и со свѣчою въ рукѣ, принесенною тѣми же товарищами. Можно было замѣтить, что у иныхъ пальцы сложились знаменіемъ креста... Православные люди, солдаты и матросы, подходя къ покойникамъ, грустно и молча смотрѣли имъ въ лицо и крестились. Почти не произносилось никакого слова на мертвомъ мыскѣ. Да и къ чему было говорить, когда и такъ, само-собою, все разсказывалось этими безмолвными трупами, каждый день прибывавшими болѣе и болѣе...

Иного мертвеца уже не показывали: свернуто было что-то такое въ шинели, и шинель была зашита...

Но среди сѣрыхъ шинелей и бѣлыхъ рубахъ синѣлъ иногда мундиръ Француза, попавшаго между нашими. И его везетъ хоронить богобоязненный русскій человѣкъ; но некому одѣть бѣдняка въ чистую сорочку и вложить ему въ руки восковую свѣчу. Далеко плачетъ его мать.. .

Я вспомнилъ одну сцену въ Сѣверныхъ баракахъ: послѣ какой-то схватки на Селенгинскомъ редутѣ, привезли туда нѣсколько раненныхъ Французовъ. Одинъ былъ безнадеженъ.

Неосторожные медики, забывшись, заговорили по-французски, что «дѣло плохо, что онъ умретъ, но все-таки надо сдѣлать операцію!» — «Нѣтъ ужь, не надо, перебилъ ихъ Французъ: оставьте меня въ покоѣ! Я еще могу теперь думать о своей матери, которая умираетъ можетъ быть съ голоду, когда я умираю здѣсь отъ пули... Я пошелъ служить, чтобъ достать ей кусокъ хлѣба, и вотъ....» Онъ заплакалъ. Всѣ стоявшіе вокругъ прослезились. Человѣкъ, умирая, просилъ оставить его въ покоѣ, чтобъ только подумать о матери, пока еще онъ можетъ думать... и больше ему ничего не нужно! И сколько такихъ трогательныхъ словъ и желаній высказывалось тогда въ разныхъ углахъ обширнаго поля битвы, и на бастіонахъ, и въ баракахъ, и гдѣ-нибудь въ темномъ рву, и всюду, куда заглядывала смерть!

Страшно было проѣхать вечеромъ мимо Николаевскаго мыска, вѣчно покрытаго мертвыми тѣлами. Свѣчи, вложенныя въ руки покойниковъ, зажигались и освѣщали блѣдныя лица; а море плескало въ черныя скалы.

Къ этимъ скаламъ ежедневно нѣсколько разъ подходила шаланда, подымала мертвый грузъ и свозила на Сѣверную сторону, въ Куриную балку. Здѣсь убитые перекладывались въ татарскія мажары, или въ фурштатскія телеги, и поѣздъ двигался гуськомъ, иногда 20 — 30 мажаръ вдругъ, къ Сѣверному кладбищу. Тамъ было всегда готово 10 — 15 огромныхъ ямъ, выкопанныхъ арестантами [1]). Покойниковъ опускали по 50 и болѣе въ одну яму. Потомъ дѣлалась насыпь, и выкладывался по землѣ крестъ изъ камней, а иногда ставили и деревянный. Приходилъ священникъ и служилъ одну общую панихиду.

---

[1]) Въ августѣ нерѣдко эти ямы копались курскими ополченцами.

Подъ горою кладбища, близъ дороги, стояли двѣ палатки, наполненныя гробами и жили какіе-то люди, ходившіе постоянно въ однѣхъ рубашкахъ и безъ шапокъ. Кому было нужно гробъ, тотъ могъ купить. Куда не заберется и чего не вынесетъ изворотливая промышленность!

Мнѣ случалось встрѣчаться съ грустнымъ и страшнымъ поѣздомъ. Изъ мажаръ торчали руки и ноги, свѣшивались почернѣлыя, залитыя кровью головы. Сначала, въ первыя встрѣчи, я отворачивался; но потомъ привыкъ къ этому зрѣлищу, и часто пересѣкалъ линію возовъ, не думая о томъ, что̀ такое въ нихъ лежало.

За то, на томъ же самомъ кладбищѣ, я видалъ отрадныя, умиляющія сцены. Не рѣдко сходились туда кучки матросовъ помянуть товарищей, разстилали по землѣ кусокъ полотна, насыпáли кутьи и ставши вокругъ съ обнаженными головами, молились. Это дѣлалось такъ просто, что я никогда не рѣшался войдти въ кружокъ, боясь смутить молящихся. Арестанты, работавшіе гдѣ-нибудь тутъ же, на горѣ, замѣтивъ кучку матросовъ и зная, что̀ это такое, бросали работу и спѣшили въ тотъ же братскій кружокъ, обнажая свои бритыя головы. О, какъ высокъ передо мною былъ тогда этотъ сѣрый человѣкъ, съ позорнымъ бѣлымъ квадратомъ на спинѣ и съ бритою головою! [1])

На третій день послѣ боя хоронили генерала Адлерберга. Артиллерія и команда солдатъ ожидали на Сѣверной сторонѣ

---

[1]) Замѣчу здѣсь, что нѣсколько арестантовъ постоянно служили на разныхъ бастіонахъ и отличались какъ расторопностью въ работѣ, такъ и примѣрнымъ поведеніемъ. Адмиралъ Истоминъ однажды не могъ выдержать и навѣсилъ одному арестанту георгіевскій крестъ, противъ существующихъ правилъ не давать этимъ людямъ никакихъ отличій. На Малаховомъ курганѣ былъ извѣстный всѣмъ арестантъ Демьянъ Пассекъ, много разъ раненный, и послѣ выздоровленія, возвращавшійся къ своему орудію. Онъ оставался на курганѣ все время осады, исполняя самыя опасныя порученія.

прибытія тѣла. Во второмъ часу причалила печальная шлюпка. Въ передней части ея возвышался крестъ и сидѣлъ священникъ.

Тѣло Адлерберга-отца было въ черномъ бархатномъ гробѣ, а сына его — въ розовомъ. За ними несли еще нѣсколько офицерскихъ гробовъ. Въ числѣ провожатыхъ были и дамы. Процессія тронулась отъ сѣвернаго берега къ кладбищу. Изъ нашихъ начальниковъ былъ только деружный генералъ, верхомъ, въ сюртукѣ и въ эполетахъ [1]); генералъ-гевальдигеръ и жандармскій капитанъ, съ отрядомъ жандармовъ. Скоро залпъ орудій возвѣстилъ, что тѣла убитыхъ приняты землей.

Это время было особенно изобильно печальными процессіями. Безпрестанно видѣлъ длинныя шествія и вѣявшія хоругви [2]). Печальная музыка или пѣніе часто оглашали воздухъ. Тогда ходилъ слухъ, что нѣсколько офицеровъ умерли въ одномъ госпиталѣ, въ городѣ, слыша поминутно подъ окнами похоронный маршъ, и музыка при погребеніи была на нѣкоторое время запрещена. Кромѣ того, похоронные звуки не рѣдко мѣшались со звуками полекъ и мазурокъ, гремѣвшихъ на Маленькомъ бульварѣ, и это было странно и непріятно. Въ послѣдствіи погребальную музыку рѣзрѣшили опять; но тогда уже не играли на бульварѣ ничего.

Въ концѣ мая Главный штабъ перешелъ на Инкерманскія высоты, за шесть верстъ отъ города, на то мѣсто, гдѣ нѣкогда была почтовая станція, а въ началѣ 1855 г. стояла 16-я дивизія. Въ каменномъ домикѣ станціи помѣстился главнокомандующій [3]). Рядомъ съ нимъ, въ другомъ домикѣ поменьше, — начальникъ штаба. Для генераловъ и кое-кого изъ офицеровъ,

---

[1]) Въ Севастополѣ эполетъ обыкновенно не носили.

[2]) Въ Новороссіи, Бессарабіи и въ Крыму при похоронахъ несутъ хоругви.

[3]) Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 12-й.

со средствами, вырылись землянки и покрылись хворостомъ, привезеннымъ съ Мекензіевой горы. Долго не забудетъ Мекензіева гора этого нашествія за хворостомъ! Тамъ, гдѣ не давно кудрявились густыя рощи дубняку, орѣшнику, осиннику и кизилу, — нынѣ остались одни пеньки.

Вокругъ домика и землянокъ раскинулось 200 — 300 палатокъ. Въ пустыню перенеслась жизнь. Каждый день по вечерамъ, въ серединѣ лагеря играла музыка. Въ братскихъ, дружескихъ отношеніяхъ забывались разныя неудобства и недостатки. Все было пополамъ. Кого командировали въ Бахчисарай, тотъ запасался войлоками, покупалъ посуду, и дѣлилъ все это въ томъ кружкѣ, гдѣ жилъ и обѣдалъ. Моя посуда, а твой поваръ, а его десертъ: арбузы, виноградъ, черешни, что̀ найдется! Славно жилось въ этихъ палаткахъ, зыблемыхъ жестокими приморскими вѣтрами и пробиваемыхъ дождемъ!

Но я узналъ эту жизнь послѣ, подъ конецъ осады; а до тѣхъ поръ я жилъ постоянно на фрегатѣ, и только по утрамъ ѣздилъ въ лагерь.

Пришлось вставать очень рано, въ пятомъ часу, и пить одинокій чай. Между тѣмъ на берегу мнѣ сѣдлали лошадь, или запрягали телегу.

Дорога, по которой я ѣздилъ въ лагерь, лежала мимо Сѣвернаго укрѣпленія, базара, кладбища и наконецъ Инкерманскаго маяка. Все это оставалось влѣвѣ. Мѣстность представляла пологія горы и балки, покрытыя мелкими кустами и камнями. Главныхъ горъ было три: на первой, за кладбищемъ, показывались палатки какого-то полка и желтѣли траверсы батареи. Иногда, на валу, являлся часовой, весь въ бѣломъ: въ бѣлой курткѣ и штанахъ. Въ слѣдующей за тѣмъ балкѣ, на зеленой луговинѣ, я видалъ, почти каждый день, кучки солдатъ, въ однѣхъ рубашкахъ; рѣдко кто былъ въ шинели. Одни сидя выколачивали барабанными палками по бревну раз-

ныя зори и марши; другіе высвистывали то же самое на флейтахъ, уже стоя и приладивъ къ какой-нибудь жердочкѣ ноты. Тѣ и другіе, разумѣется, не попадали въ тактъ другъ дружкѣ — и балка оглашалась разноголосицей звуковъ, споривших между собою. Среди кустовъ и камней вѣчно порхали какія-то маленькія птички, изъ которыхъ я узнавалъ только одного удода, съ его красивымъ гребешкомъ и круглыми, пестрыми крыльями, подобными крыльямъ большаго мотылька. Замѣчу здѣсь о птицахъ вообще: на Южной сторонѣ Севастополя мнѣ не случалось замѣчать птицъ; я думаю, что ихъ не было тамъ вовсе, по причинѣ сильной и неумолкаемой стрѣльбы. Но на Сѣверной, кромѣ этихъ мелкихъ птичекъ по кустамъ, водились еще скворцы и чистые голуби. Особенно памятны мнѣ голуби 4-го номера. Они выжили на этой батареѣ до конца и часто красиво вились надъ нею, не смотря на выстрѣлы. Иногда появлялись какія-то сѣренькія птички среди бухты, на вантахъ кораблей. Въ августѣ я видѣлъ изъ Инкерманскаго лагеря два облака мелкой дичи, какъ кажется, перепелокъ, которыя летѣли на Южную сторону но, отпугнутыя выстрѣлами, поворотили назадъ, подавшись къ морю, и долго были замѣтны въ небѣ длинными туманными полосами, протянувшимися на большое пространство, и наконецъ исчезли въ отдаленіи.

Вторая гора была пуста, а на третьей помѣщался маякъ: шестъ съ протянутыми къ нему веревками [1]). Подлѣ чернѣла землянка офицеровъ, которымъ были поручены наблюденія за непріятелемъ. Тутъ вѣчно бродили двѣ-три казацкія лошадки, рисуясь на небѣ темнымъ силуэтомъ.

Дорога лежала у самаго подножія этихъ горъ. Направо отъ нея шла довольно ровная мѣстность, кончавшаяся обрывомъ

---

[1]) Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 14-й.

къ бухтѣ и покрытая такими же кустами и камнями, какъ и горы. Иногда камней было столько, что казалось, будто они навожены нарочно. До бухты было оттуда около версты. По берегу, надъ самою водой, тянулось нѣсколько батарей, въ видѣ глиняныхъ насыпей. Эти батареи бо̀льшею частію были скрыты берегомъ; ихъ присутствіе угадывалось только по бѣлымъ клубамъ подымавшагося оттуда дыма и по свисту ядра. Звукъ уносящагося ядра болѣе всего напоминаетъ шипѣніе опущеннаго въ воду раскаленнаго металла. Какъ стихаетъ этотъ звукъ въ водѣ, такъ стихаетъ звукъ улетающаго ядра. Но эти батареи стрѣляли рѣдко. Точно также рѣдко отвѣчали имъ съ того берега непріятельскія батареи, изъ которыхъ виднѣе всѣхъ, своими желтыми валами, была батарея Канробера. Раза два-три случилось мнѣ видѣть взрывъ непріятельскихъ бомбъ не подалеку отъ нашихъ сѣверныхъ батарей, противъ кладбища и маяка. Эти взрывы были саженяхъ въ двухстахъ оттуда. Но ядра и осколки бомбъ я подымалъ не рѣдко на самой дорогѣ.

Ядра съ *Маріи* ложились въ это время около Сѣвернаго укрѣпленія, около 4-го номера, въ Сухой и Сѣверной балкѣ, и на бугрѣ, у вѣсовъ. Ядра̀ два перенеслись даже черезъ валъ Сѣвернаго укрѣпленія. Кстати скажу здѣсь, что̀ такое Сѣверное укрѣпленіе. Это была довольно обширная, старая крѣпость, съ низкимъ землянымъ валомъ, имѣвшимъ мѣстами каменный эскарпъ. Всего укрѣпленія, по мѣстности, нельзя было окинуть взглядомъ ни откуда. Войдя въ южныя ворота, со стороны 4-го номера, вы видѣли передъ собою довольно большую площадь, гдѣ направо и налѣво, тѣснились къ валу три-четыре каменные дома, похожіе на госпитальные бараки. Въ одномъ и былъ госпиталь, кроватей на сто. Въ другомъ, рядомъ съ нимъ, помѣщалась почта. Въ длинномъ баракѣ, направо отъ воротъ, содержались обыкновенно раз-

ные плѣнные до отправленія ихъ внутрь Россіи. Ихъ бывало тутъ иногда до ста человѣкъ. Налѣво, у самыхъ воротъ, стояла гауптвахта. А прямо, черезъ площадь, виднѣлась полковая церковь: продолговатая палатка съ тремя золотыми крестами. Посреди площади было разбросано десятка три солдатскихъ землянокъ. Наконецъ, вдали, въ лѣвомъ углу укрѣпленія, стоялъ каменный домъ, занятый почтовыми тюками, которые сберегалъ тотъ самый геній русской безпечности, о которомъ я уже сказалъ нѣсколько разъ. Повѣрятъ ли: ничто не пропало въ этихъ ворохахъ, и хотя поздно, но все дошло въ руки тѣхъ, кому было адресовано. Если же посылки пропадали, то не иначе, какъ вслѣдствіе неясныхъ адресовъ. Я увѣренъ, что они и донынѣ лежатъ гдѣ-нибудь въ бахчисарайской конторѣ, и дожидаются хозяина.

Часто, заѣхавъ очень рано на почту въ Сѣверное укрѣпленіе, когда чиновники еще спали, я клалъ, по совѣту сторожа, письмо и деньги на столъ, въ пустой комнатѣ, — и не было примѣра во всю кампанію, чтобы письмо, отправленное такимъ образомъ, пропало.

—

Батареѣ, называвшейся *Марія*, скоро стали помогать еще двѣ точно такого же устройства: одна за Южной бухтой, между хуторами Шебедева и Бурназова, а другая за кладбищемъ, по ту сторону 3-го бастіона, обѣ англійскія. Эти двѣ батареи стрѣляли только по бухтѣ и Сѣверной балкѣ, пуская изрѣдка ядра по Михайловской батареѣ. Не знаю, которая изъ нихъ стрѣляла по Артиллерійской слободкѣ (на Южной сторонѣ), но тамъ также падали ядра. Кажется, это *Марія*. Разстояніе отъ нея до Артиллерійской бухты было то же самое, что̀ и до насъ, то-есть 4 версты.

Но всѣ эти три батареи не причиняли почти никакого вреда, кромѣ ломанья крышъ и пробиванія палубъ, что̀ чинилось въ одну минуту. Мы такъ привыкли къ этимъ безпрестаннымъ свистамъ, что не обращали на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Иногда сидишь въ каютѣ, читаешь, или пишешь, а ядро за ядромъ шлепъ да шлепъ подлѣ фрегата. Однажды (впрочемъ только однажды) мнѣ случилось насчитать въ полчаса около 40 ядеръ. Но слѣдующіе полчаса, мо̀жетъ-быть, упало только 2 ядра. Иногда ходишь по палубѣ и слышишь этотъ визгъ и видишь кипящіе бѣлые круги по бухтѣ: это слѣды падающихъ ядеръ. Сколько разъ случалось мнѣ, переѣзжая бухту, слышать надъ со̀бою пѣніе ядра, которое тутъ же и уходило въ воду, обдавая брызгами скользившій близко яликъ. Особенно привыкли мы къ ядрамъ *Маріи*. Коварнскіе офицеры прозвали ее почему-то «Сосѣдомъ», хотя до сосѣда было слишкомъ 4 версты. «А! это сосѣдъ!» говорили они, услышавъ знакомый визгъ *Маріина* ядра. Я такъ зналъ этотъ визгъ, нѣсколько отличавшійся отъ другихъ, что онъ нерѣдко будилъ меня въ каютѣ, когда я сидѣлъ задумавшись, безъ дѣла, и кругомъ было все тихо, то-есть тихо по нашему: съ обыкновеннымъ далекимъ гуломъ севастопольскихъ батарей. Часто, ѣдучи верхомъ по горамъ, я узнавалъ выстрѣлъ съ *Маріи* середи сотенъ другихъ; невольно оборачивалъ голову въ ту сторону, — и клубъ бѣлаго дыма удостовѣрялъ меня, что я не ошибся. Я даже любилъ эти дальнобитные, дерзкіе выстрѣлы. Иногда внимательно слѣдилъ за ними, и мнѣ было скучно, если непріятель не потѣшитъ меня хоть парой такихъ выстрѣловъ, когда я ѣду въ лагерь; если я не увижу ни разу, какъ комья земли брызнутъ фонтаномъ отъ молодецкаго удара. Гулъ всегда отставалъ отъ ядра: уже летѣли комки, или раздавался въ бухтѣ всплескъ и кипѣлъ кругъ воды, — а гулъ все еще неслся по воздуху, какъ будто ядро все еще летѣло.

Впрочемъ минута на минуту не приходитъ. Иной разъ вдругъ, самъ не знаешь отчего, вообразится, что ядро, гудящее далеко, летитъ прямо въ тебя, — и невольно, какъ бы какою силой сдвигался съ мѣста. Но бо̀льшею частію мы были спокойны. Даже я не помню, чтобы гдѣ–нибудь до той поры я ощущалъ въ себѣ такое спокойствіе и такую тишину, какъ тамъ, подъ несмолкаемыми громами. Нигдѣ такъ не спорилась у меня работа, какъ въ Севастополѣ. Изъ какихъ элементовъ все это вырабатывалось, Богъ вѣсть. Душа человѣческая исполнена противоположностей. Не знаешь, гдѣ что̀ найдешь...

Съ умиленіемъ вспоминаю я это время, лучшее въ моей жизни. По истинѣ скажу, что всѣ мы, всѣ до единаго, не только тѣ, кто глядѣлъ на огонь батарей, но и тѣ, кто былъ отъ нихъ далеко, обязаны Севастополю единственными, неоцѣненными минутами, которыя посылаются рѣдко...

Мнѣ не трудно было ѣздить каждый день въ лагерь, дѣлая туда и обратно около 12-ти верстъ. Когда я пріѣзжалъ, меня каждый разъ обступали товарищи: ну что? какъ? — Я разсказывалъ что̀ зналъ. Странно только, что въ лагерѣ всякая небольшая перестрѣлка бастіоновъ казалась Богъ знаетъ чѣмъ. «Что̀ это такое у васъ было вчера?» спрашивали меня иной разъ, и я не зналъ, что̀ отвѣтить, потому-что ничего не было. Такъ издали все кажется чуднѣе и страшнѣе.

Кромѣ вѣстей я возилъ въ лагерь свѣжую рыбу, которую ловилъ мнѣ матросъ Наумовъ, вѣчно сидѣвшій на бакѣ или на ютѣ [1]), съ закинутою удочкой. Рыба ловилась отлично, несмотря на падавшія вокругъ ядра; вкуса была необыкновеннаго и носила названія, неизвѣстныя въ рѣкахъ: ласкѐрь, кефала̀, ка̀мбала, зеленчужка, бычокъ, горбыль, пѣтухъ, султанка.

---

[1]) *Бакъ* — часть палубы къ носу, *ютъ* — къ кормѣ.

Послѣдняя считалась самою вкусною и рѣдкою и называлась султанкой потому, что была похожа на Турку съ усами: это объясненіе Наумова. Были впрочемъ и рѣчныя названія: налимы, плотва, ерши, окуни. Я возилъ эту рыбу въ особенныхъ мѣшечкахъ, которыя привязывалъ къ сѣдельной лукѣ. Вся рыба засыпала, но ершей я постоянно привозилъ живыми.

Не могу не вспомнить, что къ той же сѣдельной лукѣ я часто привязывалъ свертокъ бумагъ, заключавшій въ себѣ кой-какія старыя замѣтки. Эти замѣтки соединены для меня съ лучшими воспоминаніями молодости, Москвы и друзей. Кто много думалъ надъ иными страницами, тому простительно ихъ беречь, и я сознаюсь, что берегъ этотъ единственный экземпляръ моихъ задушевныхъ скиццовъ, разъѣзжавшій со мною во всѣхъ походахъ. Когда мнѣ случалось ѣхать изъ лагеря на *Коварну* и свертокъ былъ со мною, я часто трогалъ его, или взглядывалъ, чтобы убѣдиться, тутъ ли онъ, или нѣтъ; я даже сохраняю донынѣ тотъ потершійся листъ, въ который завертывалъ эти бумаги. Въ послѣдствіи увидятъ читатели, какъ странно спасся этотъ свертокъ во время пожара *Коварны*.

Возвращался я также, какъ и прежде, часу въ 4-мъ; купался, обѣдалъ и ложился отдохнуть. Словомъ — жизнь текла по принятому порядку.

Иногда, послѣ обѣда, я ѣздилъ въ городъ не одинъ, а вмѣстѣ съ нашимъ священникомъ Веніаминомъ. Онъ познакомилъ меня еще съ тремя священниками: отцомъ Никандромъ, другимъ Веніаминомъ и отцомъ Антоніемъ. Такъ-какъ суда, на которыхъ они служили, были затоплены, то имъ и пришлось жить въ городѣ, на митрополичьемъ подворьѣ, не подалеку отъ Михайловскаго собора.

Мы заходили съ отцомъ Веніаминомъ къ нимъ на подворье и пили настоящій русскій, *самоварный* чай; на фрегатѣ не ста-

вили самоваровъ, вслѣдствіе существующаго правила, а готовили чай въ особомъ чайникѣ, на плитѣ.

Покамѣстъ улаживался чай и ставился самоваръ — а ставилъ его старый матросъ, служившій когда-то на несчастномъ фрегатѣ *Рафаилѣ* [1]), — я отправлялся въ одну знакомую мнѣ лавочку съ кренделями, помѣщавшуюся въ узенькомъ переулкѣ, въ концѣ Екатерининской улицы. Эта лавка очень долго держалась, потому ли, что была устроена въ толстой стѣнѣ, подъ слоемъ земли и камня, или потому, что хозяинъ былъ похрабрѣе другихъ, — только она держалась. Уже въ кондитерскую Йогана пожаловала бомба — и кондитерская опустѣла; одна вывѣска съ золотыми буквами торчала надъ крыльцомъ, но вмѣсто двери глядѣла черная впадина и тамъ не видно было никого [2]). Куда разлетѣлись всѣ эти пирожки, вазы и кудрявые картоны съ конфектами... Опустѣла и Томасова гостинница, пробитая ракетой. Лавки и магазины затворялись поочередно. Купцы перебирались: кто въ Николаевскую батарею, кто на базаръ, на Сѣверную, а кто уѣзжалъ и вовсе. Грустно было видѣть сборы севастопольскихъ купцовъ. На меня всегда наводили унынiе брошенныя лавки, гдѣ вчера была торговля, а толкнулся сегодня: все заперто, закрыто, окна заставлены досками, а иныя ужь и разбиты бомбами...

Судите же, какъ было пріятно, среди пустѣющихъ улицъ и домовъ, находить прежнюю, знакомую жизнь въ маленькой ла-

---

[1]) Фрегатъ Рафаилъ былъ отбитъ у насъ Турками и названъ Фазли-Аллахъ. Онъ сгорѣлъ во время Синопскаго боя, а командиръ его Али-Бей взятъ въ плѣнъ. Такъ я слышалъ.

[2]) Кондитерская Йогана показана въ Севастопольскомъ Альбомѣ на рисункѣ 25-мъ. Тамъ же, вдали, можно видѣть слѣды переулка, гдѣ находилась лавочка съ кренделями: передъ большимъ двухъ-этажнымъ домомъ съ трубой, направо, за кучей камня.

вочкѣ съ кренделями. Эта жизнь теплилась какъ свѣча въ мертвомъ сумракѣ. Какъ пріятно было отворить низенькую дверь и зазвонить привязаннымъ къ ней колокольчикомъ. Этотъ колокольчикъ будилъ смѣлую жизнь. Мрачный хозяинъ, какой-то Грекъ, довольно пожилой, сухощавый и въ добавокъ хромой, выползалъ изъ сосѣдней каморки, и ковыляя подходилъ къ покупателю. Два шкапика съ пряниками и нѣсколько связокъ обварныхъ кренделей, висѣвшихъ по разнымъ угламъ, составляли весь товаръ лавочки. Мрачный хозяинъ былъ неразговорчивъ, никогда не жаловался, но его грустный видъ, сухое, пожелтѣлое лицо высказывали достаточно простую исторію его жизни. Конечно, нужда, и только нужда, заставляла его держаться въ страшномъ мѣстѣ, гдѣ могъ онъ накинуть лишнюю копѣйку на свой грошовый товаръ. Но это именно была одна копѣйка, не болѣе. Онъ продавалъ свои крендели въ высшей степени добросовѣстно: самыя лучшія, называемыя сахарными, стоили 25 коп. фунтъ, что̀ мы платили за нихъ потомъ въ Бахчисараѣ. Пряники были по 10 копѣекъ штука: опять бахчисарайская цѣна. Вспомните только, что въ Бахчисараѣ не было никакихъ бомбъ и выстрѣловъ.

Еще довольно долго держались на Екатерининской улицѣ маленькіе столики съ сигарами, спичками и табакомъ, который насыпа̀лся всегда кучей и не былъ ничѣмъ покрытъ. Это такъ дѣлается во многихъ городахъ Крыма и Новороссіи.

Столики эти помѣщались обыкновенно на тротуарахъ, бо̀льшею частію противъ какихъ-нибудь лавокъ. Всѣхъ ихъ было по улицѣ до десяти.

Когда я возвращался къ священникамъ, мы тотчасъ садились за чай. Разговоры наши были, какъ и всѣ тогдашніе разговоры, перечнемъ дневныхъ событій и потерь. «Ну что̀ Лавровъ?» «Убитъ... Къ Аннѣ Ивановнѣ попала въ погребъ бомба!» Вотъ въ такомъ родѣ. Хлопоты о чаѣ, о розовомъ

вареньѣ, которое доставалъ гдѣ-то отецъ Антоній, служили мелкими, живыми варіяціями въ длинной похоронной аріи...

—

Май приходилъ къ концу. Пелиссье рѣшился перенести главную атаку на правый флангъ (нашъ лѣвый.) Впрочемъ, это была мысль новаго начальника инженеровъ, генерала Ніеля [1]). Малаховъ курганъ сдѣлался пунктомъ, на которомъ сосредоточивается съ этой минуты вниманіе осаждающихъ.

Но впереди его и сосѣднихъ ему бастіоновъ шла цѣлая линія нашихъ верковъ: Камчатскій люнетъ, или какъ чаще его называли, Камчатскій редутъ [2]), попросту Камчатка; вправо 6 большихъ ложементовъ, изъ которыхъ въ каждомъ могло помѣщаться отъ 40-ка до 60-ти человѣкъ. Иногда, по ночамъ, высылали въ нихъ небольшія команды матросовъ, съ двумя горными единорогами, подъ начальствомъ одного офицера, вслѣдствіе чего непріятель считалъ эти ложементы вооруженными верками. Влѣво отъ Камчатскаго редута находились редуты: Селенгинскій, Волынскій и Забалканская батарея.

Союзники рѣшились овладѣть всей этой линіей вдругъ.

Силы атакующихъ были въ то время весьма значительны. Французская армія, заключавшая въ себѣ до 80-ти тысячъ человѣкъ, получила подкрѣпленіе въ 30 тысячъ. Въ началѣ марта прибылъ Омеръ-Паша, съ 20 тысячами Турокъ [3]), а

---

[1]) Онъ прибылъ въ первый разъ въ Камышъ въ половинѣ генваря (1855) и черезъ три недѣли опять отозванъ во Францію. Но доѣхавъ до Константинополя, получилъ приказаніе воротиться снова въ Крымъ и прибылъ вторично въ Камышъ $^{11}/_{23}$ февраля, 1855.

[2]) Получилъ названіе отъ Камчатскаго полка, который строилъ этотъ редутъ.

[3]) Турки были и до этого времени, въ числѣ тысячъ около 8-ми.

въ апрѣлѣ высадились въ Камышѣ Піемонтцы, прибывая разными отрядами и составивъ наконецъ армію въ 15 тысячъ. Англійская армія имѣла тогда около 20 тысячъ человѣкъ, такъ что всего у союзниковъ подъ Савастополемъ оказалось болѣе полутораста тысячъ человѣкъ [1]).

Главнокомандующій французской арміи собралъ совѣтъ изъ генераловъ: Боске, Ніеля, Тири, Лебёфа, Бёрè, Далèма, Фроссара, Мартемпре и Трошю.

Со стороны Англичанъ были генералы: сэръ Гарри Джонсъ, Дакресъ, Эри (Airey) и полковникъ Эди (Adye).

Рѣшено было, что Французы атакуютъ редуты: Волынскій, Селенгинскій и Камчатскій [2]), а Англичане — ложементы противъ 3-го бастіона [3]).

День атаки избранъ 26 мая (7 іюня). Осталось опредѣлить часъ. Нѣкоторые предлагали вести атаку утромъ, на зарѣ, дабы наканунѣ, въ ночь, приготовить и расположить войскà, подъ прикрытіемъ темноты. Генералъ Пелиссье считалъ за лучшее напасть вечеромъ, передъ закатомъ солнца, чтобы, какъ онъ выражался, «засвѣтло подраться и тотчасъ потомъ утвердиться на занятыхъ укрѣпленіяхъ».

Это и было принято. Распоряженіе атакой предоставлено генералу Боске.

Онъ назначилъ въ дѣло 2-ю, 3-ю, 4-ю и 5-ю дивизіи 2-го корпуса, чтò составитъ около 40 тысячъ человѣкъ [4]).

25 мая (6 іюня) непріятель открылъ бомбардировку противъ лѣваго нашего фланга. Это была первая бомбардировка,

---

[1]) Составъ, какой приняли союзныя арміи со дня назначенія Пелиссье главнокомандующимъ, можно видѣть въ особоприложенномъ спискѣ.

[2]) У Французовъ: Ouvrages blancs и Mamelon Vert.

[3]) У Французовъ: Des Carrières.

[4]) Вообще численность дивизій и полковъ читатель можетъ выводить по приложенному въ концѣ списку союзныхъ армій.

которую я видѣлъ, и потому я опишу ее читателямъ, дабы познакомить ихъ со зрѣлищемъ этого рода.

25 мая, въ 4-мъ часу дня, я возвращался изъ лагеря на фрегатъ. За бухтой, по отлогимъ холмамъ Корабельной, коегдѣ, въ разныхъ пунктахъ, появлялись бѣлые, наклоненные въ одну сторону столбы дыма. Это были обыкновенные осадные и отвѣчающіе имъ выстрѣлы, которые мы привыкли видѣть всякій день и безъ которыхъ трудно было вообразить Севастопольскіе холмы. Въ Англійскихъ и Французскихъ иллюстраціяхъ иногда мастерски схватывали очертаніе нашихъ осажденныхъ горъ съ ихъ вѣчными столбами.

Я ѣхалъ и глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ гремѣли выстрѣлы. Вдругъ, по всему лѣвому флангу, открылась общая канонада. Извѣстные косвенные столбы дыму протянулись изъ конца въ конецъ, отъ Волынскаго редута до 4-го бастіона. Мѣстами они сливались въ непроницаемый туманъ, который покрывалъ все: батареи, горы, зданія, но вдругъ, тутъ же, на фонѣ этого тумана, закрутится бѣлое облако, подобно быстро-развернувшемуся парусу, и долго плыветъ густымъ, неразвѣваемымъ шаромъ. Вотъ снова одинъ дымный туманъ. Онъ собирается въ одной точкѣ, а по сторонамъ пошли опять наклоняться бѣлые и сѣрые столбы. Сверкаютъ едва замѣтные огоньки; гремятъ и перекатываются выстрѣлы, взвизгиваютъ ядра и посреди этихъ однообразныхъ взвизговъ, рокочетъ своимъ извѣстнымъ рокотомъ бомба... Ударилась, подымаетъ коричневую пыль, которая замѣтно отдѣляется отъ дыма; еще минута — и земля фонтаномъ брызжетъ вверхъ и потомъ раздается глухой взрывъ: бомба лопнула... временами слышится плескъ ядрà въ воду, или басистое пѣніе осколка. А тамъ опять перекаты обыкновенныхъ выстрѣловъ и тотъ же дымъ столбами, или въ видѣ тумана.

Наши верки сильно терпѣли отъ этого огня. Въ редуты Во-

лынскій и Селенгинскій падало отъ 10 до 15 бомбъ разомъ. Бруствера пронизывало ядрами насквозь. Эти два укрѣпленія, отнесенныя далеко въ сторону, и отрѣзанныя отъ другихъ бастіоновъ широкой балкой, смотрѣли какой-то жертвой, брошенной въ огненную пасть. Ихъ прозвали «отроками въ пещи». Никому столько не доставалось, какъ «отрокамъ». Если 1-й и 2-й бастіоны, или вообще какая-нибудь батарея лѣваго фланга усиливала огонь, то непріятель не отвѣчалъ этой батареѣ, а начиналъ громить сильнѣе «отроковъ».

На всемъ лѣвомъ флангѣ мы имѣли потери убитыми и ранеными болѣе 500 человѣкъ въ сутки. Почти половина войскъ, находившихся въ Корабельной, занята была уборкою раненыхъ, которыхъ относили, черезъ горы и овраги, въ Доковую балку, на перевязочный пунктъ, причемъ на одного раненнаго назначалось обыкновенно 4 носильщика. Разстояніе было довольно велико: около 3-хъ верстъ (считая отъ Волынскаго редута) и потому переноска раненныхъ занимала много времени. Самый исправный солдатъ едвали возвращался на свою батарею часа черезъ полтора.

Въ половинѣ слѣдующаго дня (26 мая) на трехъ редутахъ: Камчатскомъ, Волынскомъ и Селенгинскомъ, не было ни одного цѣлаго мерлона [1]). Бо̀льшая часть орудій были подбиты, или засыпаны [2]).

Войска̀ на атакуемыхъ укрѣпленіяхъ находились слѣдующія:

На редутахъ Волынскомъ и Селенгинскомъ и на Забалканской батареѣ — Муромскій полкъ (до 1,500 человѣкъ?)

---

[1]) Часть бруствера или простѣнокъ между орудіями.

[2]) Всѣхъ орудій на Волынскомъ и Селенгинскомъ редутахъ и на Забалканской батареѣ было около 40-ка, преимущественно 24-хъ фунтовыя пушки-карронады.

и морская прислуга у орудій разныхъ экипажей, преимущественно 35-го.

Начальникомъ Волынскаго редута былъ лейтенантъ Кремеръ, а Селенгинскаго лейтенантъ Скарятинъ; обоими вмѣстѣ командовалъ капитанъ-лейтенантъ Шестаковъ. Начальникомъ войскъ на всѣхъ трехъ укрѣпленіяхъ былъ генералъ-майоръ Тимофѣевъ.

На Камчатскомъ редутѣ: въ передовой траншеѣ стрѣлки 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи, а на самомъ редутѣ — 4-й батальонъ Полтавскаго пѣхотнаго полка (до 200 чел.) [1]).

Орудій на Камчатскомъ редутѣ находилось 26 (на переднемъ фасѣ 14). Начальникомъ редута былъ лейтенантъ Тимирязевъ.

Но Малаховомъ курганѣ, въ минуту атаки, находилась, по увѣренію многихъ очевидцевъ, единственно небольшая команда пластуновъ, человѣкъ 30 — 40, и кромѣ того морская прислуга у орудій, по 8 человѣкъ на орудіе. Всѣхъ орудій было около 60-ти [2]).

По тревогѣ пришелъ на курганъ одинъ батальонъ Владимірскаго пѣхотнаго полка, а другой сталъ у Рогатки [3]). Сзади кургана, у Бѣлостоцкихъ казармъ, и въ другихъ пунктахъ Корабельной, находились матросы 39-го и 44-го экипажей, человѣкъ 400.

Начальникомъ Малахова кургана былъ капитанъ 1-го ранга Юрковскій. Артиллеріей командовалъ капитанъ 1-го ранга

---

[1]) Рапортъ траншей-маіора 4-го отдѣленія, Забалканскаго пѣхотнаго полка капитана Горяинова начальнику 3-го и 4-го отдѣленія, отъ 29 мая, 1855, за № 10.

[2]) Въ такомъ положеніи, въ минуту атаки, курганъ оставался около получаса.

[3]) Рапортъ командира Владимірскаго пѣхотнаго полка полковника барона Дельвига, начальнику 3-го и 4-го отдѣленія, отъ 3 іюня, 1855, за № 1947.

Перелешинъ 1-й. Въ его же распоряженіи состояла также и артиллерія редутовъ: Камчатскаго, Селенгинскаго и Волынскаго, и Забалканской батареи.

Главнымъ начальникомъ войскъ и артиллеріи всего лѣваго фланга былъ генералъ-лейтенантъ Жабокрицкій.

Въ 12 часовъ дня, 26-го мая, онъ занемогъ, и не дождавшись прибытія генерала Хрулева, назначеннаго тотъ же часъ на его мѣсто [1]), уѣхалъ на Сѣверную.

Хрулевъ прибылъ въ Корабельную во 2-мъ половинѣ и потребовалъ диспозицію [2]), которою остался не доволенъ, и продиктовалъ другую, никакъ не ожидая, что черезъ два часа съ небольшимъ начнется атака.

Немного позже прибытія Хрулева въ Корабельную, именно въ 4-мъ часу дня, генералъ Боскѐ объѣзжалъ лагери дивизій, назначенныхъ въ бой. Потомъ, собравъ батальоны около себя въ тѣсной массѣ, сказалъ имъ краткую рѣчь.

Въ 4 часа съ половиной колонны двинулись, пользуясь углубленіями Киленбалки и Доковаго оврага [3]). Мы долго ихъ не видали.

---

[1]) Генералъ Хрулевъ командовалъ до этого времени правымъ флангомъ, куда взятъ съ лѣваго, 6 мая, по случаю ожидаемаго штурма съ той стороны.

[2]) Я не могъ достать этой диспозиціи, но какого рода заведены были тогда дробленія полковъ на лѣвомъ флангѣ, это покажетъ диспозиція съ 26-го на 27-е мая, которая уцѣлѣла:

На Камчатскій редутъ, въ траншеи: 4 роты Забалканскаго полка, 3 роты Полтавскаго и 4 роты Суздальскаго полка.

На самый редутъ: 2 роты Полтавскаго полка и 4 роты Владимірскаго полка.

На Малаховъ курганъ: 4 роты Забалканскаго полка.

Въ Доковый оврагъ: 2 роты Полтавскаго полка.

На 2-й бастіонъ: 2 роты Полтавскаго полка.

Въ резервъ: 7 ротъ Полтавскаго полка, 4 роты Владимірскаго полка, 4 роты Суздальскаго полка и стрѣлки 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи.

[3]) У Французовъ: les ravins du Carénage и de Karabelnaïa.

на мосту, а иные перебрались даже на другую сторону, подъ 1-й бастіонъ.

Въ эту минуту подполковникъ Лару-д'Орьонъ, засѣвшій въ Киленбалкѣ съ двумя батальонами 61-го и 97-го линейныхъ полковъ, явился на правомъ берегу бухты, и отрѣзалъ отступленіе нашимъ войскамъ, оставившимъ редуты, причемъ мы потеряли до 400 человѣкъ плѣнными, въ числѣ коихъ было 12 офицеровъ [1]).

Небольшія кучки Французовъ бѣгали по горѣ, подъ редутами Волынскимъ и Селенгинскимъ и заглядывали въ землянки нашихъ солдатъ, уже распоряжаясь на этой позиціи точно дома, какъ будто все было кончено, но не все еще было кончено...

Одновременно съ этой атакой, другія колонны Французовъ окружили Камчатку. Это была бригада Вимпфена, раздѣлившаяся на 3 части: справа (отъ нихъ справа) полковникъ Розъ, съ алжирскимъ стрѣлковымъ батальономъ. Слѣва полковникъ Полèсъ, съ 3-мъ зуавскимъ полкомъ; въ центрѣ полковникъ Брансьонъ, съ 50-мъ линейнымъ.

Полковникъ Розъ быстро занялъ батарею вправо отъ редута (отъ нихъ вправо). Полèсъ ударилъ слѣва; Брансьонъ пошелъ съ фронта и водрузилъ на парапетѣ знамя Франціи, но тутъ же палъ, пораженный картечью. Его именемъ названъ Камчатскій редутъ.

Мы имѣли двѣ сходящіяся траншеи, которыя соединяли Малаховъ съ Камчатскимъ редутомъ. Наши войска отступили по лѣвой траншеѣ (смотря отъ Камчатки на Малаховъ), тогда какъ Французы напирали справа, держась въ другой нашей траншеѣ, и стрѣляя оттуда изъ ружей. Впереди нашихъ былъ

---

[1]) Изъ всего Муромскаго полка (тысячи полторы человѣкъ) осталось только 17 офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ.

Нахимовъ, верхомъ, какъ водится въ сюртукѣ и въ эполетахъ [1]). Французы стрѣляли преимущественно по немъ, на самомъ короткомъ разстояніи, но часъ его еще не пробилъ. Доѣхавъ до Рогатки, Нахимовъ старался удержать людей за валомъ, но все это бѣжало, ныряя подъ руки останавливавшихъ ихъ офицеровъ. Адмиралу и бывшимъ при немъ ординарцамъ и другимъ морякамъ стоило большихъ усилій собрать нѣсколько народу и открыть съ Рогатки огонь по наступающему непріятелю, который едва-едва не прорвался въ Корабельную.

Все, что̀ я разсказалъ, было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ.

Генералъ Хрулевъ, получивъ донесеніе о нападеніи, сѣлъ на лошадь и поскакалъ къ Владимірской церкви, гдѣ стояла часть Забалканскаго полка. Онъ велѣлъ ударить тревогу, и увидавъ батарею капитана графа Тышкевича [2]), далъ ему приказаніе строиться и быть готовымъ. Въ ту же минуту послалъ поручика Охотскаго полка (нынѣ майора) Мольскаго на Южную сторону, за подкрѣпленіемъ, приказавъ вести его на редуты Волынскій и Селенгинскій, а самъ, покамѣстъ Забалканцы строились и шли къ Рогаткѣ, поскакалъ впередъ, на Малаховъ, чтобы окинуть оттуда взглядомъ все поле дѣйствія.

Наши были уже оттѣснены съ Камчатскаго редута. Трудно описать, что̀ происходило между двумя этими курганами [3]). Французы, сильно пьяные въ этотъ день, бѣжали въ разсыпную къ Малахову, мимо нашихъ, отступавшихъ къ Рогаткѣ. Все перемѣшалось. Уходя и теряя редутъ, мы хватали мно-

---

[1]) Онъ только-что пріѣхалъ осмотрѣть редутъ, и прошелся по двумъ фасамъ. Лошадь ждала его внизу, у подножія редута.

[2]) 5-я Легкая 11-й бригады. Прибыла на Корабельную 1-го мая, 1855.

[3]) Камчатскій редутъ стоялъ на курганѣ, весьма подобномъ Малахову. Разстояніе отъ башни до передоваго фаса Камчатскаго редута было 250 сажень. Отъ Рогатки было нѣсколько далѣе.

жество плѣнныхъ, между тѣмъ какъ тутъ же, въ двухъ шагахъ, брали нашихъ.

Французы, подбѣжавъ къ Малахову, прыгали въ ровъ, нисколько не думая о его глубинѣ и надѣясь вѣроятно вскарабкаться на валъ. Но это было совершенно невозможно по высотѣ и крутизнѣ вала. Пластуны съ нѣсколькими солдатами спустились въ ровъ и перекололи всѣхъ Французовъ, которые туда попали.

Въ эту минуту одна дерзкая и пьяная кучка столпилась впереди гласисной батареи Малахова кургана [1]), какъ-разъ противъ одного орудія, которое только и могло стрѣлять по этому направленію. Въ этой кучкѣ были видны два странные господина, въ свѣтлыхъ пальто и въ бѣлыхъ соломенныхъ шляпахъ. Они подошли къ деревьямъ, наваленнымъ по ту сторону рва, и наведя штуцера, высматривали, въ кого бы выстрѣлить. Въ орудіи, противъ котораго держалась кучка, торчалъ банникъ. Два матроса бросились вытаскивать этотъ банникъ, вытащить-вытащили, но тутъ же оба повалились, одинъ за другимъ, пробитые пулями. «Не умѣютъ, подлецы, заряжать!» сказалъ лейтенантъ Юрьевъ, увидѣвъ, что они упали, и, съ этими словами, схвативъ два картуза картечи, хотѣлъ послать ихъ оба разомъ, одинъ послалъ, но лишь-только сталъ посылать другой, какъ вдругъ сѣлъ на кучу картечи... думали, что онъ шутитъ; смотрятъ, а онъ ужѐ мертвъ: пуля прошла въ самое сердце. Однако зарядъ былъ посланъ; комендоръ [2]) закричалъ: пли! — И соломенныя шляпы завертѣлись...

Въ это самое время Хрулевъ, спустившись съ Малахова

---

[1]) Гласисная батарея получила имя отъ бывшаго тутъ прежде *гласиса,* когда башня еще не была разбита. Впослѣдствіи ровъ передъ гласисомъ засыпали и поставили орудія, сдѣлавъ впереди новый ровъ.

[2]) У артиллеристовъ: орудійный фейерверкеръ.

траншеей къ Рогаткѣ, повелъ впередъ пришедшихъ изъ Корабельной Забалканцевъ. Все, что̀ отступило съ Камчатки, присоединилось къ нимъ. Вслѣдъ за тѣмъ подошелъ батальонъ Суздальцевъ. Французы, тѣснившіеся къ Малахову, поспѣшно бросились назадъ, къ Камчаткѣ. Наши вошли за ними хвостомъ, и опрокинувъ державшіяся тамъ войска, достигли передовыхъ траншей и въ нихъ остановились.

Непріятель потерялъ въ этомъ отступленіи полковника Леблана и оставилъ въ нашихъ рукахъ 320 человѣкъ плѣнныхъ.

Одновременно съ этимъ движеніемъ другіе 2 батальона Забалканцевъ, батальонъ Суздальцевъ и 2 батальона Полтавскаго полка, подъ командой полковника барона Дельвига, направились влѣво отъ Камчатскаго редута.

Едва мы расположились на отбитой позиціи, какъ Хрулевъ получилъ извѣстіе, что редуты Волынскій и Селенгинскій взяты. Онъ хотѣлъ сдать кому-нибудь команду, но всѣ офицеры были перебиты или переранены. Оставался одинъ подполковникъ Венцель. Хрулевъ началъ сообщать ему приказанія, какъ вдругъ подлѣ нихъ разорвалась граната и сильно контузила Венцеля. Онъ упалъ, кровь брызнула изъ лица... Хрулевъ поручилъ командованіе войсками бывшимъ при немъ ординарцамъ, прапорщикамъ Негребецкому и Сикорскому, первому передовыя траншеи, а второму Камчатскій редутъ; самъ же поскакалъ къ Киленбалочной бухтѣ.

Это была минута, когда непріятель гналъ нашихъ черезъ мостъ, слѣдуя по ихъ пятамъ...

Уже кучки Французовъ перестрѣливались съ матросами 35-го экипажа, засѣвшими въ числѣ 95—100 человѣкъ за оборонительной стѣнкой, подъ командой лейтенанта Талаева, и больше и больше собирались у моста...

Тогда показался изъ-за 1-го бастіона подполковникъ князь

Урусовъ [1]), съ 3-мъ батальономъ Полтавскаго полка. Натискомъ своихъ солдатъ онъ продвинулъ на ту сторону столпившихся на мосту и сконфуженныхъ Муромцевъ (они стрѣляли вверхъ), перешелъ мостъ и взялъ Забалканскую батарею, имѣя въ помощь Полтавцамъ нѣсколько моряковъ и Забалканцевъ. Изъ батальона Полтавцевъ (человѣкъ 500) поднялось вверхъ только 250 человѣкъ [2]). Князь Урусовъ былъ въ рядахъ своихъ солдатъ на ворономъ конѣ и въ бѣломъ кителѣ. Онъ тихо подвигался впередъ, окруженный войсками, и ни разу не слѣзъ съ лошади. Но едвали бы онъ удержался одну минуту на отбитой батареѣ, съ горстью своихъ храбрыхъ солдатъ, если бы слѣдомъ за нимъ не подоспѣли 2 батальона Ериванцевъ, подъ командой подполковника Краевскаго. Это былъ цѣлый полкъ двухъ-батальоннаго состава, 800 человѣкъ всего. Въ 6 часовъ пополудни они были разсчитаны на Южной сторонѣ у дома Уптона [3]), на работы по второму отдѣленію [4]), и пошли на 4-й бастіонъ, какъ вдругъ были остановлены прискакавшими офицерами отъ имени начальника штаба Севастопольскаго гарнизона, и одинъ батальонъ двинутъ берегомъ къ 1-му бастіону, а другой ко 2-му, но потомъ велѣно генераломъ Хрулевымъ обоимъ батальонамъ идти на 1-й номеръ и спуститься къ Киленбалочной бухтѣ. 1-й батальонъ, зашедшій отъ Ушаковой балки берегомъ, былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, подступившаго къ 1-му бастіону и разсыпаннаго по горѣ, гдѣ находилась Забалканская батарея [5]).

---

[1]) Тотъ самый, который въ февралѣ командовалъ Греческими волонтерами.

[2]) Рапортъ Командира Полтавскаго полка подполковника князя Урусова, начальнику 3-го и 4-го отдѣленія, отъ 30-го мая, 1855, за № 810.

[3]) Нѣкоторые произносятъ Уптена.

[4]) Четвертый бастіонъ съ окружающими его батареями.

[5]) Рапортъ Командира Ериванскаго полка подполковника Краевскаго на-

Послѣ небольшой перестрѣлки, оба батальона (2-й спускался въ это время съ горы, миновавъ оборонительную казарму) соединившись, ударили на непріятеля въ штыки, опрокинули его за мостъ, прошли насквозь Забалканскую батарею и остановились на половинѣ разстоянія отъ нея до Селенгинскаго редута [1]). Ериванцы потеряли: убитыми — 20 человѣкъ нижнихъ чиновъ; раненными: 2-хъ оберъ-офицеровъ и 2-хъ нижнихъ чиновъ; контуженными: 6 нижнихъ чиновъ и безъ вѣсти пропало 21 н. ч.

Немного прежде появленія Полтавцевъ и Ериванцевъ прибыла на Бѣлостоцкую площадь батарея графа Тышкевича [2]), составлявшая единственный артиллерійскій резервъ въ 8 орудій; 6 изъ нихъ снялись съ передковъ на самой площади, саженяхъ въ трехъ стахъ за первою нашею оборонительною линіею, для встрѣчи непріятеля, если бы онъ прорвался на этомъ пунктѣ. Одинъ взводъ батареи (2 орудія) посланъ былъ Тышкевичемъ впередъ и снялся съ передковъ позади Рогатки, равняясь съ тыльною частію укрѣпленій Малахова кургана.

чальнику 3-го и 4-го отдѣленія, отъ 1-го іюня, 1855, за № 1812. Здѣсь есть небольшое противорѣчіе въ донесеніяхъ этихъ двухъ лицъ: Урусовъ говоритъ, что Французы не переходили моста, а Краевскій увѣряетъ, что перешли. О совмѣстномъ дѣйствіи ихъ противъ непріятеля изъ рапортовъ не видно. Я слѣдую замѣчанію генерала Хрулева, который говоритъ, что они не могли никакъ дѣйствовать врознь, или на большомъ промежуткѣ времени.

[1]) Гдѣ въ эту минуту былъ Урусовъ, когда Краевскій гналъ Французовъ въ штыки съ моста, — рѣшить трудно. Не имѣя покамѣстъ никакихъ другихъ свѣдѣній кромѣ этихъ рапортовъ, я оставилъ все такъ, какъ въ нихъ изложено. Не были-ли Французы, опрокинутые Краевскимъ, тѣ два батальона, которые явились послѣ съ подполковникомъ Лару-д'Орьономъ? Тогда Урусовъ могъ быть уже на горѣ.

[2]) Выше сказано, что она стояла на Владимірской площади, гдѣ увидалъ ее Хрулевъ и велѣлъ Тышкевичу быть готовымъ; а потомъ прислалъ ординарца съ приказаніемъ двинуться.

Минутъ черезъ 10 къ Тышкевичу прибѣжалъ матросъ со 2-го бастіона и объявилъ отъ имени начальника 5-го отдѣленія, что Французы спустились въ большихъ массахъ къ мосту и угрожаютъ 1-му и 2-му бастіонамъ, которые стрѣлять по нимъ не могутъ. Въ то же время прискакалъ ординарецъ отъ генерала Хрулева съ приказаніемъ двинуться къ Киленбалкѣ, и Тышкевичъ, оставя 2 орудія близь Малахова, тронулся рысью съ 6-ю орудіями черезъ Ушакову балку, сквозь проходъ въ стѣнѣ, влѣво отъ 2-го бастіона и поставивъ орудія на пространствѣ между 2-мъ бастіономъ и Лабораторной батареей, открылъ огонь по непріятельскимъ колоннамъ. Французы тотчасъ отшатнулись отъ моста и засѣли за стѣнкой водопровода, окружавшей берегъ въ нѣкоторой высотѣ отъ самаго краю. Разстоянія до нихъ отъ батареи Тышкевича было, гдѣ 200, а гдѣ 300 сажень. Онъ поражалъ ихъ картечью, до прибытія Полтавцевъ съ княземъ Урусовымъ и Эриванцевъ съ Краевскимъ. Непріятель бросился въ гору, по направленію къ Забалканской батареѣ. Тогда Тышкевичъ открылъ стрѣльбу ядрами и гранатами и прекратилъ огонь только по занятіи нами Забалканской батареи. Все дѣйствіе его продолжалось около полутора часа.

Хрулевъ, распоряжавшійся всѣми этими движеніями то на 1-мъ бастіонѣ, то у бухты на мосту, вдругъ узналъ, что Камчатскій редутъ снова занятъ непріятелемъ, и поскакалъ туда.

Французы появились тамъ въ большихъ массахъ. 2-я бригада дивизіи Каму (генералъ Вержè) двинулась изъ траншей по Доковому оврагу. Въ то же время 1-я бригада дивизіи Брюнè поспѣшила на помощь къ Вимпфену, вытѣсненному нами изъ редута и передовыхъ траншей. 2-я бригада той же дивизіи (Брюне) ударила нашимъ съ лѣваго фланга, зайдя отъ Киленбалки — и снова французскій флагъ заколыхался надъ

редутомъ. Наши отступили къ Малахову. Былъ 8-й часъ вечера. Солнце садилось. Поздно было отбивать редутъ вторично. Разсчетъ Пелиссье оказался вѣренъ.

Генералъ Хрулевъ, прибывъ на курганъ, расположилъ у Рогатки отступившіе батальоны и велѣлъ имъ открыть ружейный огонь.

Въ то время, когда все это происходило, Англичане завладѣли нашими ложементами противъ 3-го бастіона. Увидя, что Французы бросились къ Малахову, они, соревнуя имъ, пошли на 3-й бастіонъ, но были отражены картечью. Ложементы однакоже остались за ними.

Между тѣмъ поручикъ Мольскій, посланный Хрулевымъ въ началѣ дѣла за подкрѣпленіемъ, пришелъ, уже въ сумерки, съ Кременчугскимъ полкомъ, и перейдя мостъ по трупамъ нашихъ и Французовъ [1]), поднялся въ гору къ Забалканской батареѣ, и поставилъ батальоны на скатѣ развернутымъ фронтомъ. Оба батальона открыли ружейную стрѣльбу, на которую непріятель сперва отвѣчалъ, но потомъ, черезъ часъ, или около того, смолкъ совсѣмъ.

На бугрѣ, передъ редутами, стояла до утра смѣсь разныхъ полковъ, держась немного дальше Забалканской батареи и не зная, сколько непріятеля въ редутахъ. Нѣкоторые смѣльчаки прокрадывались впередъ ползкомъ и воротясь увѣряли, что «его» тамъ самая малость, и что можно бы редуты отбить. Но едвали эти показанія надо принимать серьозно: судя по огню, открытому Французами съ редутовъ въ началѣ, особенно изъза стѣнки, соединявшей оба верка, должно было полагать, что «его» тамъ вовсе не мало. Вѣроятно потому масса нашихъ, какъ говорили, не имѣла желанія двинуться впередъ. Вскорѣ приказано отступить: одной части войскъ къ оборонительной

---

[1]) Слова Мольскаго, подтверждающія донесеніе подполковника Краевскаго.

казармѣ 1-го номера, а другой спуститься на Забалканскую батарею и тамъ остаться.

По прекращеніи дѣйствія, Тышкевичъ пробылъ на позиціи часъ, пока не получилъ приказанія отвезти батарею за Бѣлостоцкую церковь.

Ночью, часу въ 11-мъ, генералъ Хрулевъ потребовалъ Тышкевича къ себѣ, на Малаховъ, и объяснилъ ему, что съ разсвѣтомъ предполагается выбивать непріятеля изъ занятыхъ имъ редутовъ, а какъ орудія тамъ конечно заклепаны, то и разчитывали употребить въ дѣло полевыя: 2 поставить на Волынскомъ и Селенгинскомъ, а 6 на Камчатскомъ. 2 орудія, по возвращеніи Тышкевича къ Бѣлостоцкой церкви, были тотчасъ отправлены имъ къ 1-му бастіону, въ распоряженіе начальника 5-го отдѣленія. Въ 5 часовъ утра все измѣнилось: главнокомандующій не приказалъ отбивать редутовъ. 2 орудія воротились съ 1-го бастіона и присоединились къ 6-ти. Черезъ 2 дни батарея передвинута за Бѣлостоцкія казармы и оставалась тамъ запряженною до 6-го іюня.

Все утро слѣдующаго дня Французы стрѣляли по Забалканской батареѣ. Бомба за бомбой ложились на бугоръ и ряды прикрытія пустѣли.

Къ вечеру 27-го велѣно было оставить и эту батарею, снявъ съ нея орудія, что̀ и было исполнено лейтенантомъ Вульфертомъ съ командой матросовъ. Онъ работалъ отъ 4-хъ часовъ по полудни до 9-ти вечера. Снято было до 7-ми орудій. Мостъ заворотили солдаты Полтавскаго полка. Къ 6-му іюня этотъ мостъ былъ уведенъ ночью на шлюпкахъ офицерами, посланными капитаномъ 1-го ранга (нынѣ контръ-адмираломъ) Бутаковымъ.

Непріятель долго не занималъ Забалканской батареи. Болѣе мѣсяца былъ пустъ этотъ лысый холмикъ. Но редуты Волын-

скій и Селенгинскій были заняты имъ немедля и валы батарей обращены къ бухтѣ.

Въ слѣдствіе чего наши корабли и другія суда, стоявшія на рейдѣ, принуждены были перемѣнить мѣста.

Корабль «Императрица Марія» сталъ подлѣ Михайловской батареи, близь той линіи, гдѣ въ послѣдствіи пролегалъ мостъ. Далѣе оттуда, по направленію къ Николаевской батареѣ, помѣстился «Храбрый». Потомъ «Великій князь Константинъ» и «Парижъ». «Чесьма» стала влѣво отъ «Маріи». Еще лѣвѣе помѣстился транспортъ «Березань». Корабль «Ягудіилъ» перешелъ сначала въ Южную бухту, но въ него тотъ же вечеръ попала бомба. Онъ передвинулся къ 4-му номеру, простоялъ тамъ около недѣли и потомъ ушелъ къ Павловской батареѣ. Налѣво отъ него (у Павловской батареи) сталъ бригъ «Эней», а еще лѣвѣе пароходъ «Владиміръ». Фрегатъ «Кулевчи» сталъ сперва подъ Павловскую батарею, но послѣ перешелъ къ Сухой балкѣ, на мѣсто «Ягудіила» и простоялъ тамъ до конца. Остальные пароходы: «Одесса», «Эльборусъ», «Крымъ», «Херсонесъ», «Бессарабія», «Громоносецъ», «Дунай», «Грозный» и «Турокъ» были въ постоянномъ движеніи. Нѣкоторые изъ нихъ занимались перевозкой разныхъ тяжестей и войскъ съ Сѣверной стороны на Южную и обратно.

Такъ какъ первая оборонительная линія между 2-мъ бастіономъ и Малаховымъ курганомъ сильно пострадала и всегда считалась слабымъ пунктомъ, а потому, еще передъ 26-мъ мая, начали говорить объ устройствѣ небольшихъ эполементовъ, по одному на каждое полевое орудіе. 27-го числа мая приступили къ работамъ. Сперва сложены наскоро дугообразные эполементы, въ 4 фута высоты, изъ каменьевъ, взятыхъ на развалинахъ ближайшихъ зданій, и даже не обсыпаны землей. За этими эполементами стала 5-я легкая батарея 11-й бригады (Тышкевичъ, 8 орудій). Почти тогда же (дня черезъ

два) потребована, для усиленія обороны, 1-я легкая батарея 16-й бригады, и поставлена на 1-й бастіонъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начали строить Парижскую батарею (6-го іюня она дѣйствовала по направленію фасовъ Парижской батареи). Къ 6-му іюня прибыла 5-я легкая 17-й бригады (8 орудій) и расположена правѣе Малахова кургана. Изъ числа этихъ трехъ батарей одна только 5-я легкая 11-й бригады имѣла лошадей. Послѣ 6-го іюня до конца осады прибывали постепенно: 6-я, 7-я и 8-я легкія 12-й бригады и 4-я легкая 17-й бригады (всѣ 8-ми-орудійнаго состава [1]).

Долго мы говорили и разсуждали о послѣдствіяхъ занятія непріятелемъ нашихъ редутовъ. Тяжело было потерять такъ много въ одинъ мигъ...

Дня черезъ два я поѣхалъ въ городъ повидаться съ Нахимовымъ.

Надо замѣтить, что около этого времени Екатерининская улица постоянно была полна солдатами, которые сидѣли и лежали на тротуарахъ, бо̀льшею частію въ однѣхъ рубашкахъ, подлѣ своихъ ружей, составленныхъ въ козлы. Они тутъ же обѣдали, ужинали, спали и играли въ карты. Офицеры ходили между ними, конечно не требуя никакого фронта. Солдатъ ломалъ и не ломалъ шапку по своему усмотрѣнію. Это была одна братская кучка храбрыхъ, всякую минуту готовыхъ лечь одинъ за другаго.

Случалось, что офицеры дѣлали на той же улицѣ разсчетъ своимъ людямъ, и тогда солдаты наряжались въ шинели, выстраивались вдоль мостовой, и кругомъ слышались странные,

---

[1]) О размѣщеніи полевыхъ орудій, какъ въ Корабельной, такъ и на Южной сторонѣ, можно прочесть въ 3-мъ № Артиллерійскаго журнала, за 1856 годъ, стран. 54 — 61. Тамъ сказано, что всѣхъ полевыхъ орудій, въ разное время, поступило въ Севастополь ровно 100.

давно забытые всъми звуки учебной команды. Часть разсчитывали, а другая часть, въ однѣхъ рубашкахъ, хлѣбала на тротуарахъ щи. Скоро и учившіеся присоединялись къ компаніи: шинели долой, и все попрежнему, раздольно и свободно, какъ нигдѣ не бывало.

Послѣ взятія редутовъ, солдатъ на Екатерининской улицѣ прибавилось еще больше. Надо знать, что это былъ дальнѣйшій, такъ сказать, второй резервъ бастіоновъ, укрытый за стѣнками домовъ, какъ въ болѣе безопасномъ мѣстѣ, нежели гдѣ нибудь подъ батареей. Однакожь било и тутъ.

Я самъ былъ свидѣтелемъ въ тотъ день одного подобнаго произшествія.

Подходя къ дому Нахимова серединой улицы, потому что тротуары были совершенно заняты солдатами и никто по нимъ не ходилъ, — я услыхалъ легкій свистъ ядра: оно летѣло изъ-за 6-го бастіона, ударило въ каменный заборъ налѣво и откатилось. Одинъ солдатъ тотчасъ его поднялъ и сталъ разглядывать. »Смотри, не граната ли!» сказалъ я ему. — Нѣтъ, холодное! — отвѣчалъ онъ, очищая съ ядра комья земли и кирпичу.

Между тѣмъ у стѣнки столпилась кучка народу.

«Что̀, не убило ли кого?»

— Солдата, ваше благородіе!

Я хотѣлъ взглянуть, но покамѣстъ протѣснился сквозь ружья и толпу, убитаго положили на носилки и понесли. Товарищи его разсказали мнѣ, что онъ сидѣлъ и ужиналъ, подлѣ самой стѣнки.

Впослѣдствіи, когда въ улицѣ стало бить несравненно сильнѣе, резервы становились за Николаевской батареей. Тамъ было ихъ послѣднее убѣжище.

Я засталъ адмирала одного, ходящаго по залѣ изъ угла въ уголъ и одѣтаго, какъ водится, въ сюртукъ и эполеты. Онъ былъ мраченъ и не разговорчивъ. На всѣ мои вопросы отвѣчалъ оффиціально и не признался, что на Камчатскомъ редутѣ былъ въ большой опасности.

III.

6-е іюня. — Павловскій мысокъ и Графская пристань. — Перемиріе для уборки тѣлъ. — Раненъ Тотлебенъ и Шварцъ. — Смерть Раглана.

—

Прошло нѣсколько дней. Не видя замѣтнаго вреда отъ занятыхъ у насъ непріятелемъ редутовъ, мы скоро успокоились опять и попрежнему, съ обычнымъ равнодушіемъ, смотрѣли на выстрѣлы батарей.

Снова холмы Севастополя представляли тотъ же видъ: вѣчно лежали на нихъ сѣрые столбы дыма. Изрѣдка взвизгивало ядро Сѣвернаго берега, и шипя и затихая, уносилось вдаль. Катерà и гички летали, какъ и всегда, взадъ и впередъ по бухтѣ. Казалось, въ Севастополѣ не произошло ничего особеннаго.

Между тѣмъ непріятель, подъ шумокъ, готовился къ новой, болѣе серьозной и рѣшительной атакѣ. Въ чаду успѣховъ все кажется легкимъ. Французы рвались на Малаховъ. Занятіе

его, а за тѣмъ и города, представлялось имъ дѣломъ не стоящимъ большихъ хлопотъ и приготовленій. Даже самъ главнокомандующій французской арміи какъ-будто раздѣлялъ мнѣніе толпы. Напрасно осторожный Ніель совѣтовалъ не спѣшить приступомъ, выставляя на видъ какъ отдаленность ихъ апрошей [1]), такъ и силу нашихъ верковъ, которые сбить совсѣмъ едвали было возможно при тѣхъ средствахъ, какими владѣли тогда союзники. Пелиссье рѣшился штурмовать Малаховъ, однакоже и онъ, при всей, повидимому, увѣренности въ успѣхѣ, старался удерживать нетерпѣніе солдатъ, откладывая приступъ къ концу іюня; какъ вдругъ, получивъ предписанія изъ Парижа, уступилъ имъ легко и назначилъ атаку въ день Ватерлооской битвы. Приготовленія пошли очень быстро. Какъ кажется, не было даже форменныхъ военныхъ совѣтовъ. По словамъ Базанкура, «все было рѣшено между тремя главнокомандующими.» Это клонилось къ тому, чтобъ обойти Боскѐ и дать случай отличиться одному гвардейскому генералу, Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели, прибывшему отъ императора Французовъ съ разными порученіями [2]).

Еслибы собрали совѣтъ, на него надо бы пригласить Боскѐ, и пригласить за тѣмъ, чтобы отправить на Черную рѣчку!

Увѣренность въ успѣхѣ допустила интригу. И знать не хотѣли, что Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели — новое лицо, незнакомое съ мѣстностью, а также и со способами веденія войны; лицо, никому неизвѣстное, чуждый, не одушевляющій звукъ, и какъ нарочно такой длинный, чтобъ его не часто произносить.

---

[1]) Само собою разумѣется, что при взятіи цѣлой линіи верковъ, траншеи осаждающаго вдругъ стали гораздо дальше отъ атакованнаго фронта. Именно онѣ отошли тогда на 280 и 300 саженъ.

[2]) Онъ прибылъ въ Камышъ $^{6}/_{18}$ мая, 1855.

$^{3}/_{15}$ іюня, Боскѐ получилъ письмо отъ Пелиссье, гдѣ говорилось о предстоящей атакѣ Малахова кургана и объ избраніи Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели командующимъ атакой; а генералу Боскѐ было предложено, сдавъ команду, отправиться на Черную рѣчку, для начальствованія надъ войсками, назначенными идти, въ случаѣ успѣха, частію на Сѣверную сторону, а частію, черезъ Мекензіеву гору, на Бахчисарай. Это послѣднее, кажется, было придумано единственно для того, чтобы удалить Боскѐ, давъ ему какъ-будто бы и важное порученіе. На самомъ же дѣлѣ Пелиссье вѣроятно и не думалъ двигать войскъ по этому направленію.

Разумѣется, Боскѐ былъ пораженъ и огорченъ этимъ извѣстіемъ [1]).

Въ тотъ же самый день Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели получилъ слѣдующія инструкціи отъ главнокомандующаго [2]):

«Въ воскресенье, $^{5}/_{17}$ іюня, открыть огонь противъ праваго фланга русскихъ укрѣпленій» [3]).

«$^{6}/_{18}$, въ понедѣльникъ рано утромъ, штурмъ Малахова, съ атакою Большаго Реданта Англичанами. Если будетъ успѣхъ, то ударить и на Мачтовый и Центральный бастіоны» [4]).

---

[1]) Le général Bosquet fut cruellement attristé de cette décision, qui l'éloignait d'un champ de bataille dont il avait depuis tant de mois étudié les moindres détails, et dirigé les attaques. Bazancourt, II. 337. Все это показываетъ, что если и были совѣты, то Боскѐ на нихъ не присутствовалъ.

[2]) Здѣсь представлено только извлеченіе, сущность этихъ инструкцій. Кому любопытно видѣть полныя, тотъ можетъ взглянуть въ Базанкура, книга II, стран. 338 — 340.

[3]) Нашъ лѣвый.

[4]) Большой Редантъ — 3-й бастіонъ. Мачтовый и Центральный бастіоны — 4-й и 5-й. Названіе Мачтоваго 4-й бастіонъ получилъ отъ флагъ-штока,

«Васъ назначаю я командующимъ атакой, а генералъ Боскѐ приметъ начальство надъ войсками на Черной рѣчкѣ, гдѣ сформированъ корпусъ Французовъ въ 25 тысячъ человѣкъ, для поддержанія операцій сардинской и турецкой армій, кои, наканунѣ штурма, двинутся къ селенію Ай-Тодоръ.»

«Войскà Черной рѣчки составятся изъ 1-й, 2-й и 4-й дивизій 2-го корпуса, и 1-й дивизіи резервнаго корпуса; изъ всей кавалеріи Морриса и д'Аллонвиля; изъ бригады Фортона и 4-хъ конныхъ батарей резерва.»

«Войскà же, назначенныя подъ ваше начальство, будутъ слѣдующія: 1-я дивизія 1-го корпуса (генералъ д'Отмаръ); 3-я дивизія 2-го корпуса (генералъ Меранъ); 5-я дивизія 2-го корпуса (генералъ Брюнѐ) и гвардейская дивизія генерала Меллинѐ.»

«Чтò до войскъ, кои будутъ подъ начальстомъ генерала де-Салля, для атаки лѣваго фланга, онѣ составятся изъ 2-й, 3-й и 4-й дивизій 1-го корпуса и 2-й дивизіи резервнаго корпуса.»

«Завтра, $^4/_{16}$ іюня, въ два часа по полудни, вы примите отъ генерала Боскѐ командованіе войсками, и помѣститесь въ главной квартирѣ 2-го корпуса.»

Получа эти инструкціи, Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели отправился ту же минуту ($^3/_{15}$ іюня, вечеромъ) къ Боскѐ и сообщилъ ему обо всемъ «comprenant, sans nul doute, говоритъ Базанкуръ, — le sentiment, qui devait être au fond du coeur du général» [1]).

который казался непріятелю похожимъ на мачту. Поваленный флагъ-штокъ можно видѣть въ Севастопольскомъ Альбомѣ, рисунокъ 37-й.

[1]) «Понимая, безъ всякого сомнѣнія, чувства, которыя таились въ глубинѣ души генерала».

На другой день онъ принялъ отъ Боскè команду и поѣхалъ по линіямъ предполагавшейся атаки, въ сопровожденіи генераловъ Фроссара и Бѐрѐ, а Боскè отправился на Ѳедюхины горы и проѣхалъ по всей арміи и войскамъ союзниковъ. Сардинцы стояли въ это время у Чо̀ргуна, а Турки занимали сосѣдніе лѣса.

5 іюня, утромъ, закурились холмы лѣваго фланга. Канонада продолжалась цѣлый день.

Въ 7 часовъ вечера собрался совѣтъ у главнокомандующаго французской арміи, изъ генераловъ: Ніеля, Тири, Бѐрѐ, Далѐма, Фроссара, Мерана, Брюнѐ, Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели и д'Отмара. Кромѣ того былъ англійскій инженеръ-генералъ сэръ Гарри Джонсъ.

Доселѣ предполагали начать атаку на разсвѣтѣ, но теперь было рѣшено начать ее въ 3 часа утра, еще до разсвѣта, чтобы непріятель не замѣтилъ движенія въ траншеяхъ.

Эта незначительная перемѣна имѣла также вліяніе на ходъ дѣла. Пришлось измѣнить многое во всемъ планѣ. Размѣщеніе войскъ въ назначенные прежде часы оказалось уже неудобнымъ. Должно было все подвинуть назадъ и это сдѣлано очень спѣшно.

Касательно сигнала рѣшили, что его подастъ самъ Пелиссье съ Ланкастерской батареи ракетой со звѣздками.

И въ этомъ, повидимому, самомъ послѣднемъ и ничтожномъ распоряженіи крылась своя доля неудачи, какъ увѣряютъ по крайней мѣрѣ всѣ Французы, писавшіе объ этомъ днѣ.

Когда смерклось, французскія дивизіи, назначенныя въ атаку противъ нашего лѣваго фланга, заняли слѣдующія мѣста:

Генералъ Меранъ спустился въ Киленбалку, расположивъ

1-ю свою бригаду впереди, для атаки 1-го бастіона [1]), а 2-ю бригаду поодаль, для атаки 2-го бастіона [2])

По требованію Мерана 1-й полкъ гвардейскихъ волтижеровъ присоединился къ нему какъ резервъ.

1-я бригада дивизіи Брюнѐ помѣстилась въ передовой траншеѣ и вправо отъ Камчатскаго редута, а другая въ задней паралели.

Генералъ д'Отмаръ, двинувшись Доковымъ оврагомъ, расположилъ одну свою бригаду въ передовой траншеѣ и влѣво отъ Камчатки, а другую въ задней паралели.

Сверхъ того за Камчатскимъ редутомъ поставлены двѣ конныя батареи, которыя, въ случаѣ успѣха, должны были скакать на занятыя войсками позиціи.

Англичане, въ числѣ двухъ дивизій, подъ командой генералъ-лейтенанта Броуна, засѣли въ передовыхъ своихъ траншеяхъ противъ 3-го бастіона и Пересыпки.

Въ то самое время, когда происходило это размѣщеніе войскъ, непріятельскіе корабли, приблизясь къ городу, открыли огонь, пуская залпами бомбы и гранаты, отъ 20-ти до 30-ти разомъ. Я помню, только-что легъ спать, какъ вдругъ былъ разбуженъ однимъ изъ этихъ залповъ. Это былъ едвали не самый страшный залпъ, какой я только слышалъ, потому-что ни прежде, ни послѣ, я никогда не просыпался отъ выстрѣловъ, даже въ послѣднюю бомбардировку. Услышавъ этотъ необычайный громъ и трескъ, я вскочилъ съ койки, наскоро одѣлся и взбѣжалъ на верхнюю палубу. Тамъ уже столпилось нѣсколько офицеровъ. Всѣ глядѣли въ сторону Севастополя, въ эту черную ночь, исчерченную огненными дугами бомбъ. Немного погодя грянулъ новый залпъ съ одного изъ непрія-

---

1) У Французовъ: Batterie de la Pointe.

2) Petit Redan.

тельскихъ кораблей — бомбы поднялись вѣеромъ и полетѣли довольно тихо въ городъ, такъ что я могъ ихъ считать и насчиталъ 22. Иныя лопались вверху, другія ложились въ улицы. Городъ загорѣлся въ пяти мѣстахъ. Болѣе всего пламя распространилось въ Артиллерійской слободкѣ, гдѣ въ одномъ мѣстѣ лежали у насъ чиненыя бомбы, и вдругъ все это стало подниматься на воздухъ съ грохотомъ и трескомъ. Говорятъ, взлетѣло бомбъ до 500-тъ. Пламя освѣщало улицы и намъ было видно толпы солдатъ, бѣгущія отъ своихъ бомбъ.

Не могу выразить, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ, грустно-безмолвно смотрѣли мы на горящій Севастополь, предоставленный произволу пламени. Такъ-какъ непріятель обыкновенно сосредоточивалъ на пожарахъ выстрѣлы многихъ батарей, то и было запрещено тушить. Люди были дороже и нужнѣе зданій, и безъ того обреченныхъ на жертву. Разумѣется, пожаровъ не тушили и на этотъ разъ. Пламя лилось свободно, но вскорѣ стало уменьшаться и тухнуть. Я до сихъ поръ не могу понять нашихъ Севастопольскихъ пожаровъ. Впослѣдствіи городъ загорался не разъ, пожаровъ не тушили, но они не распространялись и умирали сами собой.

Нечего и говорить, что въ эту минуту у насъ на батареяхъ бодрствовало все. Войскà, назначенныя на исправленіе поврежденій, находились въ самой усиленной дѣятельности. Сбитыя во время дня передовыя орудія Малахова кургана были поставлены вновь, частію Владимірцами, при помощи прислуги тѣхъ орудій, а частію смѣнившими ихъ послѣ Сѣвцами. Мерлоны были очищены. Бруствера смотрѣли свѣжо, какъбудто и не видали огня. Здѣсь кстати замѣтить однажды навсегда, что всѣ подобныя работы производились на батареяхъ съ баснословной энергіей и расторопностью. Это стоило любаго боя и приступа. Здѣсь не было и помысла объ отступленіи: люди ложились подъ выстрѣлами непріятеля, который

всегда усиливалъ огонь противъ того пункта, гдѣ замѣчалъ поврежденіе Ядра сыпались и часто срывали мерлоны вплоть до земли, а между тѣмъ стоявшіе сзади рабочіе не задумывались ни минуты смѣнять своихъ падающихъ товарищей, засыпаемыхъ землей и всякими осколками. Сколько тутъ скрылось героевъ, которыхъ именъ не будетъ знать никто...

Въ эти самые дни, когда насъ такъ громили, мнѣ случалось читать въ библіотекѣ, описанной мною выше, замѣчанія непріятелей по поводу нашихъ работъ на батареяхъ: «Русскимъ, говорили они, нельзя давать не только ночи отдыха, но даже ни одного часу. Если хотите имѣть успѣхъ, надо бомбардировать ихъ батареи самымъ усиленнымъ образомъ въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ, не умолкая ни на одну минуту, и потомъ сейчасъ идти на приступъ.»

Эти замѣчанія непріятель осуществилъ на дѣлѣ въ штурмъ 27 августа.

Воротимся на бастіоны передъ 6-мъ іюня.

Войска, составлявшія тогда прикрытіе 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій [1]), были слѣдующія:

На 3-мъ отдѣленіи стояли полки: Охотскій и Камчатскій егерскіе, Брянскій егерскій и сводный Минско-Волынскій резервный батальонъ.

На батареѣ Жерве — батальонъ Полтавскаго полка (350 ч.) [2]).

На Малаховомъ курганѣ: на переднемъ фасѣ: 3 батальона Сѣвскаго и Полтавскаго полковъ; остальные батальоны этихъ полковъ частію занимали другіе фасы, частію стояли въ бли-

---

[1]) По взятіи у насъ редутовъ 26 мая, 4-е отдѣленіе, т. е. батарея Жерве, Малаховъ курганъ, Рогатка и бастіоны 1-й и 2-й, разбито на двѣ части. Бастіоны 1-й и 2-й составили 5-е отдѣленіе.

[2]) Рапортъ батальоннаго командира, капитана Борна начальнику 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій, отъ 8 іюня, 1855, № 10.

жайшемъ резервѣ. 2 батальона Забалканскаго полка расположены были на оконечностяхъ заднихъ фасовъ [1]).

Отъ кургана влѣво до Рогатки стоялъ батальонъ Полтавскаго полка. Къ нему, по тревогѣ, подошли стрѣлки съ нарѣзными ружьями и штуцерные отъ Якутскаго и Селенгинскаго полковъ.

Отъ Рогатки до 2-го бастіона — Суздальскій полкъ, служившій, частію, ближайшимъ резервомъ 2-му бастіону.

На 2-мъ бастіонѣ 2 — 3 батальона Забалканскаго полка.

На Лабораторномъ дворѣ, по стѣнкѣ, двѣ сводныя роты Селенгинскаго полка (?) и двѣ роты того же полка въ резервѣ, въ ротныхъ колоннахъ.

На Парижской батареѣ, вплоть до 1-го бастіона, $2^1/_2$ роты Кременчугскаго полка.

Сзади, между Парижской батареей и промежуточной траншеей, стоялъ батальонъ того же полка, т. е. Кременчугскаго, въ ротныхъ колоннахъ. Другой батальонъ того же полка былъ расположенъ отъ западной стѣны оборонительной казармы до Ушаковой балки, въ ротныхъ колоннахъ къ атакѣ, дабы подать помощь направо, или налѣво, смотря по надобности.

На 1-мъ бастіонѣ — $1^1/_2$ роты Кременчугскаго полка. Въ траншеѣ, отъ 1-го бастіона до бухты — батальонъ того же полка [2]).

---

[1]) Рапортъ генералъ-майора Юферова начальнику 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій. (Ни числа, ни номера не имѣетъ).

Я слышалъ отъ Перелешина 1-го, тогдашняго начальника артиллеріи Малахова, что на нѣкоторое время появлялась на курганѣ какая-то часть Владимірскаго полка и чинила поврежденія (я упоминаю объ этомъ выше), но потомъ Владимірцы отправлены на 5-е отдѣленіе.

[2]) Свѣдѣнія о размѣщеніи войскъ на 5-мъ отдѣленіи получены мною отъ тогдашняго начальника отдѣленія, капитана 1-го ранга Перелешина 2-го,

Въ резервѣ, за стѣнками домовъ Корабельной слободки помѣщались полки: Селенгинскій (имѣвшій тогда 2-хъ батальонный составъ, всего до 1,200 ч.) съ генералъ-майоромъ Сабашинскимъ, и Якутскій, того же состава, съ генералъ-лейтенантомъ Павловымъ. Эти полки, по тревогѣ, должны были тронуться къ Бѣлостоцкой церкви.

Кромѣ того, изъ артельщиковъ, патронщиковъ и кашеваровъ формировался батальонъ у Владимірской церкви, который, по тревогѣ, также долженъ былъ идти къ Бѣлостоцкой церкви.

Орудій на лѣвомъ флангѣ было около 260-ти, а именно:

На 3-мъ отдѣленіи до 100.

На 4-мъ до 75.

На 5-мъ до 80, въ слѣдующемъ порядкѣ:

На промежуточной батареѣ, у Рогатки: 6 орудій, (бо̀льшею частію 24-хъ фунтоваго калибра).

Подлѣ 2-го бастіона, справа, мортирная батарея (до 8-ми мортиръ большаго и малаго калибра).

На 2-мъ бастіонѣ, отъ 24 до 26 орудій (18-ти, 24-хъ и 36-ти-фунтовыя и бомбическія) кромѣ того 2 единорога и 2 полевыхъ орудія на барбетахъ.

На Парижской батареѣ, еще не совсѣмъ готовой, на барбетахъ, полевая артиллерія подполковника Дементьева — 6 орудій (1-я легкая 16-й бригады).

Въ оборонительной казармѣ около 12 полупудовыхъ единороговъ.

Отъ оборонительной казармы до 1-го бастіона — 3 пушки-карронады (въ штурмъ 6 іюня не дѣйствовали, а на этомъ мѣстѣ поставлены были стрѣлки).

На 1-мъ бастіонѣ до 14-ти орудій (24-хъ и 36-ти фунтовыя).

Въ траншеѣ отъ 1-го бастіона до Киленбалки — 2 горные единорога и одна пушка-карронада 12-ти фунтоваго калибра.

Изъ всѣхъ орудій 5-го отдѣленія подбито наканунѣ штурма, днемъ, до 20-ти, но къ утру, на 6-е, все исправлено, какъ и на другихъ отдѣленіяхъ.

Всѣ приведенныя диспозиціи принадлежали начальнику лѣваго фланга генералъ-лейтенанту Хрулеву.

Нечего прибавлять, что Хрулева всѣ любили, слушались съ охотой и знали въ лицо. Это послѣднее весьма важно въ минуту боя.

Во время осады онъ командовалъ нѣсколько разъ то однимъ, то другимъ флангомъ. Его посылали туда, гдѣ предвидѣлось что-либо серьозное. Это одно есть уже его похвальный аттестатъ.

Во второмъ половинѣ ночи (съ 5-го на 6-е іюня) французскія войска были на мѣстахъ.

Меранъ послалъ своего ординарца, капитана Делоné къ Киленбалочной бухтѣ. Онъ подъѣхалъ верхомъ (?) очень смѣло, но былъ тотчасъ замѣченъ цѣпью и секретами 2-го бастіона. Въ то же самое время усмотрѣно движеніе въ непріятельскихъ траншеяхъ — и у насъ (на 5-мъ отдѣленіи) ударили тревогу. Это обстоятельство спасло Хрулева. Онъ лежалъ въ оборонительной казармѣ 1-го бастіона, на желѣзной кровати начальника отдѣленія Перелешина. Услыхавъ тревогу, Хрулевъ вскочилъ и бросился на Малаховъ, какъ самый важный пунктъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ окно казармы влетѣла бомба и легла на ту самую кровать, которую генералъ только-что оставилъ.

На Малаховомъ появленіе его также было нужно. Незадолго передъ тѣмъ пришло на курганъ приказаніе генерала Тотлебена снять сколько можно орудій съ правой стороны гласиса и, присыпавъ барбетъ, поставить полевыя. Для этого назна

чили на работу 2 батальона Забалканскаго полка, подъ командой инженеръ-поручика Ленчевскаго. Огонь непріятеля былъ очень силенъ. Оба батальона, среди ночи, разбѣжались, бросивъ работу. Ленчевскій не зналъ что̀ дѣлать и къ кому обратиться. Начальникомъ кургана былъ на ту пору одинъ весьма неспособный генералъ, смѣнившій прежняго начальника, капитана 1-го ранга Юрковскаго, раненнаго въ 11 часовъ дня (5 іюня). Къ счастію, въ эту минуту, явился Хрулевъ: Ленчевскій доложилъ ему обо всемъ. Хрулевъ отправился лично къ Бѣлостоцкой церкви, противъ которой возводили тогда насыпь для постановки полевыхъ орудій; работалъ саперный подпоручикъ Ноздреевъ съ 2-мя батальонами Сѣвскаго полка. Хрулевъ взялъ одинъ изъ нихъ и привелъ на курганъ. Забалканцевъ также собрали, и работа опять закипѣла. Къ разсвѣту были сняты 2 орудія, засыпаны ихъ амбразуры, на валгангъ подсыпанъ барбетъ и на него поставлены 2 полевыя орудія [1]), оказавшія большую пользу при штурмѣ [2]). Начальникомъ войскъ на отлѣленіи назначенъ молодой и расторопный генералъ-майоръ Юферовъ.

Въ 3 часа безъ 10 минутъ съ Камчатскаго редута поднялась особенная бомба, которая показалась Мерану сигналомъ къ атакѣ [3]). Напрасно адъютанты увѣряли его, что это не

---

[1]) Велѣно было привезти изъ города 4 полевыхъ орудія, но привезли только 2, вслѣдствіе поврежденій Южнаго моста. Привезшаго ихъ поручика все-таки приказано посадить на гауптвахту, но это замѣнено 10-ти дневнымъ пребываніемъ на курганѣ.

[2]) Впослѣдствіи на этомъ пунктѣ возведено еще 2 барбета и поставлено 2 полевыхъ орудія, которыя вмѣстѣ съ прежними 2-мя удержались тамъ до конца осады.

[3]) Bombe à trace fusante. — Такъ пишутъ Французы, но мнѣ сказывалъ Перелешинъ 1-й, что передъ штурмомъ съ Камчатскаго редута взлетѣла ракета со звѣздками, чрезвычайно красивая, которую онъ видѣлъ собственными глазами и долго на нее любовался. Въ эту минуту на 5-мъ отдѣленіи заго-

сигналъ. Меранъ сказалъ рѣшительно: «нѣтъ, это сигналъ! во всякомъ случаѣ лучше быть впереди, чѣмъ сзади!»

И онъ двинулъ свои колонны, пославъ приказаніе генералу Фальи, стоявшему нѣсколько далѣе въ балкѣ, чтобы и онъ велъ свою бригаду.

Французы бросились смѣло и лихо, но 1-й и 2-й бастіоны осыпали ихъ картечью.

Вмигъ по всему флангу загремѣли барабаны. Наши резервы строились и шли къ назначеннымъ мѣстамъ. Бухта проснулась мгновенно. Пароходы: Владиміръ, Одесса, Херсонесъ, Громоносецъ и Крымъ открыли стрѣльбу. Звонко раздавались ихъ особенные выстрѣлы, хлеща отголоскомъ по водѣ, какъ бы надъ самымъ ухомъ. Сотни, тысячи бомбъ зачертили по небу.

Легко теперь писать объ этомъ днѣ, когда все кончилось удачно. Но еслибъ знали, какъ страшно было намъ въ ту минуту за Севастополь. Недавніе успѣхи непріятеля на редутахъ поселяли въ насъ естественное опасеніе. Я помню, что послѣ 3-го, или 4-го залпа съ кораблей, я опять спустился въ каюту, раздѣлся и легъ; но едва сталъ засыпа́ть, какъ вдругъ ко мнѣ вбѣжалъ вахтенный офицеръ, съ словами: «вставайте, наступленіе!» Я одѣлся и бросился на верхъ. По дорогѣ, на кубрикѣ, я остановился невольно: вижу, какъ теперь, стоитъ матросъ на колѣняхъ передъ образомъ Спасителя нашей церкви,

---

рѣлась перестрѣлка. Обернувшись налѣво, Перелешинъ увидалъ линію огней (атака Мерана). Потомъ, какъ онъ говоритъ, минутъ черезъ 5, или немного болѣе, началась всеобщая атака. Втораго сигнала онъ не видалъ, но кажется, сигналъ этотъ дѣйствительно былъ. На сколько виноватъ Меранъ, рѣшить покамѣстъ трудно. Во всѣхъ арміяхъ, къ сожалѣнію, существуетъ неизлечимая привычка сваливать всѣ неудачи на мертвыхъ. Такъ и тутъ все свалили на Мерана, храбраго и достойнаго генерала, который палъ въ этомъ штурмѣ впереди своихъ солдатъ, пораженный въ грудь картечью. Трудно также сказать, какой существенный вредъ атакѣ принесло преждевременное движеніе Мерана, *за 5 минутъ* до движенія остальныхъ массъ, да и принесло-ли?...

чили на работу 2 батальона Забалканскаго полка, подъ командой инженеръ-поручика Ленчевскаго. Огонь непріятеля былъ очень силенъ. Оба батальона, среди ночи, разбѣжались, бросивъ работу. Ленчевскій не зналъ что̀ дѣлать и къ кому обратиться. Начальникомъ кургана былъ на ту пору одинъ весьма неспособный генералъ, смѣнившій прежняго начальника, капитана 1-го ранга Юрковскаго, раненнаго въ 11 часовъ дня (5 іюня). Къ счастію, въ эту минуту, явился Хрулевъ: Ленчевскій доложилъ ему обо всемъ. Хрулевъ отправился лично къ Бѣлостоцкой церкви, противъ которой возводили тогда насыпь для постановки полевыхъ орудій; работалъ саперный подпоручикъ Ноздреевъ съ 2-мя батальонами Сѣвскаго полка. Хрулевъ взялъ одинъ изъ нихъ и привелъ на курганъ. Забалканцевъ также собрали, и работа опять закипѣла. Къ разсвѣту были сняты 2 орудія, засыпаны ихъ амбразуры, на валгангъ подсыпанъ барбетъ и на него поставлены 2 полевыя орудія [1]), оказавшія большую пользу при штурмѣ [2]). Начальникомъ войскъ на отдѣленіи назначенъ молодой и расторопный генералъ-майоръ Юферовъ.

Въ 3 часа безъ 10 минутъ съ Камчатскаго редута поднялась особенная бомба, которая показалась Мерану сигналомъ къ атакѣ [3]). Напрасно адъютанты увѣряли его, что это не

---

[1]) Велѣно было привезти изъ города 4 полевыхъ орудія, но привезли только 2, вслѣдствіе поврежденій Южнаго моста. Привезшаго ихъ поручика все-таки приказано посадить на гауптвахту, но это замѣнено 10-ти дневнымъ пребываніемъ на курганѣ.

[2]) Впослѣдствіи на этомъ пунктѣ возведено еще 2 барбета и поставлено 2 полевыхъ орудія, которыя вмѣстѣ съ прежними 2-мя удержались тамъ до конца осады.

[3]) Bombe à trace fusante. — Такъ пишутъ Французы, но мнѣ сказывалъ Перелешинъ 1-й, что передъ штурмомъ съ Камчатскаго редута взлетѣла ракета со звѣздками, чрезвычайно красивая, которую онъ видѣлъ собственными глазами и долго на нее любовался. Въ эту минуту на 5-мъ отдѣленіи заго-

пораженъ въ голову подполковникъ Делабуссиньеръ, командовавшій всею артиллеріей 5-й дивизіи.

Меранъ также раненъ картечью въ лѣвый локоть, но онъ не оставилъ своего поста и двинулъ резервы.

Прежде всѣхъ подоспѣлъ на помощь 1-й батальонъ гвардейскихъ волтижеровъ, съ полковникомъ Будвиллемъ. Потомъ легкій 20-й, съ подполковникомъ Пользъ-д'Ивуа̀. Оба они шли впереди своихъ колоннъ, но скоро оба пали: первый пораженъ нѣсколькими пулями; второму пуля пробила лицо. Потомъ картечь ударила въ грудь самого Мерана — онъ упалъ, солдаты остановились.

Главнокомандующій узнаётъ о смерти Брюне́ и Мерана, и даетъ приказаніе Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели двинуть на помощь правому крылу четыре гвардейскихъ батальона изъ главнаго резерва.

Генералы Меллинѐ и Урикъ ведутъ свои отборные полки, но все опрокинуто и сбито... Три раза атаковалъ непріятель верки 5-го отдѣленія, но всѣ три раза отраженъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ... однако зуавы были въ 30-ти шагахъ отъ бруствера 2-го бастіона [1]).

Нѣкоторый успѣхъ на сторонѣ одного д'Отмара: 5-й стрѣлковый батальонъ (1-й бригады 1-й дивизіи 1-го корпуса), засѣвшій противъ батареи Жерве, подъ командой майора Гарнье́, выскочилъ изъ траншей и такъ быстро пробѣжалъ пространство, отдѣлявшее его отъ батареи, что она едва успѣла сдѣлать одинъ картечный залпъ. Когда грянулъ второй залпъ, Французы были уже во рву.

---

[1]) Рапортъ начальника войскъ 5-го отдѣленія, свиты Его Величества генералъ-майора князя Урусова 2-го, начальнику 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій, отъ 8 іюня, 1855, за № 89.

Гарньé получилъ двѣ раны, но не оставилъ команды. Близь него раненъ поручикъ Рожеръ, который тутъ же и умеръ. Батальонъ прорвался черезъ батарею, и занялъ домики, разсыпанные по склону Малахова кургана, вправо отъ горжи.

Наши (батальонъ Полтавскаго полка, съ прислугой отъ орудій) бѣжали ко 2-й линіи, которая едва была обозначена камушками, не болѣе какъ въ полторы четверти отъ земли. Но великое дѣло въ иномъ случаѣ проведенная черта! Она выростаетъ съ каменную стѣну, была бы только такая минута! Въ эту минуту, ни раньше, ни позже, подскакалъ къ этой стѣнкѣ нашъ славный Хрулевъ и увидѣлъ бѣгущія въ безпорядкѣ войска и растрепанныхъ матросовъ, пометавшихъ шапки. Не давъ имъ перебѣжать линіи, Хрулевъ крикнулъ: «ребята, стѣна! стой! дивизія идетъ на помощь!» — Точно какимъ вѣтромъ пахнули на нихъ эти слова: все остановилось мгновенно передъ мнимой стѣной. Хоть войскà и не видали дивизіи, но велико слово «дивизія на помощь!» сконфуженному и бѣгущему солдату и притомъ изъ устъ любимаго вождя, котораго всѣ знали въ лицо! Одинъ матросъ, бѣжавшій прытче другихъ, вдругъ обернулся, проникнутый уже совсѣмъ инымъ духомъ, и крикнулъ товарищамъ: «ну, ребята, навались!» — Навались, ребята! — повторилъ Хрулевъ, понимая всю силу этого магическаго слова, которое жгло какъ огонь. Все гаркнуло: «навались!» и повернуло назадъ, открывая стрѣльбу изъ ружей по непріятелю, бывшему передъ самымъ носомъ. Глядь, а тутъ Сѣвцы [1]) идутъ мимо съ кургана, съ лопатами въ рукахъ (ружья за спиной). «Ребята, бросай лопаты! впередъ! благодѣтели!» крикнулъ Хрулевъ — и все это ринулось. За Сѣвцами подошли отъ Бѣлостоцкой церкви [2]) двѣ роты Якутцевъ, потомъ

---

[1]) 5-я мушкатерская рота (150 ч.)

[2]) Бѣлостоцкая церковь была оттуда саженяхъ во ста.

еще двѣ, а наконецъ и батальонъ Елецкаго полка [1]). Имъ уже было легко летѣть по слѣдамъ передоваго «навались», а передовые видѣли сзади помощь, которая имъ казалась дивизіей, обѣщанной Хрулевымъ. Въ это же время подошли изъ города 5—6 батальоновъ разныхъ полковъ. Но и къ Французамъ прибыло подкрѣпленіе: 19-й линейный полкъ съ полковникомъ Манекомъ, только было уже поздно: все ломилъ несокрушимый русскій штыкъ. Мы выбили Французовъ изъ домиковъ [2]) кургана и опрокинули за ретраншаменты батареи.

Часть нашихъ войскъ гналась за непріятелемъ почти до его траншей. Съ трудомъ воротили разгоряченныхъ солдатъ. Тогда они стали рядами по всему валу батареи и открыли батальный огонь изъ ружей, между тѣмъ какъ правый задній фасъ Малахова громилъ непріятеля изъ всѣхъ своихъ орудій картечью.

Горько было Гарньѐ разставаться съ побѣдой. Онъ получилъ четыре раны, но все-таки не оставлялъ своего поста. Увидя подлѣ себя полковника Манека, онъ сказалъ: «не ударить ли намъ еще?» Полковникъ не отвѣчалъ ни слова, но молча выхватилъ саблю и бросился впередъ. Французы подбѣжали къ батареѣ и едва не вскочили на валъ. Наши опрокинули ихъ штыками. Гарньé раненъ въ 5-й разъ и уже не можетъ командовать. Манекъ принялъ отъ него батальонъ. Въ эту минуту подошли гренадеры съ капитаномъ Грамономъ и 26-й линейный полкъ, съ полковникомъ Сорбьé. Французы рѣшились ударить на батарею еще разъ, но отбиты опять и поворотили къ Малахову, гдѣ бились ихъ товарищи той же дивизіи;

---

[1]) Рапортъ графа Остенъ-Сакена главнокомандующему отъ 6-го іюня, 1855, № 176.

[2]) Мнѣ сказывали нѣкоторые, что наши солдаты, не могши выбить иныхъ стрѣлковъ изъ домиковъ, влѣзали на крыши и разбирали ихъ, поражая потомъ Французовъ сверху чѣмъ попало.

однакоже всѣ эти массы не могли держаться подъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ кургана, и обстрѣливающихъ его батарей. Генералъ Юферовъ поставилъ людей на банкеты, на траверсы и вообще на всѣ возвышенныя мѣста, откуда можно было стрѣлять сверху внизъ. Очевидцы этого огня не запомнятъ ничего подобнаго. — Французы отступили...

Англичане противъ 3-го бастіона и Пересыпки также не имѣли успѣха. Они потеряли генерала сэра Джона Кемпбеля и болѣе 30 офицеровъ.

Когда Пелиссье предложилъ имъ повторить атаку, лордъ Рагланъ не согласился.

Стало свѣтать.

Мы все стояли и смотрѣли съ фрегата. Иные влѣзли на ванты. Дымъ закрывалъ отъ насъ картину боя, но мы почему-то чувствовали, что непріятель отбитъ. Городъ и все стало глядѣть для насъ иначе. Пожары на Южной потухли. Только въ одномъ мѣстѣ еще курился дымокъ, подымавшійся тонкою струйкой. Если бы не выстрѣлы, въ воздухѣ было бы тихо; но выстрѣлы гремѣли по прежнему. Пароходъ Бессарабія ходилъ передъ нами по рейду, заглядывая въ Южную бухту и посылая оттуда бомбы за 3-й бастіонъ. Было что-то красивое и вмѣстѣ веселое въ его разгуливаньѣ по бухтамъ. Казалось, онъ шутилъ, а не дрался.

Прошло еще около часу и перестрѣлка стала затихать.

Въ это время съ Сѣверной стороны показалось подкрѣпленіе. Пріятно было глядѣть, какъ войска шли по горамъ и какъ переливались и блестѣли ихъ штыки подъ ранними лучами. Скоро солдаты столпились у Сѣверной бухты. Подошедшіе пароходы и баркасы наполнились штыками и понеслись на Южную.

Но этимъ полкамъ не довелось сразиться: едва они достигли Корабельной, какъ пальба прекратилась совсѣмъ. Свѣжій вѣтеръ разнесъ облака дыму — и мы увидѣли отступающія, разстроенныя колонны непріятелей. Главныя массы тянулись наискось отъ Малахова кургана за Канроберову батарею.

Былъ 8-й часъ. Я напился чаю и уѣхалъ въ лагерь.

Долго молчалъ весь правый флангъ осаждающихъ. Часа три «пушки его величества не говорили ни слова» [1]).

Французы не ожидали, что будутъ отбиты. Съ Малахова кургана, уже на разсвѣтѣ, видѣли войска, въ полной парадной формѣ, какъ кажется приготовленныя для того, чтобы вступить въ занятый городъ церемоніальнымъ маршемъ.

Одинъ французскій офицеръ, раненный у стѣнки, передъ батареей Жерве, въ одно время съ нашимъ, сказалъ подошедшимъ его убрать: «уберите лучше своего, а меня придутъ свои подымутъ, когда мы возьмемъ Севастополь.»

Впрочемъ, ничего неестественнаго не было въ этихъ надеждахъ. Во всякомъ бою многое зависитъ отъ минуты. Французы прорвались сквозь первую линію нашихъ укрѣпленій, и еслибы Хрулевъ не явился во̀-время у стѣнки, даже можетъ быть еслибы не эта стѣнка, — дѣло приняло бы другой оборотъ. Непріятель находился въ двухъ шагахъ отъ горжи Малахова...

Воротясь изъ лагеря, я отправился не отдыхая въ Корабельную, на тамошній перевязочный пунктъ, устроенный въ одномъ изъ морскихъ магазиновъ, подлѣ самой Южной бухты [1]).

---

[1]) Le canon de Votre Majesté a parlé! — Такъ начинаетъ маршалъ Сентъ-Арно свое донесеніе Императору Наполеону объ Алминской битвѣ.

[2]) Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 22-й, среднее зданіе изъ ряда двухъ-этажныхъ домовъ. Доски, по которымъ всходили внутрь, изображены на рисункѣ.

Идя берегомъ, мимо этихъ магазиновъ, я увидѣлъ противъ нихъ, въ бухтѣ, большой ботъ, наполненный Французами. Это были тѣ, которые приползли сами, но уборки тѣлъ и раненныхъ еще не происходило. Всѣхъ на ботѣ было человѣкъ 50. Бо̀льшая часть лежала навзничь, на тюфякахъ, прикрываясь своею кровавою одеждой. Двое-трое, по легкости ранъ, могли сидѣть. Часто слышались оттуда крики: de l'eau! de l'eau! — Ихъ требованію сейчасъ удовлетворяли, подавая воду въ жестяныхъ кружкахъ. Это исполнялось иногда сестрами милосердія. Одинъ молодой артиллеристъ, съ выразительнымъ загорѣлымъ лицомъ, сидѣлъ, подпершись рукою, и плакалъ, отирая слезы платкомъ, но такъ незамѣтно, какъ-будто отиралъ лицо. Между раненными было нѣсколько Турокъ и Арабовъ.

Поминутно являлись носилки за носилками, раздавались стоны; ботъ наполнялся больше и больше. Гранитныя плиты набережной были улиты кровью... когда проносили одного молодаго солдата, я замѣтилъ у него на рукѣ, ниже локтя, нѣжное изображеніе любви: два сердца, пронзенныя стрѣлой; сверху — летящій амуръ и пара цѣлующихся голубковъ. Все это окружалось лавровымъ вѣнкомъ. Какихъ хлопотъ стоилъ такой сложный рисунокъ, сдѣланный накалываньемъ и затертый порохомъ!

Когда ботъ отплылъ на Сѣверную, я вошелъ въ перевязочную палату, огромную комнату, полную раненными Французами и Русскими. Кому достало тюфяковъ, тотъ лежалъ на тюфякѣ; а кто и на голомъ полу, улитомъ кровью. — Три священника, въ разныхъ мѣстахъ залы, напутствовали отходящихъ въ жизнь вѣчную. Фельдшера̀ и служители, солдаты и матросы, бѣгали и суетились. Во всей залѣ было необычайное движеніе, крики, споры, крѣпкія слова, но среди всего этого гаму слышалось иногда тихое, предсмертное хрипѣніе, которое невольно пронизывало слухъ и залегало въ душу вся-

кого, сколько-нибудь не огрубѣвшаго въ Севастопольскомъ воздухѣ...

Вотъ принесли солдата съ оторванной вплоть до живота ногой. Клочья тѣла висѣли какъ тряпки. «Ну, этого нечего!» замѣчаютъ доктора: «говори, чего ты хочешь: воды, вина, водки?» но онъ не слыхалъ и отходилъ.

Противъ большихъ, открытыхъ настежь дверей, стояла кровать, на которой ампутировали и которая ни минуты не была пустая.

За порядкомъ въ залѣ наблюдалъ краснощекій, бравый офицеръ, имѣвшій странную фамилію: *Воробейчикъ*. Но это былъ совсѣмъ не воробейчикъ. Нельзя было не одушевиться, взглянувъ на его здоровую, спокойную физіономію, — рѣшительную противоположность блѣднымъ лицамъ смерти, которыя смотрѣли изо всѣхъ угловъ залы. Воробейчикъ былъ когда-то первымъ кларнетистомъ въ Москвѣ, и потому зналъ хорошо музыку, и въ Севастополѣ, среди постоянныхъ заботъ и поминутно тревожимый бомбами и ракетами (одна ударила въ сосѣднюю съ нимъ комнату, и выперла къ нему кирпичи надъ самою его постелью) — онъ вспомнилъ старину иуладилъ оркестръ музыкантовъ, которые въ послѣдствіи дали концертъ въ пользу раненныхъ, тамъ же, на Павловскомъ мыскѣ, подъ бомбами и гранатами.

Я спросилъ у Воробейчика о числѣ русскихъ раненныхъ, принесенныхъ въ тотъ день на его перевязочный пунктъ.

«Покамѣстъ 700, отвѣчалъ онъ (это былъ 5-й часъ дня) а вчера объ эту пору было за 1000.»

— А не слыхали ли, сколько потери у Французовъ?

«Говорятъ, до 12-ти тысячъ. Въ числѣ раненныхъ 3 генерала и около 200 штабъ и оберъ-офицеровъ. Раненъ племян-

никъ Пелиссье: я самъ отправлялъ его на Сѣверную. У Англичанъ ранено 2 генерала и 36 офицеровъ [1]).

Съ Павловскаго мыска я отправился на Графскую пристань, прямо въ домъ Собранія, гдѣ былъ главный перевязочный пунктъ.

Тѣ-же страшныя картины, стоны и кровь.

« Сколько раненыхъ? »

— За 200.

Я воротился на Коварну, уже довольно поздно, и крѣпко заснулъ, утомленный впечатлѣніями дня, но въ 12 часовъ ночи (съ 6-го на 7-е) меня разбудили: « опять наступленіе! » Я одѣлся и вышелъ на палубу, но смотрѣлъ какъ-то лѣниво и безъ всякого страха. Ночь была очень темна. Батареи гремѣли также, какъ и наканунѣ. Наши пароходы посылали бомбы черезъ Малаховъ и 3-й номеръ. На курганѣ опять пылалъ фалшфейеръ. Но все это продолжалось не болѣе двухъ часовъ. Мы зѣвали какъ въ скучномъ и много разъ виданномъ спектаклѣ и прежде окончанія легли спать.

Говорили послѣ, что это былъ вовсе не приступъ, а только встрѣча цѣпи съ цѣпью, одна фальшивая тревога.

Въ 8 часовъ я былъ уже въ лагерѣ. Въ 10 служили благодарственный молебенъ. Инкерманъ и Севастополь подняли голову и вздохнули свободнѣе. Къ торжеству побѣды присоединилось прибытіе первыхъ десяти батальоновъ тѣхъ дивизій, которыхъ мы ждали съ часу на часъ [2]). Полки проходили

---

[1]) Я повторяю его слова, чтобы показать, какъ тогда говорили. По оффиціальнымъ извѣстіямъ Французовъ, они потеряли въ этотъ штурмъ: убитыми и пропавшими безъ вѣсти: 54 офицера и 1544 нижнихъ чина. Раненными: 96 офицеровъ и 1644 нижнихъ чина. Это уже слишкомъ уменьшено. Какъ полагаемъ мы теперь, союзники потеряли въ этотъ день тысячъ 8.

[2]) 4-й и 5-й.

мимо нашего лагеря съ пѣснями. Мы тотчасъ узнали дорогихъ гостей по ихъ *чорнымъ* фуражкамъ, тогда-какъ у насъ были бѣлыя, въ предохраненіе отъ жару. Тутъ же вышелъ приказъ ходить безъ галстуковъ и не застегивать крючковъ у шинели. Это послѣднее дѣйствительно облегчало солдатъ «а что насчетъ шапокъ, говорили они: это намъ все одно, что чорныя, что бѣлыя.»

Въ тотъ-же день, передъ вечеромъ, было перемиріе для уборки тѣлъ. Я отправился въ Корабельную. Площадь передъ Малаховымъ курганомъ и поле за Рогаткой были усѣяны ядрами и осколками. Кромѣ того попадалось подъ ноги столько камней, что невольно задавался вопросъ: какимъ образомъ здѣсь ходили, бѣгали и сражались? Кое-гдѣ, между камнями и осколками, валялись французскія фуражки разныхъ цвѣтовъ: синія, красныя и желтыя. Одинъ изъ переговорныхъ пунктовъ (куда я попалъ,) былъ за Рогаткой, саженяхъ во ста отъ валу, между цѣпью нашихъ и французскихъ солдатъ [1]). Наши, оставивъ ружья сзади, шагахъ въ 30-ти, стояли безъ всего. Французы имѣли въ рукахъ небольшія палки. Между цѣпями было сажень 15; отъ солдата до солдата въ цѣпи шаговъ 10. Надо признаться, сѣрò глядѣла наша матушка-Русь, какъ бы напоминая своей одеждой туманное пебо сѣвера. Французы пестрѣли какъ цвѣты, въ своихъ алыхъ брюкахъ и синихъ мундирахъ [2]). Обѣ цѣпи стояли неподвижно, не соединяясь, но къ

---

[1]) Всѣхъ переговорныхъ пунктовъ было три: противъ 2-го бастіона, за Рогаткой и противъ 3-го бастіона.

[2]) Я слышалъ, что красное сукно во французской арміи введено вслѣдствіе дешевизны этого цвѣта. «Чтò до сюртуковъ и шинелей, „замѣтилъ мнѣ одинъ французскій полковникъ: мы понимаемъ достоинство сѣраго цвѣта, но его у насъ, въ арміи, никто не надѣнетъ съ тѣхъ поръ, какъ надѣлъ сѣрый сюртукъ одинъ человѣкъ. Онъ былъ единственный во многомъ, пусть и въ этомъ будетъ единственный».

той и другой безпрестанно подходили кучки солдатъ съ обѣихъ сторонъ и вступали въ разговоръ. Извѣстно, что простой человѣкъ всегда находитъ способъ объясниться съ другимъ, не знающимъ его языка, и даже будетъ говорить очень долго и весело. Я не рѣшался приближаться къ этимъ кучкамъ, чтобы не помѣшать ихъ живымъ бесѣдамъ. Замѣчу, что солдаты сходились только вдали, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ переговорнаго пункта, а на немъ никакихъ разговоровъ быть не могло, по причинѣ присутствія начальниковъ. Но толпы любопытныхъ все-таки сходились и осматривали другъ-друга. Французы были мрачны. Изъ ихъ офицеровъ не явилось на этомъ пунктѣ ни одного, кромѣ траншей-майора, который подъѣхалъ, кажется, больше для порядку. Онъ постоянно отзывалъ своихъ назадъ, но они все-таки подходили. Странно это любопытство — глядѣть другъ на друга, только потому, что розно одѣты, розно говорятъ, и что вотъ пришелъ такой мудреный часъ, во время войны, когда можно сойдясь не драться... Увидѣвъ кого-то въ блузѣ, траншей-майоръ сказалъ: «это что̀ за блуза? Поди и одѣнься: такъ нельзя сюда ходить!»

Траншей-майоръ былъ обыкновенный армейскій офицеръ. Въ его одеждѣ замѣчалась смѣсь блеску съ грязью: новый, сіяющій мундиръ, превосходные башмаки — и довольно потертыя брюки. Отличная фуражка, съ яркимъ позументомъ — и ни на что не похожій галстукъ, повязанный жгутомъ. Лошадь подъ нимъ была прекрасная, арабская, караковой масти. Сидѣлъ онъ по своему, по французски: ноги далеко впередъ. Въ рукахъ у него была сучковатая палка.

Съ нашей стороны явилось на перемиріе нѣсколько офицеровъ и даже три генерала. Проѣхалъ по линіи Хрулевъ, въ своей черкесской шапкѣ, и со своимъ знаменитымъ ординар-

цемъ, матросомъ Цурикомъ [1]). Французы указывали на Хрулева, какъ на знакомаго имъ человѣка. Говорятъ, за ихъ цѣпью, показался въ одномъ мѣстѣ какой-то генералъ, чтобы взглянуть на героя 6-го іюня.

Между тѣмъ какъ мы толпились у переговорнаго пункта,— убитыхъ Французовъ свозили въ фурштатскихъ телегахъ, запряженныхъ, какъ и всегда, тройкой, и складывали за назначенной чертой, у подножія Камчатскаго редута, который возвышался саженяхъ въ полутораста передъ нами, и на немъ сидѣли и бродили Французы. Странно было глядѣть на этотъ темный, взрытый ядрами холмъ, еще недавно бывшій въ нашихъ рукахъ...

Убитыхъ принимали отъ насъ зуавы, клали на носилки и скрывались съ ними за редутомъ. Мы привезли болѣе шести полуфурковъ на этотъ пунктъ. Кто-то изъ Французовъ по привозѣ послѣдняго полуфурка, сказалъ, махнувъ рукой: «ну, ужь будетъ!» Его какъ-будто послушали и больше не возили.

Я слыхалъ, что между убитыми Французами находили иныхъ съ завязанными глазами, но не плотно, а такъ, чтобы, идя, можно было видѣть только ноги и ничего не видать передъ собою. Кто ходилъ противъ картечнаго огня, тотъ знаетъ, какъ это страшно и скорѣе другаго пойметъ, отъ чего тутъ, пожалуй, завяжешь глаза. Другаго объясненія этой повязки я не могу придумать. Однакожь наши ходятъ безъ повязокъ...

Разсказывали, что противъ 3-го бастіона, гдѣ непріятельская цѣпь состояла изъ Англичанъ, случилось одно забавное происшествіе. Нашъ солдатъ добылъ во время боя англійскій штуцеръ, но безъ штыка, и хотѣлъ пріискать къ нему штыкъ,

---

[1]) Портретъ генерала Хрулева въ Художественномъ Листкѣ, 1855, № 21. — Портретъ боцмана 44-го флотскаго экипажа, Цурика, въ Художественномъ Листкѣ, 1857, № 17.

чтобы выгоднѣе продать штуцеръ. Онъ прибѣгнулъ къ самому простому способу: на перемиріи, когда кучки Англичанъ стали приближаться къ нашимъ и зѣвать другъ на друга, — солдатъ подошелъ къ одному, вынулъ у него спокойно штыкъ изъ-подъ сумки, надѣлъ на штуцеръ и пошелъ прочь, какъ ни въ чемъ не бывалъ. Англичанинъ, конечно, вступился за свою собственность, поднялъ шумъ, но солдатъ увѣрялъ, что этотъ штыкъ принадлежитъ ему, потому-что «видишь, надѣтъ на штуцеръ, а ты не зѣвай!» Тѣмъ дѣло и кончилось.

Не задолго до сумерекъ, цѣпи, какъ наша, такъ и непріятельская, сняты, и бѣлый парламентерскій флагъ опущенъ. Выстрѣлы загремѣли снова.

Уходя съ перемирія, я остановился не надолго у Рогатки и купилъ три французскихъ ружья, по полтиннику за штуку. Штуцеровъ не могъ добиться: ихъ велѣно было доставлять въ Штабъ, гдѣ выдавали солдатамъ по 5-ти цѣлковыхъ за штуцеръ. Разумѣется, съ офицеровъ они брали несравненно больше, и продавали имъ штуцера́ тайкомъ, по ночамъ, или днемъ черезъ казаковъ, которые всюду явятся живо на подобныя услуги. Цѣны штуцерамъ существовали разныя (отъ 3-хъ до 20-ти рублей); это зависѣло отъ того, какихъ больше взято, кого побили. Послѣ дѣла съ 11-го на 12-е февраля легко было доставать «французское» оружіе; въ послѣдній штурмъ подешевѣли штуцера «Англичанъ». Французскіе офицерскіе штуцера были всегда не дешевы, держась между 30-ю и 50-тью рублями.

Я привожу среднія цѣны, въ послѣднюю половину осады. Въ началѣ, при первыхъ стычкахъ съ непріятелемъ, всякое оружіе было ни почемъ и никто его не бралъ.

Странное дѣло: трудно было купить патронную сумку. Солдаты оставляли эти сумки про себя, говоря, что онѣ способнѣе нашихъ.

Французскія манерки, довольно красивыя, обшитыя сукномъ, продавались отъ 10-ти до 20-ти копѣекъ.

Между тѣмъ, по отбитіи штурма, рѣшено соединить эполементы (о которыхъ сказано выше и за которыми дѣйствовала батарея графа Тышкевича) и устроить самостоятельную ограду, возвысивъ профили, присыпавъ валгангъ и насыпавъ снаружи земли. Работа производилась денно и нощно, подъ огнемъ непріятеля, солдатами пѣхотными и артиллеристами, и дней черезъ 10 образовалась позади 1-й линіи довольно сильная 2-я оборонительная стѣна.

Впослѣдствіи, на лѣвомъ флангѣ этой 2-й стѣны, стала строиться, близъ 2-го бастіона, дугообразная батарея, названная Генриховой, и на ней поставлено 6 крѣпостныхъ орудій; а самая стѣна протянута внизъ, по лѣвому берегу Ушаковой балки, почти до самой бухты. То же самое и почти въ одно время сдѣлано было и по правую сторону Малахова кургана, гдѣ проведена стѣнка отъ горжи до Александровскихъ казармъ.

8-го іюня бомбардировка прекратилась. Два дни было тихо, почти ни выстрѣла, а потомъ стали стрѣлять, какъ стрѣляли обыкновенно.

10-го числа раненъ Тотлебенъ, на батареѣ Жерве, пулею въ ногу, на вылетъ, безъ поврежденія кости. Также раненъ, при разрывѣ гранаты, камнемъ въ ухо, заколдованный Шварцъ, на редутѣ своего имени. Его мѣсто занялъ Ханжоглу.

Вѣсть о ранѣ Тотлебена разнеслась тотчасъ повсюду [1]).

Упоминая объ этомъ славномъ генералѣ, я не могу не вспомнить о его товарищѣ въ первыхъ работахъ по укрѣпленію Севастополя, капитанѣ Фолькмутѣ, который также возвелъ въ свою очередь нѣсколько батарей, но былъ раненъ въ руку штуцерной пулей, 16 октября 1854 года, — и скрылся.

---

[1]) Портретъ Тотлебена въ Художественномъ Листкѣ, 1857, № 22.

Какая грустная судьба: сойдти съ поприща въ самомъ началѣ небывалаго движенія и видѣть съ болѣзненнаго одра, какъ другіе несутся впередъ и ихъ имена повторяются повсюду.

Мы долго были веселы. Іюньскіе дни можно считать лучшими нашими днями во всю осаду. Казалось, мы отбили всѣ будущіе штурмы. Явилась неизбѣжная человѣческая самоувѣренность, особенно, когда мы увидѣли новыя массы прибывающихъ и прибывающихъ штыковъ. Словомъ, съ нами было то же самое, что̀ было незадолго передъ тѣмъ съ Французами.

Въ половинѣ мѣсяца, о которомъ я разсказываю, а именнно $^{16}/_{28}$ іюня, въ 9-мъ часу вечера, скончался главнокомандующій англійской арміи, лордъ Рагланъ.

Гробъ его, покрытый національнымъ флагомъ, былъ отвезенъ на пристань, въ Камышъ, на 8-ми артиллерійскихъ лошадяхъ. Съ 4-хъ угловъ катафалка ѣхали четыре главнокомандующихъ, съ ихъ штабами. Процессія тянулась между двумя рядами войскъ, сначала англійскихъ, потомъ французскихъ. Народный гимнъ: «God save the Queen», провожалъ останки стараго полководца до берега.

Главнокомандующимъ англійской арміи назначенъ генералъ Симпсонъ.

IV.

Матросъ Кошка. — Николай Пищенко. — Мнимые шпіоны. — Тогдашній Малаховъ курганъ. — Аполлонова балка. — Гаврила Гамбургъ. — Нахимовъ раненъ. — Смерть и погребеніе Нахимова. — Краткій очеркъ его характера.

—

Въ послѣднихъ числахъ іюня мнѣ случилось познакомиться съ командующимъ корабля «Ягудіилъ», гдѣ находился тогда извѣстный Кошка, взятый съ бастіона вслѣдствіе неумѣренныхъ кутежей.

Однажды отобѣдавъ на кораблѣ, я просилъ командира устроить мнѣ свиданіе съ этимъ матросомъ-авантюристомъ. Меня оставили одного въ капитанской каютѣ и послали Кошку.

Ко мнѣ вошелъ, широко шагая, матросъ, средняго роста, сухощавый, но крѣпкій, съ выразительнымъ скуластымъ лицемъ. На немъ была черная куртка, съ галунами; бѣлыя брю-

ки; на шеѣ свистокъ [1]); въ петлицѣ георгій. Онъ едва замѣтно присѣдалъ на одну ногу, пораненную, или ушибенную, ужь я не знаю.

«Прежде всего дай мнѣ тебя срисовать!» сказалъ я ему.

— Извольте!

«Надѣнь шапку!»

Онъ живо надѣлъ шапку, по своему, немного на затылокъ, и сталъ въ требуемую позу, но черезъ минуту задремалъ: глаза закрывались и голова безпрестанно перемѣняла положеніе.

«Ты вѣроятно хочешь водки?» спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, я водки не стану, мнѣ не велятъ!

«Ну, полно!»

Я кликнулъ баталёра [2]) и велѣлъ дать водки. Принесли цѣлый графинъ и ломоть хлѣба на закуску, но Кошка отказался рѣшительно.

«Вы спросите у капитана: коли позволитъ, я выпью!» сказалъ онъ.

Я пошелъ къ капитану: онъ разрѣшилъ одну рюмку; Кошка выпилъ и сдѣлался бодрѣе.

Я срисовалъ его во весь ростъ и потомъ просилъ разсказать мнѣ всѣ его похожденія.

Онъ сталъ разсказывать также просто, какъ выпилъ водки, одушевляясь болѣе и болѣе, и подъ-конецъ прибѣгнулъ къ разнымъ движеніямъ: нагибался къ землѣ, и показывалъ, какъ ползъ; бралъ и толкалъ стулъ, какъ бы толкалъ камень, о которомъ шла рѣчь. Говорилъ полу-русскимъ, полу-малороссійскимъ языкомъ, но болѣе сбивалъ на русскій.

---

[1]) Кошка былъ унтеръ-офицеръ и потому носилъ свистокъ, которымъ сзывается команда и подаются разные сигналы.

[2]) Нестроевой унтеръ-офицеръ, у котораго на рукахъ вся провизія судна.

Я записалъ его похожденія. Они начались случайно, какъ и многое, дающее потомъ извѣстность.

Кошка въ началѣ осады находился въ штуцерныхъ, на 3-мъ бастіонѣ.

Мѣсяца за полтора до новаго (1855) года, когда еще никто изъ бастіонныхъ путемъ не видалъ непріятеля, Кошка, съ 18-ю охотниками изъ матросовъ своего экипажа (30-го) и солдатъ Московскаго полка, вздумалъ отправиться посмотрѣть, что̀ дѣлаетъ непріятель на Зеленой Горкѣ [1]). Времена были не тѣ, что̀ подъ-конецъ: гуляй сколько хочешь. Охотники прошли внѣ выстрѣла мимо 3-хъ-орудійной Англійской батареи, достигли до хутора Бурназова, и за тѣмъ, на одномъ изъ дальнѣйшихъ хуторовъ, Кошка влѣзъ на дерево и сталъ смотрѣть на какихъ-то работавшихъ въ полѣ. «Вѣрно кто-нибудь съ хутора!» подумалъ онъ, какъ вообще думаетъ русскій человѣкъ, рѣшающій всякія задачи сразу, безъ дальнихъ размышленій; а того и въ голову не пришло, что эти мѣста уже давно брошены нашими и заняты непріятелемъ, который поставилъ одну изъ своихъ батарей гораздо ближе къ бастіонамъ, чѣмъ хутора̀. Кошка только-что прошелъ мимо этой батареи — и все это вдругъ забылъ.

Рабочіе, замѣченные имъ, были Англичане. Они тотчасъ увидѣли нашихъ, схватили ружья и дали залпъ. Одна пуля оторвала у Кошки подборъ сапога. Онъ соскочилъ съ дерева и бросился съ товарищами бѣжать. Непріятель, въ числѣ 40 человѣкъ, преслѣдовалъ ихъ версты полторы, вплоть до 4-го бастіона, откуда ударили по немъ картечью, и положили троихъ. У насъ убитъ во время преслѣдованія только одинъ солдатъ Московскаго полка.

---

[1]) Возвышенность за Пересыпкой, между Лабораторной и Сарандинакиной балкой.

Первая штука прошла удачно. Кошку стало тянуть на другую прогулку въ томъ-же родѣ. Скучно лежать въ секретѣ, или торчать на бастіонѣ, не видя никого, и почти не слыша выстрѣловъ.

Замѣтивъ однажды, что непріятельскіе рабочіе, которые вели передъ 3-мъ бастіономъ траншеи, уходятъ обыкновенно въ обѣдъ на батарею, отстоявшую оттуда довольно далеко, Кошка (это было недѣли за двѣ до Новаго года) забрался въ ихъ траншею и унесъ изъ нея 12 лопатокъ, 4 кирки и 4 ножа.

Спустя немного времени, онъ отправился въ траншею опять, безъ всякой осторожности, прямо, и былъ, конечно, замѣченъ. Человѣкъ 50 Англичанъ отдѣлилось съ батареи и съ ними небольшая собачка съ мѣднымъ ошейникомъ. Они бросились къ траншеѣ, но уже нашъ лихачъ ползъ обратно, къ своимъ, и добравшись до передовой траншеи, скомандовалъ сидѣвшимъ тамъ штуцернымъ дать залпъ, они дали залпъ и убили четырехъ Англичанъ и собачку. Непріятель спустился въ траншею. Наши выскочили и хотѣли его оттуда выбить штыками, но это не удалось. Мы потеряли при этой стычкѣ 3-хъ человѣкъ убитыми и одного раненнаго.

На самый Новый годъ была назначена съ 3-го бастіона вылазка изъ охотниковъ Волынскаго, Охотскаго и Колыванскаго полковъ и кромѣ того изъ роты матросовъ, всего до тысячи человѣкъ [1]. Намѣреніе наше было завладѣть передовою траншеею Англичанъ. Кошка, разумѣется, не могъ не увязаться

---

[1]) Мнѣ не удалось повѣрить всѣ эти вылазки и числа другими разсказами. Передаю точь-въ-точь, какъ разсказывалъ Кошка, и не знаю, можно-ли довѣрить всѣмъ его разсказамъ вполнѣ. Подозрительно то, что онъ дѣлалъ большія ошибки въ разстояніяхъ. Во всякомъ случаѣ, о многихъ изъ его похожденій не у кого больше спросить, какъ у него-же.

тутъ же. Мы обошли траншею съ двухъ сторонъ и вогнали непріятеля въ середину, гдѣ было глубже и выскочить нельзя. Наши стали колоть сверху, но штыкъ не доставалъ, и потому начали бросать каменьями. Непріятелей оказалось человѣкъ 200. Изъ нихъ убито 12, а остальные взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ два офицера, одинъ безъ руки. У насъ-же убитъ всего одинъ солдатъ и не поднятъ по причинѣ темноты и свалки.

На 4-й день послѣ этого, въ 12-мъ часу дня, Кошка былъ посланъ изъ секрета, поручикомъ Московскаго полка Голубевымъ, за обѣдомъ, въ Александровскія казармы, до которыхъ было оттуда версты полторы.

Кошку понесло садами Дьяковскаго заведенія и на дорогѣ взбрело ему на мысли посмотрѣть, чтó дѣлаетъ Англичанинъ въ своей траншеѣ. Кошка повернулъ въ бокъ и подойдя довольно близко къ непріятелю, увидѣлъ стоящаго человѣка и принялъ его сперва за Англичанина, но потомъ разсмотрѣлъ, что это былъ убитый за четыре дни его товарищъ, въ вылазкѣ на Новый годъ. Онъ стоялъ съ растопыренными врозь руками и былъ подпертъ камнемъ. Кошкѣ захотѣлось избавить тѣло товарища отъ поруганія и принести на бастіонъ; но за нимъ уже давно слѣдили и отъ насъ, и отъ Англичанъ. Едва онъ двинулся къ убитому, наши, думая, что онъ намѣренъ передаться, стали стрѣлять. Англичане, думая тоже, разумѣется, не стрѣляли. Кошка остановился, снялъ шапку и сталъ махать своимъ, говоря: «не бось-то не уйду!» [1]) хоть его, по дальности разстоянія, никто не слыхалъ. Наши продолжали стрѣлять. Тогда онъ воткнулъ свой штуцеръ въ землю штыкомъ, снялъ шинель и повѣсилъ ее на штуцеръ, а также и

[1]) Все разговорное я оставилъ безъ малѣйшей перемѣны, какъ было сказано имъ.

фуражку, говоря про себя: «не вѣрите мнѣ, такъ повѣрьте шинели!» (какъ это все просто и по-русски!) А самъ поползъ къ убитому, подползъ и оттолкнулъ камень, которымъ тотъ былъ подпертъ: убитый повалился на него. Онъ былъ въ одной рубашкѣ и портянкахъ. Кошка схватилъ за портянку — она оборвалась. Онъ снялъ съ себя поясъ; одинъ конецъ привязалъ къ ногѣ убитаго, а другой къ своей правой ногѣ, и поползъ, таща трупъ за собою.. Тогда Англичане открыли стрѣльбу, но Кошка пробирался благополучно, за камнями и буграми, только уморился. Съ 3-го бастіона слѣдили за нимъ, и когда онъ приблизился на такое разстояніе, что могъ слышать, стали ему кричать: «можетъ помочи надо?» — Дайте помочи! — крикнулъ Кошка, уморившись совсѣмъ. Командиръ ближайшей батареи, лейтенантъ 30-го экипажа, Перекомскій, выслалъ къ нему четырехъ человѣкъ, и они принесли убитаго на бастіонъ, а Кошка, отдохнувъ немного, пошелъ въ казармы за обѣдомъ для поручика Голубева и воротился въ секретъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ.

На другой день многіе узнали о подвигѣ Кошки. Командующій войсками далъ ему отъ себя особенный крестъ, для ношенія подъ сорочкой. Вскорѣ потомъ онъ получилъ и георгія.

Всѣ узнали матроса Кошку. Газеты и журналы начали повторять его имя. Онъ сталъ извѣстнымъ, такъ сказать, присяжнымъ авантюристомъ. Вылазки, прогулки передъ носомъ у непріятелей, вокругъ ихъ траншей, вошли ему въ привычку. Онъ никакъ не могъ усидѣть на бастіонѣ, и все ему сходило съ рукъ.

Однажды, уже въ началѣ февраля, Кошка вышелъ изъ секрета и подкрался къ англійской траншеѣ на Зеленой Горкѣ. Впереди лежалъ огромный камень, а за нимъ была вырытая яма. Кошка подползъ и заглянулъ: въ ямѣ четыре Англичанина варили говядину. Кошка сидѣлъ, сидѣлъ, да какъ крикнетъ:

«ребята, ура!» Англичане выскочили и бросились къ траншеѣ, оставивъ 3 штуцера, манерку съ ромомъ, 2 котелка съ говядиной, одинъ съ сырой, другой съ вареной, и двѣ кисы съ галетами. Кошка взялъ штуцера, манерку и галеты, а говядину изъ котелковъ выбросилъ и воротился къ своимъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого была вылазка съ 3-го бастіона. Двѣ роты матросовъ и батальонъ солдатъ подошли къ англійской траншеѣ и всѣхъ, бывшихъ тамъ, частію перекололи, а частію забрали. Кошка пошелъ по траншеѣ и увидѣлъ въ небольшой «пещоркѣ» въ боку, лежащаго Англичанина. Думая, что онъ или спитъ, или убитъ, Кошка потянулся за его штуцеромъ, который лежалъ подлѣ, но только что хотѣлъ его взять, какъ Англичанинъ быстро ударилъ его прикладомъ въ грудь, такъ что Кошка упалъ на колѣни, но упавши, кинулся на штуцеръ Англичанина, а тотъ на штуцеръ Кошки и такъ стали возиться. Кошкѣ надоѣло это: онъ схватилъ противника зубами за палецъ и откусилъ его. Англичанинъ бросилъ штуцеръ, сложилъ крестъ на крестъ руки и закричалъ: «Русь бóна! Русь бóна! христіанинъ! христіанинъ!» То есть: «добрый Русскій, добрый Русскій, я христіанинъ» какъ объяснялъ Кошка. Потомъ Англичанинъ снялъ шапку и началъ креститься по нашему. Кошка далъ ему знакъ, чтобъ онъ выходилъ изъ траншеи, но Англичанинъ не шелъ, вѣроятно думая, что тотъ пырнетъ его сзади штыкомъ. Кошка вывелъ его за шиворотъ и далъ ему три оплеухи, показывая тѣмъ, что плѣнный долженъ слушаться побѣдителя. Выйдя изъ траншеи (это было уже на разсвѣтѣ [1]) и наши отступали на бастіонъ) — они замѣтили показавшіяся вдали колонны Англичанъ, которыя открыли батальный огонь. Лучше всего было поскорѣе убираться. Англи-

---

[1]) Вылазки производятся обыкновенно по ночамъ и для этого выбираются самыя темныя ночи.

чанинъ ударилъ нашего легонько по шеѣ и пробѣжалъ немного впередъ, чѣмъ хотѣлъ объяснить, что надо бѣжать. Они пошли скорыми шагами къ Пересыпкѣ, и Кошка подъ-конецъ какъ-то отсталъ. Англичанинъ, дойдя до Пересыпки, остановился и подождалъ своего товарища. Пули уже перестали долетать до нихъ. Когда Кошка подошелъ, Англичанинъ поднесъ ему рому, и потомъ они поднялись вмѣстѣ на бастіонъ. Въ эту минуту на бастіонѣ раздавались порціи водки. Кошкѣ слѣдовало двѣ чарки; онъ прикупилъ къ нимъ еще четыре и взаимно угостилъ Англичанина, который опохмѣлѣлъ и сталъ пѣть и плясать, въ утѣху всей матросской и солдатской компаніи.

Кромѣ этого Англичанина Кошкѣ случилось приводить и другихъ, во время разныхъ вылазокъ, но всегда по одному. Всѣхъ плѣнныхъ, сколько помнитъ, онъ привелъ человѣкъ 6 — 7. Гдѣ-то было напечатано, что онъ привелъ троихъ вдругъ. Я спросилъ, правда-ли это? — Нѣтъ, не правда! — отвѣчалъ онъ и тутъ же отказался еще отъ нѣсколькихъ анекдотовъ, которые ему приписывали. — Я вамъ разсказалъ все, добавилъ онъ въ заключеніе, и больше этого ничего не было.

Кошка участвовалъ въ 18-ти вылазкахъ, но раненъ всего два раза и то легко.

На кораблѣ ему было скучно; онъ скоро выпросился опять на бастіонъ, обѣщаясь не кутить, однако закутилъ и чуть-ли не сильнѣе прежняго.

По оставленіи Севастополя онъ перебрался въ Николаевъ.

Таковъ прославленный Кошка. Прихоть случая, счастіе выдвинули его впередъ; между тѣмъ, во время знаменитой осады, были десятки, сотни такихъ-же смѣльчаковъ на всѣхъ батареяхъ. Они тихо, безъ шуму, дѣлали свое дѣло. Простоять у инаго орудія нѣсколько часовъ, не только уже нѣсколько мѣсяцевъ, стоило какой угодно штуки, но вѣдь это такъ просто. А мы любимъ что-нибудь особенное, эффектное...

Были слухи, что Кошка измѣнникъ, шпіонъ, знался съ Англичанами, и что вслѣдствіе этого ему сходили съ рукъ всякія затѣи. Какъ его перехитренныя похожденія повторяла вся Россія, такъ повторили и это. Мы слишкомъ довѣрчивы ко всякимъ бреднямъ, и слушая эти странныя обвиненія противъ одного изъ самыхъ храбрыхъ молодцовъ Севастополя, никто не подумалъ, что это, прежде всего, не согласно съ характеромъ простаго русскаго человѣка: разъигрывать измѣнника въ продолженіи одиннадцати мѣсяцевъ сряду, тянуть такую канитель, вести неимовѣрно-сложный обманъ и тутъ же мертвецки напиваться и кутить! Русскій передастся просто — вотъ и все!

Кромѣ того, если бы и нашелся такой неслыханный хитрякъ, онъ не могъ бы свободно разгуливать туда и сюда, вслѣдствіе безчисленнаго множества преградъ, которыя существовали между нами и непріятелемъ въ послѣднюю половину осады.

Даже странно объяснять все это и оправдывать бѣднаго Кошку, невиннаго ни въ чемъ, исключая того, что онъ, еще до Севастопольскихъ похожденій, похитилъ и пропилъ нѣсколько фуражекъ у своихъ товарищей, охотясь за этимъ добромъ «по ночамъ», отъ чего и прозванъ «Кошкой».

Я уже напечаталъ объ немъ небольшую статью, гдѣ защищалъ его, не дѣлая никакихъ справокъ, потому что былъ увѣренъ въ его правотѣ — a priori. Въ настоящее время я навелъ положительныя справки: писалъ въ Николаевъ и получилъ оттуда почти оффиціальное увѣдомленіе, что Кошка живъ и здравъ и находится въ «трехъ-годичномъ» отпуску у родныхъ, въ селѣ Замятеницахъ, Каменецъ-Подольской губерніи, Гайцинскаго уѣзда.

Трехъ-годичный отпускъ есть дѣло необыкновенное, и одно это показываетъ достаточно, что Кошка въ лучшихъ отношені-

яхъ съ начальствомъ. Иначе его не уволили-бы на столько, на сколько не увольняютъ никого.

Вслѣдъ за Кошкой явился въ Севастополѣ другой, отмѣченный тѣмъ-же таинственнымъ перстомъ судьбы: это былъ небольшой мальчикъ, лѣтъ 10-ти, Николай Пищенко, сынъ матроса 37-го экипажа, Тимоѳея Пищенко, служившаго комендоромъ на батареѣ Забудскаго, близь 4-го бастіона.

Служба ихъ обоихъ началась съ 5-го октября, 1854 года.

27-го марта, 1855, Тимоѳей Пищенко былъ убитъ. Сынъ его Николка (какъ звали его на батареяхъ), подававшій отцу кокора̀ [1]), нѣкоторое время не имѣлъ никакой должности. Хотѣлъ было идти въ городъ, къ матери, но мать его лежала въ госпиталѣ, раненная на улицѣ пулей. Такимъ образомъ мальчикъ остался у Забудскаго и бѣгалъ отъ нечего дѣлать по сосѣднимъ батареямъ; между прочимъ однажды забѣжалъ на Шварцовъ редутъ, гдѣ увидѣлъ 9 небольшихъ мортиръ. «Позвольте мнѣ выстрѣлить изъ мортирки!» сказалъ онъ командиру редута Ханжоглу [2]) (это случилось въ іюнѣ, когда Шварцъ уже былъ раненъ). Ханжоглу дозволилъ. Мальчикъ выстрѣлилъ хорошо и такъ полюбилъ мортирки, что началъ проситься перейдти на редутъ. Ханжоглу, для формы, послалъ его къ Забудскому, какъ къ старому начальнику, спросить, позволитъ ли онъ. Забудскій отпустилъ Пищенку и тотъ поселился на редутѣ Шварца, состоя подъ командой одного опытнаго матроса. 9-го іюля этотъ матросъ былъ убитъ и Пищенко остался у мортиръ одинъ и до конца осады управлялъ ими.

Главнокомандующій узналъ о маленькомъ стрѣлкѣ, и наградилъ его медалью. Въ послѣдствіи онъ получилъ георгія. У насъ въ походной литографіи былъ отпечатанъ портретъ Пи-

[1]) Пушечные патроны.

[2]) Всѣ эти свѣдѣнія собраны отъ него.

щенки, во весь ростъ, и въ томъ видѣ, какъ онъ стрѣлялъ на батареѣ: въ короткихъ брюкахъ, въ отцовской курткѣ, которая хватала ему чуть не до колѣнъ, и босикомъ.

Пищенко вышелъ изъ огня благополучно и ни разу не раненъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ Орта-Каралезѣ, гдѣ стоялъ временно Главный штабъ. На батареѣ онъ смотрѣлъ взрослымъ матросомъ, исправнымъ комендоромъ. Но тутъ все пропало: это былъ опять мальчикъ и въ добавокъ сильный шалунъ.

Какъ не одинъ экземпляръ Кошки былъ въ Севастополѣ, такъ же точно являлись и Пищенки.

На 1-мъ бастіонѣ служили два мальчика, одинъ 14-ти, а другой 6-ти лѣтъ, но я не могъ узнать ихъ именъ. Старшему, въ іюнѣ мѣсяцѣ оторвало обѣ ноги, однако онъ остался живъ. Меньшой уцѣлѣлъ, исправляя на бастіонѣ разныя мелкія работы.

Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ Кошкой, мнѣ вздумалось отправиться въ Корабельную, срисовать Бѣлостоцкую церковь, — пунктъ, около котораго собирались наши резервы по тревогѣ, куда прежде всего спѣшилъ Хрулевъ, потому-что Рогатка, находившаяся за церковью, считалась самымъ слабымъ мѣстомъ и требовала рѣшительнаго и смѣлаго отпора.

Я хочу разсказать объ этой прогулкѣ единственно для того, чтобы дать понятіе читателямъ, какъ брали у насъ въ Севастополѣ мнимыхъ шпіоновъ.

Былъ жаркій день, градусовъ 25, но я все-таки накинулъ сверхъ сюртука шинель, чтобы скрыть подъ нею свои рисовальные снаряды, на которые солдаты и матросы всегда глядѣли подозрительно. Имъ велѣно было задерживать всѣхъ, кто хо-

дитъ около бастіоновъ высматривая и распрашивая, а тѣмъ болѣе рисуя. Я уже попадался нѣсколько разъ, а потому и принялъ предосторожности, которыя, впрочемъ, не послужили ни къ чему.

Я прошелъ Корабельную благополучно. На площадкѣ у Владимірской церкви толпилось много солдатъ, составлявшихъ ближайшее прикрытіе Малахова кургана. По улицамъ также бродили солдаты и только солдаты, кто въ шинели, кто въ рубашкѣ. Болѣе всего они тѣснились къ домикамъ направо (если идешь отъ Доковой балки къ заставѣ), гдѣ были защищены отъ выстрѣловъ. Тутъ же, мѣстахъ въ двухъ или трехъ, какія-то бабы торговали лукомъ, хлѣбомъ, вяленоії рыбой. Изрѣдка въ улицахъ ложились гранаты и посвистывали пули.

Подойдя къ заставѣ, я выглянулъ направо, въ поле, усѣянное осколками [1]): никого не было тамъ. Одиноко стояла въ концѣ его Бѣлостоцкая церковь, съ крышей, свѣтившейся насквозь. Вдали тянулся валъ, за которымъ сидѣли штуцерные. Порою надъ нимъ взвивался дымокъ, почти безъ звука. Направо, вплоть до кургана и частію на самомъ курганѣ, бѣлѣли остатки домиковъ, бо̀льшею частію одни груды камней, безъ крышъ и безъ оконъ.

Подлѣ одного домика, у самаго подножія кургана, сидѣли на лавкѣ два матроса, изъ которыхъ одинъ тачалъ сапоги.

Кромѣ этихъ двухъ существъ я не видалъ въ окрестности ровно никого.

Пройдя немного впередъ, я выбралъ самый разрушенный домъ, забрался внутрь и сталъ рисовать, гляда въ отверстіе окна и считая себя скрытымъ отъ всѣхъ наблюденій; но только что я наложилъ первыя черты, какъ сзади послышался шорохъ:

---

[1]) Я уже описалъ это поле, говоря о перемиріи 7-го іюня.

кто-то карабкался по камнямъ и я увидѣлъ передъ собою матроса, какъ водится, въ одной рубашкѣ (впрочемъ въ брюкахъ: такъ постоянно ходили матросы. Солдаты же ходили въ рубашкахъ и порткахъ) и въ форменной шапкѣ, съ номеромъ экипажа.

«Вы что здѣсь дѣлаете, ваше благородіе?»

— Рисую вотъ эту церковь.

«Вы что, инженеры что ли?»

— По формѣ видишь, что я не инженеръ, а изъ штаба.

«Здѣсь планы списывать не позволено: пожалуйте къ батарейному командиру!»

— Погоди немного: ты дѣлаешь свое дѣло, дай мнѣ додѣлать свое, и тогда пойдемъ куда хочешь.

«Извольте!»

Онъ сталъ съ боку, а я продолжалъ рисовать. Это было очень забавно и оригинально: матросъ слушался своего плѣнника и терпѣливо дожидался окончанія его затѣй. Во все время мы разговаривали самымъ дружелюбнымъ образомъ. Впрочемъ, это былъ одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ. Обыкновенно этотъ народъ обходился со своими плѣнниками безъ церемоніи, особенно, если былъ убѣжденъ по своему, что беретъ шпіона. Мой матросъ едвали считалъ меня шпіономъ; онъ только исполнялъ то, чего требовала его обязанность.

Между тѣмъ какъ мы бесѣдовали, вверху, надъ нами, безпрестанно пролетали бомбы, гудя своимъ извѣстнымъ гуломъ. Я сталъ побаиваться, какъ бы иная не пожаловала къ намъ, и часто спрашивалъ матроса: «куда это? не къ намъ ли катитъ?»

Онъ прислушивался, поворачивая одно ухо въ сторону летѣвшей бомбы, прислушивался недолго, и потомъ отвѣчалъ самымъ спокойнымъ тономъ: «нѣтъ, это не сюда, это въ бухту, по кораблямъ!»

дитъ около бастіоновъ высматривая и распрашивая, а тѣмъ болѣе рисуя. Я уже попадался нѣсколько разъ, а потому и принялъ предосторожности, которыя, впрочемъ, не послужили ни къ чему.

Я прошелъ Корабельную благополучно. На площадкѣ у Владимірской церкви толпилось много солдатъ, составлявшихъ ближайшее прикрытіе Малахова кургана. По улицамъ также бродили солдаты и только солдаты, кто въ шинели, кто въ рубашкѣ. Болѣе всего они тѣснились къ домикамъ направо (если идешь отъ Доковой балки къ заставѣ), гдѣ были защищены отъ выстрѣловъ. Тутъ же, мѣстахъ въ двухъ или трехъ, какія-то бабы торговали лукомъ, хлѣбомъ, вяленоії рыбой. Изрѣдка въ улицахъ ложились гранаты и посвистывали пули.

Подойдя къ заставѣ, я выглянулъ направо, въ поле, усѣянное осколками [1]): никого не было тамъ. Одиноко стояла въ концѣ его Бѣлостоцкая церковь, съ крышей, свѣтившейся насквозь. Вдали тянулся валъ, за которымъ сидѣли штуцерные. Порою надъ нимъ взвивался дымокъ, почти безъ звука. Направо, вплоть до кургана и частію на самомъ курганѣ, бѣлѣли остатки домиковъ, бо̀льшею частію одни груды камней, безъ крышъ и безъ оконъ.

Подлѣ одного домика, у самаго подножія кургана, сидѣли на лавкѣ два матроса, изъ которыхъ одинъ тачалъ сапоги.

Кромѣ этихъ двухъ существъ я не видалъ въ окрестности ровно никого.

Пройдя немного впередъ, я выбралъ самый разрушенный домъ, забрался внутрь и сталъ рисовать, глядя въ отверстіе окна и считая себя скрытымъ отъ всѣхъ наблюденій; но только что я наложилъ первыя черты, какъ сзади послышался шорохъ:

---

[1]) Я уже описалъ это поле, говоря о перемиріи 7-го іюня.

кто-то карабкался по камнямъ и я увидѣлъ передъ собою матроса, какъ водится, въ одной рубашкѣ (впрочемъ въ брюкахъ: такъ постоянно ходили матросы. Солдаты же ходили въ рубашкахъ и порткахъ) и въ форменной шапкѣ, съ номеромъ экипажа.

«Вы что̀ здѣсь дѣлаете, ваше благородіе?»

— Рисую вотъ эту церковь.

«Вы что̀, инженеры что̀ ли?»

— По формѣ видишь, что я не инженеръ, а изъ штаба.

«Здѣсь планы списывать не позволено: пожалуйте къ батарейному командиру!»

— Погоди немного: ты дѣлаешь свое дѣло, дай мнѣ додѣлать свое, и тогда пойдемъ куда хочешь.

«Извольте!»

Онъ сталъ съ боку, а я продолжалъ рисовать. Это было очень забавно и оригинально: матросъ слушался своего плѣнника и терпѣливо дожидался окончанія его затѣй. Во все время мы разговаривали самымъ дружелюбнымъ образомъ. Впрочемъ, это былъ одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ. Обыкновенно этотъ народъ обходился со своими плѣнниками безъ церемоніи, особенно, если былъ убѣжденъ по своему, что беретъ шпіона. Мой матросъ едвали считалъ меня шпіономъ; онъ только исполнялъ то, чего требовала его обязанность.

Между тѣмъ какъ мы бесѣдовали, вверху, надъ нами, безпрестанно пролетали бомбы, гудя своимъ извѣстнымъ гуломъ. Я сталъ побаиваться, какъ бы иная не пожаловала къ намъ, и часто спрашивалъ матроса: «куда это? не къ намъ ли катитъ?»

Онъ прислушивался, поворачивая одно ухо въ сторону летѣвшей бомбы, прислушивался недолго, и потомъ отвѣчалъ самымъ спокойнымъ тономъ: «нѣтъ, это не сюда, это въ бухту, по кораблямъ!»

И точно бомба шлепала въ бухту.

«А вотъ это по Владимірской» [1]), говорилъ онъ, выслушивая новую бомбу.

Ни разу не случилось, чтобы онъ ошибся. Бомбы ложились постоянно по его предсказанію. Какая удивительная смѣтка! Однимъ слухомъ опредѣлять высоко въ воздухѣ невидимую черту, по которой несется бомба. И какъ просто и спокойно онъ это дѣлалъ! Стоило только взглянуть на его пріемъ и потомъ услыхать его слова, чтобы убѣдиться сразу, что онъ не лжетъ.

Замѣчу здѣсь, что матросы и солдаты, преимущественно послѣдніе, давали непріятельскимъ бомбамъ разныя прозвища. Двухпудовыя, съ кольцами, свистѣвшія особеннымъ образомъ, назывались у нихъ «Молдаванская почта ѣдетъ». Онѣ напоминали солдатамъ Молдаванскаго извощика, который, скача верхомъ, свищетъ всю дорогу.

Бомбы въ два пуда 16 фунтовъ, пускаемыя непріятелемъ прицѣльно изъ гаубицъ, были прозваны «Лахматками».

— Лах-матка! кричалъ сигнальщикъ, присѣдая, когда слышалъ особенный голосъ этой бомбы.

Большія пятипудовыя носили прозвище: «ви-жу, ви-жу, тутъ, всѣ прочь!» кажется отъ того, что ихъ скорѣе можно было увидѣть. «Тутъ, всѣ прочь!» означало: «когда она тутъ, всѣ должны бѣжать прочь»... а при другихъ бомбахъ пожалуй хоть и оставаться.

Замѣчу, что не одну 5-ти пудовую бомбу можно было видѣть днемъ. Привычный глазъ отличалъ даже ядро, летящее прямо на него. Старики учили новичковъ, какъ хитрить съ такими ядрами: прилегать, отскакивать въ сторону. Но часто, прежде, нежели не совсѣмъ бойкій ученикъ постигалъ эту гра-

---

[1]) То есть, по Владимірской площадкѣ.

моту, его сносило ядромъ, отъ котораго дѣйствительно, можетъ статься, былъ способъ уйти [1])...

Но кромѣ бомбъ, гудѣвшихъ надо мной и матросомъ, мы слышали поминутно свистѣвшія пули. Онѣ шмыгали всюду, распѣвая на разные голоса. Иная звучала какъ струна, тонкимъ, пріятнымъ звукомъ. Другая пѣла густой октавой и, казалось, пролетала тихимъ, важнымъ полетомъ, вѣроятно сдѣлавъ прежде рикошетъ. Третья высвистывала быстро и тутъ-же закапывалась въ землю. Четвертая мяукала какъ кошка. Вотъ двѣ просвистѣли въ перегонки и шлепнулись въ камень...

Навстрѣчу этимъ пулямъ, по дорогѣ между домиками и церковью, шелъ иногда солдатъ, неся ведро щей на Рогатку своимъ товарищамъ, и тихо переваливаясь съ ноги на ногу. Не рѣдко пуля поднимала песокъ на полвершка отъ его ступни. Онъ и не замѣчалъ и продолжалъ переваливаться.

Но бо́льшею частію площадь и дорога были пусты.

Я кончилъ, и мы пошли вверхъ по горѣ, изрытой траншеями, загроможденной траверсами и всякими насыпями, гдѣ образовалось множество короткихъ и узкихъ переулковъ. Я не узналъ Малахова кургана, котораго не видалъ съ февраля. Куда дѣлись эти площадки? Эта пустота и тишина? Какъ-будто сжался, сбился въ кучу весь курганъ. Ни гдѣ на немъ не безопасно. Бывало, смотри изъ-за валу сколько хочешь, а теперь нельзя и подумать высунуть голову. Пули свищутъ во всѣхъ направленіяхъ. Индѣ лопаются гранаты. Все измѣнилось, но русскіе безпечные люди остались тѣ же. Я видѣлъ кучки солдатъ,

---

[1]) Начальникъ артиллеріи 4-го, а потомъ 3-го отдѣленія, капитанъ 1-го ранга, Перелешинъ 1-й, увѣрялъ меня, что онъ постоянно и притомъ весьма легко усматривалъ днемъ бомбы и ядра, летѣвшія на него прямо, и даже замѣчалъ дымящуюся въ бомбѣ трубку. Мнѣ лично случалось видѣть днемъ только тѣ бомбы, которыя пускали при мнѣ съ нашихъ батарей, и то тогда, когда я стоялъ подлѣ орудія.

которые лежали противъ иныхъ орудій, на буграхъ, раскинувшись во всю красу и какъ-будто нарочно подставивъ себя всякимъ снарядамъ. Народу вездѣ было очень много. Я съ трудомъ пробирался вверхъ, иногда отстраняя рукой торчавшій передо мною штыкъ ружья, на которомъ солдатъ несъ манерку съ водой, или со щами. Я все ждалъ башни, но она показалась не скоро. Еще приземистѣе стала она, какъ-бы ушла въ землю. Я спустился по той-же самой лѣстницѣ и въ тотъ блиндажъ, куда спускался въ февралѣ, къ адмиралу Истомину. Всегда пріятно вспомнить прошлое, когда оно обставлено не совсѣмъ обыкновенными предметами, — и я внимательно оглядывалъ тѣ стѣны, на которыя тогда глядѣлъ безъ особеннаго вниманія, а можетъ и не глядѣлъ вовсе... Въ блиндажѣ меня встрѣтилъ начальникъ 4-го отдѣленія, капитанъ 1-го ранга Кернъ, котораго матросы называли Кѐринъ и онъ въ самомъ дѣлѣ былъ похожъ скорѣе на Кѐрина, нежели на Керна. Его уже предувѣдомили обо мнѣ и онъ, послѣ немногихъ словъ, извинился въ ошибкѣ.

Это была моя первая встрѣча съ Керномъ, но я давно зналъ его имя. Онъ былъ одного экипажа съ офицерами Коварны и у него на ординарцахъ служилъ нашъ матросъ, штыкъ-бо̀утный[1]) Короткій.

Стало быть, знакомиться намъ было нечего. Къ тому-же Кѐринъ былъ добрѣйшая и простѣйшая душа.

---

[1]) Матросъ, который «беретъ, или отдаетъ штыкъ-бо̀утъ», то есть привязываетъ особой веревкой (она-то и есть штыкъ-бо̀утъ) уголъ паруса къ нокъреѣ, на новомъ рифѣ. «Взять, или отдать рифъ» значитъ уменьшить, или увеличить площадь паруса. Другіе матросы дѣлаютъ это, стоя на «пертахъ» особенно-подвязанныхъ къ реямъ веревкахъ; а штыкъ-бо̀утный сидитъ въ это время верхомъ на реѣ, потому что его дѣло труднѣе прочихъ. Штыкъ-бо̀утнымъ назначаютъ самаго ловкаго и расторопнаго матроса. На каждой реѣ находится по два штыкъ-бо̀утныхъ, на концахъ, и у нихъ по одному помощнику.

Мы напились чаю и потомъ пошли по бастіону. Впереди насъ, за траверсомъ, упала граната и убила трехъ солдатъ. Ихъ тотчасъ подняли и понесли внизъ. Пришлось шагать черезъ свѣжія капли крови, которыя капали съ носилокъ... Доведя меня до горжи, Кернъ показалъ мнѣ, на лѣвомъ скатѣ кургана, остатки домиковъ, откуда непріятель отстрѣливался 6-го іюня (5-й стрѣлковый батальонъ Гарньé). Нельзя было безъ особеннаго пріятнаго чувства и волненія осматривать эту мѣстность, гдѣ такъ недавно русскій штыкъ уничтожилъ единственный успѣхъ непріятеля. На этихъ камняхъ, избитыхъ ядрами, такъ и читалось имя Хрулева и Сѣвцевъ...

У горжи я простился съ Керномъ. Онъ далъ мнѣ проводника, матроса 44 экипажа, Яковлева. Мы спустились внизъ, между домиками, и прошли въ Аполлонову балку, къ пристани, устроенной за водопроводомъ. На дорогѣ намъ попадалось много солдатъ. Бóльшая часть изъ нихъ были заняты какимъ-нибудь дѣломъ. Одни, выкопавъ тутъ же, середи улицы, яму, вѣшали надъ нею котелокъ и варили кашу. Другіе что-нибудь тащили на батарею, или оттуда. Кому нечего было дѣлать, тѣ играли въ орлянку. Это была любимая игра солдатъ самая же улица была ничто иное, какъ гора, безъ всякихъ правильныхъ очертаній, безъ столбовъ и тротуаровъ; имѣла нѣсколько площадокъ и была изрѣзана мелкими канавами, размытыми дождемъ; коегдѣ, по сторонамъ, выглядывали зеленые сады, также полные солдатами, въ бѣлыхъ рубашкахъ. — У пристани я нашелъ еще болѣе народу и движенія. Тамъ «для порядку» торчалъ даже и жандармъ, но порядку большаго не было. Между прочимъ происходила такая сцена: двое пьяныхъ матросовъ, приставшихъ къ берегу въ катерѣ, выгружали ядра, кидая ихъ на доски пристани, одно за другимъ, и явно скучая этой работой. Мудрено привезти ядро изъ Кіева въ Севастополь, по грязи нашихъ степей, по труднымъ горнымъ

дорогамъ Крыма. Бьется бѣдный крестьянинъ со своимъ чугуннымъ возомъ; бережетъ и чуть не обдуваетъ каждое ядрышко, какъ будто бы оно было золотое; онъ знаетъ, что съ него спросится строгій отчетъ въ его клажѣ, при сдачѣ ея на Сѣверной пристани. Закричатъ на мужиченку тысячи голосовъ, совсѣмъ оглушатъ и перепугаютъ до смерти... но тутъ-же мигомъ и пропадетъ вся важность и цѣна ядеръ: ихъ свалятъ кое-какъ въ кучу и кончено! Кому дѣло, что они проѣхали очень много верстъ, что подъ ними дохли и валились сотни лошадей и воловъ...

Пьяные матросы, о которыхъ я сказалъ, думали объ этомъ еще меньше нежели кто-нибудь. Ядра, кидаемыя ими, гремѣли по доскамъ и скатывались на берегъ, а иные, чуть не половина, падали въ воду. Жандармъ глядѣлъ во всѣ глаза и былъ совершенно спокоенъ. По его понятіямъ, все обстояло благополучно.

Яковлевъ отыскалъ мнѣ яликъ, и я отправился на Коварну. Когда я пріѣхалъ, мнѣ сказали, что меня дожидается какой-то человѣкъ, присланный отъ Нахимова. Я сейчасъ-же велѣлъ его позвать: вошелъ малый лѣтъ 20-ти, остриженный въ кружокъ, въ черномъ долгополомъ сюртукѣ, похожій болѣе всего на мѣщанина.

«Павелъ Степановичь прислали къ вамъ, чтобы вы засвидѣтельствовали о моей личности» — заговорилъ онъ весьма проворно: «такъ-какъ вы изволите меня знать: я наборщикъ отъ Готье, Владиміра Ивановича, Гаврила Гамбургъ.»

Я не могъ припомнить его лица, но по распросамъ оказалось, что онъ дѣйствительно былъ въ Москвѣ и служилъ въ типографіи Готье, о чемъ я и увѣдомилъ немедля Павла Степановича.

Исторія Гамбурга довольно затѣйна и отчасти знакомитъ

съ характеромъ Нахимова, а потому я и рѣшаюсь разсказать ее читателямъ.

Гамбургъ прибылъ въ Севастополь безъ всякого вида и сталъ продавать въ Сѣверной балкѣ квасъ у какого-то солдата [1]). Солдатъ мѣсяца два не спрашивалъ у него паспорта, но потомъ сталъ побаиваться, какъ бы чего не случилось. Гамбургъ, конечно, и самъ былъ не покоенъ; но ка̀къ и гдѣ добыть паспортъ и что̀ дѣлать? Онъ придумывалъ разные способы, чтобы какъ-нибудь извернуться, а между тѣмъ продавалъ да продавалъ солдатскій квасъ.

Однажды я, по какому-то случаю, садился на лошадь не тамъ, гдѣ мнѣ подавали ее обыкновенно, а подлѣ квасной лавки Гамбурга.

«Кто это?» спросилъ онъ у моего кучера, когда я отъѣхалъ. Тотъ ему сказалъ. «Да я ихъ зналъ еще въ Москвѣ и статьи для нихъ набиралъ...» онъ задумался — и тутъ же пришла ему мысль, архимедово «Εὕρηκα». Онъ сѣлъ въ яликъ, переплылъ на Южную сторону и явился къ Нахимову. Нахимовъ, какъ извѣстно, выслушивалъ всѣхъ. Онъ выслушалъ и Гамбурга, который несъ ему околесную около часу, и между-прочимъ сказалъ, что имѣлъ къ нему письма отъ двухъ профессоровъ Московскаго университета, но потерялъ ихъ доро̀гой, вмѣстѣ съ паспортомъ.

«Что̀-же значатъ потерянныя письма? замѣтилъ ему адмиралъ: другое дѣло, если бы ты ихъ доставилъ!»

— Какъ что̀-же значатъ? отвѣчалъ проворный архимедъ безъ малѣйшей церемоніи: стало-быть вы не уважаете ни русской исторіи, ни словесности [2]).

[1]) Въ это время пристань уже была перенесена изъ Куриной балки въ Сѣверную.

[2]) Письма были отъ профессоровъ исторіи и словесности.

«Каковъ-съ! (мнѣ разсказывалъ объ этомъ самъ Нахимовъ) я ему говорю о паспортѣ, а онъ толкуетъ о какой-то словесности! Да еще что̀-съ? я спросилъ у него: ну, а какъ Москва? какъ духъ народа? — Трусы, говоритъ, все; такіе трусы, что не приведи Богъ... Какъ трусы? Въ Москвѣ трусы? И ты смѣешь это говорить?.. Ну, ужь тутъ я не выдержалъ-съ, взялъ его за хохолъ!»

Такова была ихъ оригинальная бесѣда. Добрѣйшая душа Павелъ Степановичь, подъ-конецъ, какъ водится, умилостивился и спросилъ, не знаетъ-ли онъ кого-нибудь въ Севастополѣ?

«Какъ-же, отвѣчалъ живо Гамбургъ: у меня есть знакомый офицеръ при штабѣ» и онъ назвалъ меня. Въ этомъ-то и была вся штука, архимедово «Εὕρηκα».

Нахимовъ отправилъ его тотчасъ ко мнѣ (о чемъ уже было сказано), а на другой день опредѣлилъ на 18-й номеръ батареи, однако просилъ меня написать въ Москву, дѣйствительно ли Гамбургъ состоялъ при типографіи Готье и отправляясь въ Севастополь, получилъ рекомендательныя письма. Я написалъ немедля; мнѣ отвѣчали довольно скоро, что онъ просто-за-просто бѣжалъ, растративъ какія-то деньги...

Въ это время уже не было нашего добраго адмирала.

28 іюня онъ былъ раненъ. Вотъ какъ случилось это несчастіе, погрузившее въ уныніе весь Севастополь.

Адмиралъ поѣхалъ, по своему обычаю, послѣ обѣда, осматривать бастіоны.

Еще за обѣдомъ, впродолженіи котораго былъ очень веселъ, онъ приказалъ адъютантамъ быть готовымъ, потому что на 3-мъ бастіонѣ поднялась сильная стрѣльба. Впрочемъ, адъютанты были бы готовы и безъ приказанія: адмиралъ ѣздилъ почти всякій день, бо̀льшею частію не предупреждая объ этомъ

никого, а просто, отдохнувъ послѣ обѣда, говорилъ: «ну-съ, на коней-съ!» Всѣ выходили и садились.

Пожалуй можно разсказать любителямъ примѣчаній, что въ этотъ разъ, за обѣдомъ, кто-то пролилъ по столу красное вино передъ самымъ адмираломъ. Онъ взглянулъ на фигуру пятна и замѣтилъ: «посмотрите, какъ странно: бугоръ и крестъ!»— Всѣ взглянули и нашли это сходство, но промолчали.

Адмиралъ однако же выѣхалъ веселымъ.

Прибывъ на 3-е отдѣленіе, онъ осмотрѣлъ всѣ батареи и поѣхалъ на Малаховъ.

Начальникъ 4-го отдѣленія Кернъ былъ въ это время у всенощной [1]). Вдругъ ему докладываютъ о пріѣздѣ адмирала. Кернъ вышелъ къ нему на-встрѣчу. Нахимовъ отправился прямо на гласисную батарею, влѣзъ на одинъ банкетъ и взявъ трубу, сталъ смотрѣть, высунувшись, какъ обыкновенно, изъ-за вала, и показывая непріятелямъ свои густые эполеты. Кернъ молчалъ, но когда адмиралъ поднялся на банкетъ у слѣдующаго орудія, рядомъ съ первымъ, и снова сталъ смотрѣть въ трубу, — Кернъ рѣшился ему замѣтить, что съ этого банкета видно тоже самое, что́ и съ перваго. Нахимовъ однако же продолжалъ глядѣть. «Не угодно-ли вамъ отслушать всенощную?» сказалъ ему потомъ Кернъ. — А вотъ сейчасъ, я приду-съ! вы ступайте! — Кернъ, разумѣется, не пошелъ. Адмиралъ смотрѣлъ довольно долго и часто высовывался. «Да не высовывайтесь, ваше высокопревосходительство!» сказалъ ему Кернъ. — Ничего-съ, вѣдь они плохо стрѣляютъ, отвѣчалъ Нахимовъ [2]). «Однако!» замѣтилъ Кернъ. Въ это время

---

[1]) Это случилось наканунѣ Петра и Павла, и вмѣстѣ Керновой свадьбы.

[2]) Обыкновенный его отвѣтъ въ такихъ случаяхъ былъ: «не всякая пуля въ лобъ-съ!» Нужно-же было, чтобъ пуля, назначенная ему, именно попала въ лобъ!

пуля ударила въ мѣшокъ. Адмиралъ все-таки продолжалъ смотрѣть. Потомъ отдалъ трубу и сталъ сходить съ банкета, какъ вдругъ вахтенный, принявшій трубу и тотчасъ приставившій ее къ глазу, забормоталъ какъ бы про себя: « ишь какъ ловко зацѣпила! вонъ какъ! » онъ говорилъ о бомбѣ, пущенной отъ насъ по кучкѣ Англичанъ, несшихъ фашинникъ. Это было роковое мгновеніе и роковыя слова. Нахимовъ остановился... и вдругъ упалъ на правый бокъ такъ быстро, что никто не успѣлъ подбѣжать и принять его на руки. Пуля попала ему въ лобъ, надъ лѣвымъ глазомъ, пробила черепъ и вышла около лѣваго уха. Кернъ бросился къ нему первый: адмиралъ произносилъ что-то невнятное... Съ этого времени онъ уже не говорилъ ни слова.

Ту же минуту сдѣлали перевязку и понесли адмирала на солдатскихъ носилкахъ въ Аполлонову балку. Кому-то вздумалось отвезти его на Сѣверную — всѣ согласились и повезли, сперва на вольномъ яликѣ, а потомъ, уже на пути, пересѣли въ катеръ, посланный съ парохода Владиміръ и прибыли въ бараки. Съ трудомъ нашли свободную комнату. Всѣ медики, какіе только были на-лицо, явились тутъ, и сдѣлана другая перевязка: изъ раны вынуто 16 косточекъ и къ головѣ приложенъ ледъ.

Объ этомъ льдѣ ходили странные слухи. Говорили, что одинъ изъ бывшихъ адъютантовъ Нахимова, лейтенантъ Шкоттъ, съѣздилъ въ семь часовъ времени въ Симферополь (туда и обратно 120 верстъ) и привезъ льду, поливая его на дорогѣ эѳиромъ.

Это былъ совершенно вымышленный разсказъ, одинъ изъ тѣхъ неизбѣжныхъ и далеко не случайныхъ разсказовъ, которые, такъ сказать, роятся и носятся въ воздухѣ вокругъ всякихъ серьозныхъ и замѣчательныхъ событій. Не мѣшаетъ прислушиваться къ этимъ неизвѣстно чьимъ созданіямъ, ибо

въ нихъ нерѣдко яснѣе отражается истина, нежели въ иномъ безукоризненно-точномъ повѣствованіи, составленномъ по самымъ вѣрнымъ источникамъ.

За льдомъ никто не ѣздилъ; Шкотта даже не было въ это время въ Севастополѣ. Ледъ достали въ Корабельной, въ трактирѣ «Ростовъ на Дону.» Замѣчательно только, что это былъ *послѣдній* ледъ.

Грустная вѣсть мгновенно разнеслась по холмамъ Севастополя. Сколько ни старались скрывать, не скрыли ничего. Всѣ видѣли, какъ провели *его* лошадь; какъ проскакали *его* адъютанты... говорили розно: кто говорилъ — «убитъ», кто — «раненъ.» Я находился въ это время въ городѣ; сколько могу припомнить, былъ 7-й часъ. Народъ бѣжалъ къ Графской пристани, ожидая, что адмирала повезутъ съ Малахова домой; но кто-то сказалъ, что его отвезли въ Михайловскую батарею. Я бросился туда, прямо къ старшему офицеру. Бываютъ всякіе чудаки на свѣтѣ. Этотъ любилъ во всѣхъ случаяхъ начинать ab ovo. «Скажите, вы слышали?.. спросилъ я, найдя его на дворѣ, гдѣ толпилось еще нѣсколько офицеровъ и матросовъ и я уже по ихъ лицамъ видѣлъ, что имъ все извѣстно. «А вотъ пойдемте ко мнѣ и тамъ поговоримъ какъ слѣдуетъ», сказалъ онъ таинственно — и мы пошли по длиннымъ лѣстницамъ и корридорамъ батареи. Онъ привелъ меня въ свою комнату, усадилъ въ кресла, сѣлъ самъ черезъ столъ напротивъ и набивая важно и медленно трубку, произнесъ съ нѣкоторыми разстановками: «да... это точно... Греки сражались... Римляне сражались»...

— Боже мой, какіе тутъ Греки и Римляне! скажите, гдѣ адмиралъ?

«Ничего не знаю!»

— Чтожь вы не сказали мнѣ объ этомъ еще на дворѣ?

Я побѣжалъ изъ батареи и тотчасъ наткнулся на адмиральскаго флагъ-офицера Фельдгаузена, который скакалъ во весь опоръ въ Михайловское укрѣпленіе.

— Постойте, скажите, гдѣ адмиралъ?

— Въ Сѣверныхъ баракахъ...

Я пошелъ туда, но уже стемнѣло. Одинъ баракъ горѣлъ яркими огнями. Кругомъ толпился народъ. Окно было растворено. Я взглянулъ: комната полна докторами. Адъютанты адмирала стояли, утирая слезы. Онъ лежалъ въ одной сорочкѣ, съ закрытыми глазами, тяжко дыша и слегка поводя рукой... надежды было немного [1]).

На другой день (это были послѣднія именины адмирала и вотъ какъ онъ ихъ встрѣчалъ!) отправляясь въ лагерь, я заѣхалъ къ Нахимову: ему, казалось, было лучше. Онъ открывалъ глаза и останавливалъ ихъ на входящихъ, повидимому, безъ всякой мысли. Едвали онъ кого-нибудь узнавалъ.

Въ 1-мъ часу того же дня, возвращаясь изъ лагеря, я заѣхалъ опять въ бараки: больному было еще лучше. Мнѣ сказали, что онъ вставалъ съ постели, разумѣется съ помощью другихъ; указалъ на сапоги — ему подали и онъ надѣлъ ихъ. Показалъ на шею: ему подвязали галстукъ; показалъ на плечи — ему накинули шинель.

И въ такомъ положеніи онъ остался вѣренъ своимъ привычкамъ: поднявшись съ постели, онъ обыкновенно одѣвался ту же минуту.

Мнѣ разсказали еще, что онъ уже не срывалъ повязку, какъ наканунѣ, и если трогалъ ее, то весьма осторожно. Казалось, онъ сталъ приходить къ бо̀льшему сознанію. Для насъ блеснула-было надежда... но къ утру 30-го ему стало

---

[1]) Я срисовалъ его тогда. Этотъ портретъ, найденный схожимъ, приложенъ къ Морскому Сборнику, 1856, № 1, генварь.

хуже. Я нашелъ его лежащимъ не прямо, какъ въ тѣ дни, а бокомъ. Онъ очень тяжко и часто дышалъ. Въ 10 часовъ съ четвертью Нахимова не стало.

Я подъѣхалъ, около полудня, къ бараку и увидѣлъ опущенную веревку, которою было оцѣплено зданіе кругомъ, чтобы никто не подъѣзжалъ ближе десяти сажень. Караульныхъ не стало: я издали все понялъ...

Во второмъ часу, барказъ, буксируемый двумя катерами (какъ кстати взволновалось вмѣстѣ съ нами и стонало самое море, потерявшее послѣдняго адмирала старыхъ временъ и старой славы) — везъ тѣло съ Сѣверной стороны на Графскую пристань. Народъ, замѣчая далеко печальный барказъ, съ крестомъ и священникомъ на кормѣ, стекался къ пристани толпами, снимая шапки и крестясь. Адмиралъ Панфиловъ съ офицерами принялъ тѣло и отнесъ въ домъ, гдѣ тотчасъ отслужили панихиду. Покойнаго покрыли флагомъ съ корабля «Императрица Марія», на которомъ онъ дрался въ Синопскій бой. Флагъ былъ пробитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ ядрами [1]). Потомъ было объявлено, что всѣ желающіе могутъ прощаться. Одинъ за другимъ стали входить въ комнату матросы, солдаты и простые обыватели. Было много и женщинъ. Между ними я увидѣлъ въ первый разъ Прасковью Ивановну Графову, о которой впослѣдствіи скажу нѣсколько словъ.

Адмиралъ до слѣдующаго дня лежалъ на столѣ какъ живой. Но утромъ 1-го іюля, когда его положили въ гробъ, онъ очень измѣнился. Пришлось закрыть лицо покрываломъ. Въ головахъ утвердили три флага: контръ-адмиральскій, вице-адмиральскій и адмиральскій. На стѣнахъ комнаты, противъ обыкновенія,

---

[1]) Художественный Листокъ, 1856, № 19.

оставили висѣвшія на нихъ всегда картинки: портретъ Лазарева и фрегатъ «Крейсеръ» въ бурю [1]).

Въ 6 часовъ вечера (1 іюля) былъ назначенъ выносъ. Прибылъ главнокомандующій со штабомъ. Тѣло вынесли изъ дому адъютанты покойнаго и пронесли въ Михайловскій соборъ, между двумя батальонами матросовъ и солдатъ, стоявшихъ вдоль улицы подъ ружьемъ. Густыя толпы народа покрыли бульваръ Казарскаго и всѣ окрестныя высоты. Едвали Севастополь, даже и въ мирное время, видалъ когда-нибудь на своихъ холмахъ столько народа, сколько стеклось на погребеніе Нахимова. Непріятель не стрѣлялъ. Даже распространился слухъ, что англійскіе корабли скрестили реи и спустили флаги, но кажется этого не было [2]).

По окончаніи службы матросамъ было дозволено проститься. Они стали подходить по два въ рядъ, протянувшись по улицѣ длинной шеренгой, и прощались около часу. Потомъ тѣло понесли въ гору; тронулась артиллерія; пушки насилу взъѣхали на крутой бугоръ... и тутъ я увидѣлъ опять странную Прасковью Ивановну, подъ руку съ однимъ генераломъ.

Нахимова положили не подалеку отъ Библіотеки, подлѣ трехъ другихъ адмираловъ: Лазарева, Корнилова и Истомина, на томъ мѣстѣ, гдѣ заложенъ храмъ св. Владиміра. Кругомъ тѣснились рыдающіе матросы. Всякому хотѣлось бросить горсть земли... и вотъ прогремѣли почетные залпы...

Едва разошлись толпы, какъ въ бухту полетѣли снова ракеты и бомбы.

---

[1]) Нахимовъ совершилъ на Крейсерѣ кругосвѣтное плаваніе, подъ командой Лазарева, тогда еще капитана.

[2]) Намъ, стоявшимъ тогда въ улицѣ, было не видно моря. А когда мы поднялись на гору, вслѣдъ за гробомъ, было уже 8 часовъ — время, когда на морѣ кончаются всѣ церемоніи.

Съ тѣхъ поръ прошло два года. Въ это время, да и во время самой осады, о Нахимовѣ ходили весьма разнообразные толки. «Трудно, скажу словами Гизо, говорить объ умершихъ, даже и о самыхъ лучшихъ, когда еще громко выражаются чувства вокругъ ихъ бренныхъ останковъ, и кажется, что сами они еще тутъ, и прислушиваются къ рѣчи, о нихъ произносимой!» [1])

Два года ровно ничего не значатъ для исторіи.

Вотъ что̀ покамѣстъ я рѣшаюсь сказать о нашемъ добромъ адмиралѣ Нахимовѣ.

Начиная говорить объ немъ, слово «добрый» надо поставить на самомъ первомъ мѣстѣ. Необыкновенная, истинная доброта озаряла теплымъ и вмѣстѣ могущественнымъ свѣтомъ всю жизнь Павла Степановича. Она сглаживала всѣ неровности и странности его характера. Она дополняла то, чего не доставало въ другихъ способностяхъ.

Нахимовъ казался человѣкомъ довольно-обыкновенныхъ дарованій. Физіономія его не представляла ничего такого, что̀ сейчасъ бросается въ глаза въ избранныхъ натурахъ: средній ростъ; немного полное, сырое тѣлосложеніе; самое добродушное лицо; тихій взглядъ; мелкая походка; совсѣмъ незатѣйливая рѣчь.

Однако-же какъ-то случилось, что его, этого простаго и скромнаго человѣка, всѣ знали и любили больше, нежели другихъ, блестящихъ и бойкихъ, одаренныхъ, можетъ-быть, высшими способностями духа. Какъ-же это случилось?

Объясненіе загадки прежде всего скрывается въ той рѣдкой, исключительной добротѣ и задушевности, о которыхъ я уже сказалъ.

---

[1]) Статья Гизо: Sir Robert Peel, Revue des deux Mondes, 15 mai, 1856.

Съ первыхъ чиновъ и до послѣдняго, адмиральскаго, Нахимовъ держалъ себя со всѣми просто и одинаково. Когда кругомъ все дѣлалось иначе; когда большинство, по мѣрѣ повышеній, уходило вдаль и подчасъ становилось вовсе недосягаемымъ, — Нахимовъ былъ все тотъ же простой, безцеремонный Павелъ Степановичь Нахимовъ, душа-товарищъ, отецъ-командиръ, всегда и всѣмъ доступный.

Сначала все это выходило у него такъ, само собою, вслѣдствіе природныхъ свойствъ и требованій души. Но потомъ онъ увидѣлъ, что быть доступнымъ и выслушивать терпѣливо каждаго есть дѣло очень важное, есть первая и священная обязанность добросовѣстнаго начальника, и сталъ держаться крѣпко того способа обращенія съ равными и подчиненными, какой ему давно подсказало сердце.

Относительно этой доступности и простоты ходитъ объ немъ столько разсказовъ, что не знаешь, что̀ выбрать. Истина перемѣшалась съ вымыслами, и съ этой стороны Нахимовъ становится миѳическимъ лицемъ небывалаго времени.

Но должно сказать правду: въ этой безконечно доброй и нѣжной душѣ таились необъяснимые недостатки и странности, какія-то дикія, болѣзненныя вспышки: Нахимовъ вдругъ становился придирчивъ, раздражителенъ, шумѣлъ и кричалъ, и домъ его, обыкновенно ясный, тихій и привлекательный, вдругъ получалъ какой-то сумрачный характеръ.

Къ счастію это бывало не надолго, и Павелъ Степановичь уже замѣчалъ офицеру: «Что это вы нарядились какъ китайскій императоръ! На что этотъ киверъ, помилуйте-съ! Небось двухъ-мѣсячное содержаніе пошло на одинъ киверъ!»

Даже случалось, что онъ, стараясь изгладить мгновенную вспышку, переходилъ въ своей нетребовательности надлежащую черту, какъ постоянно бываетъ съ неровными характерами.

Случались другія необъяснимыя минуты, когда Нахимову приходила фантазія скорчить генерала въ общепринятомъ духѣ, поддѣлаться подъ ладъ рѣчей, какія говорились кругомъ, — но выходило далеко не то, чего ему хотѣлось. Говоря тогда напыщенно-таинственнымъ тономъ, почти шопотомъ, онъ тутъ же бухалъ съ плеча какую-нибудь слишкомъ откровенную матросскую штуку, и знать не хотѣлъ, что все это вмѣстѣ куда какъ не ладилось. Напротивъ, въ припадкѣ такихъ комедій, онъ постоянно воображалъ, что преотлично всѣхъ морочитъ.

Но и это было не надолго и потому, подобные переходы и неровности не мѣшали общему, пріятному впечатлѣнію. Нахимова любили и считали за счастіе служить у него подъ командой, несмотря даже и на то, что онъ, выступивъ въ море, терпѣть не могъ заходить въ порта и мучилъ всѣхъ безпрестанными эволюціями. Онъ любилъ пребываніе въ морѣ больше, чѣмъ на сушѣ: онъ чувствовалъ тамъ себя несравненно ловчѣе...

Синопскій бой[1]) придалъ Нахимову еще больше значенія. До той поры онъ былъ только добрымъ начальникомъ, извѣстнымъ одному Севастополю, а послѣ Синопа сдѣлался извѣстенъ всѣмъ. Любимое Черноморцами имя озарилось славой.

Само собою разумѣется, что съ этой минуты начали отыскивать въ героѣ геройскія свойства. Даже въ его тихихъ чертахъ находили нѣчто особенное и выразительное.

А Нахимовъ былъ все тотъ-же Павелъ Степановичъ Нахимовъ, простой и задушевный. Онъ мало заботился о своей славѣ и никакъ не думалъ, что объ немъ, старикѣ, такъ много сочиняютъ и хлопочутъ.

И вотъ начался для него другой Синопскій бой, — продолжительный, безконечный.

---

[1]) Художественный Листокъ 1854, № 7, и 1855, № 27.

Нахимовъ примѣнилъ къ новой стихіи, къ сухопутнымъ батареямъ, все то, что̀ выработалъ на морѣ. Онъ показалъ себя точно такимъ-же доступнымъ и снисходительнымъ начальникомъ для солдатъ, какимъ былъ для матросовъ. Это придало ему еще больше народности. Конечно, во время осады, не было въ Севастополѣ ни одного человѣка, кто бы не зналъ имени Нахимова. Бабы на базарѣ, торговавшія лукомъ и огурцами, и тѣ толковали о Нахимовѣ. Большинство Севастопольскаго народонаселенія знало его въ лицо.

Въ особенности онъ былъ народенъ на батареяхъ. «Ребяты, отецъ матросовъ идетъ!» говорили матросы, завидѣвъ его издали. Такъ-какъ батареи были изрыты траншеями и разгорожены траверсами, то прислугѣ у орудій, когда она встрѣчала Нахимова, никакъ нельзя было узнать, видѣлся-ли онъ передъ тѣмъ съ батарейнымъ командиромъ, или нѣтъ, и потому Нахимовъ, пользуясь этимъ, начиналъ обыкновенно съ ободреній: «Хорошо, ребята! Спасибо! Я сейчасъ видѣлъ вашего командира (а можетъ вовсе не видалъ: командиръ могъ находиться на другомъ фасѣ батареи) — онъ хвалилъ мнѣ вашу службу; молодцы!»

Кажется, чего проще этихъ словъ, а между тѣмъ очень немногіе ободряли солдатъ такимъ образомъ. Множество подобныхъ, повидимому незначительныхъ вещей выставляли Нахимова рельефно для простаго человѣка.

При каждомъ посѣщеніи батареи онъ имѣлъ случай сближаться съ народомъ больше и больше. Ту-же минуту къ нему подходилъ какой-нибудь изъ комендоровъ и дѣлалъ нѣсколько замѣчаній объ орудіи, изъ котораго стрѣлялъ. Разумѣется, кому же лучше знать свое орудіе, какъ не тому, кто цѣлый мѣсяцъ, или больше, наводитъ его на одну и ту же точку? Кому лучше видѣть всякую малѣйшую перемѣну въ извѣст-

номъ, небольшомъ пространствѣ поля, какъ не тому, кто смотритъ туда дни и ночи напряженнымъ окомъ, и выучилъ наизусть всѣ бугорки и рытвины? Тутъ ровно ничего не значитъ свѣжій человѣкъ, въ какомъ бы онъ ни былъ чинѣ, и хотя бы обладалъ зрѣніемъ телескопа. Тутъ адмиралъ пасуетъ передъ послѣднимъ матросомъ. Нахимовъ понималъ это лучше иного генія. Съ простотой и довѣрчивостью ученика выслушивалъ онъ комендора-профессора, смотрѣлъ, соображалъ и тотчасъ приказывалъ исполнить всякій дѣльный совѣтъ и замѣчаніе.

Конечно, не безъ того, чтобы ему не приходилось выслушивать иногда совершенныхъ пустяковъ. Но въ этомъ-то и была его заслуга: всякій бы пошелъ на одни дѣльные совѣты, а Нахимовъ выслушивалъ все, всякую нелѣпицу до конца, дожидаясь, не будетъ ли и тутъ хоть одного пригоднаго къ чему-нибудь слова, и часто, выслушавъ разскащика, говорилъ: «дуракъ, ничего не смыслишь! вотъ какъ велю тебѣ дать 25 леньковъ, такъ и узнаешь, какъ безпокоить начальника такимъ вздоромъ!»

Съ адъютантами своими адмиралъ обращался какъ съ дѣтьми. Сто разъ на дню побываетъ у нихъ въ комнатѣ. Иногда простишься съ нимъ совсѣмъ, зайдешь къ его флагъ-дѣтямъ, глядь: и онъ бѣжитъ туда-же, и заговаривается съ вами еще на полчаса.

Нахимовъ сильно не любилъ письмà и всякихъ счетовъ. «Вотъ, сказалъ онъ мнѣ однажды: возненавидѣлъ своего роднаго племянника за то, что онъ всякій день является вотъ съ эдакимъ портфелемъ! Заваливаютъ-съ! Гдѣ-бы можно прислать казака, тутъ пишутъ въ три листа бумагу, и читай, когда надо дѣлать, дѣлать!»

Деньги его и всѣ домашніе счеты были на рукахъ одного изъ его адъютантовъ, Фельдгаузена, весьма молодаго человѣка,

котораго Нахимовъ очень любилъ. Впрочемъ, онъ любилъ всѣхъ своихъ флагъ-офицеровъ и всѣ они казались ему почти одинаково хороши.

Въ числѣ загадочныхъ странностей этого почтеннаго человѣка можно упомянуть еще о томъ, что онъ постоянно ходилъ въ сюртукѣ и въ эполетахъ въ то время, когда они совершенно вышли изъ употребленія въ Севастополѣ. Онъ былъ одинъ, носившій тогда эполеты. Ближайшіе къ нему объясняли это тѣмъ, что будто бы онъ рядился для внушенія солдатамъ бодрости, чтобы видѣли, что у насъ все еще въ порядкѣ. Кажется, это такъ. Онъ и прежде приписывалъ эполетамъ магическое дѣйствіе. Въ Синопскій бой Нахимовъ былъ въ вицмундирѣ и во всѣхъ орденахъ. Замѣтивъ одного мичмана въ старомъ сюртукѣ, онъ послалъ его переодѣться. Покойникъ Истоминъ велъ себя въ этомъ отношеніи точно такъ же. О немъ говорили, что онъ и спитъ въ эполетахъ.

Нахимовъ не позволялъ почему-то снимать съ себя портрета, называя это тщеславіемъ, хотя тутъ крылось что-нибудь другое. Когда просили его объ этомъ, онъ говорилъ: «что рисовать меня старика, вотъ рисуйте А — ва!»

Да едвали, въ самомъ дѣлѣ, можно было снять его точь-въ-точь, такимъ, какимъ мы его видали. Значеніе, которое имѣлъ Нахимовъ въ Севастополѣ, заставляло нисколько не думать о его сюртукѣ съ дымчатыми, старыми эполетами; не смотрѣть на его короткія брючки; не видать его оригинально подбритыхъ и подстриженныхъ усовъ.

Будучи произведенъ въ полные адмиралы, онъ носилъ все тѣ же дымчатые контръ–адмиральскіе эполеты, которые были старше Чернаго моря. Когда его стали хоронить, ему надѣли новые эполеты, найденные въ комодѣ, но и тѣ были ниже однимъ чиномъ.

Въ заключеніе замѣчу, что Нахимовъ не любилъ женщинъ. Было-ли это слѣдствіемъ особенныхъ условій характера и воспитанія, или другихъ какихъ причинъ, — рѣшить трудно. Иные объясняютъ это неудачами въ любви, которыя горько отозвались въ такомъ нѣжномъ сердцѣ, весь вѣкъ стремившемся любить. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ словахъ его и поступкахъ прорывалось иногда нѣчто такое, что̀ допускаетъ подобныя объясненія. Павелъ Степановичь постоянно остерегалъ молодыхъ людей отъ опасныхъ сближеній съ хорошенькими, и если замѣчалъ, что кто-нибудь изъ подчиненныхъ ему офицеровъ начинаетъ увлекаться, онъ не отходилъ отъ него ни на шагъ и старался всѣми мѣрами, дружескими и начальническими, разсѣять увлеченіе въ самомъ зародышѣ. Иногда говорилъ прямо: «уѣзжайте, она васъ погубитъ, я ужь знаю»...

Въ послѣднее время, будучи губернаторомъ Севастополя, онъ совершенно нечаянно отплатилъ своимъ непріятельницамъ за всѣ безпорядки, занесенныя ими во флотъ: онъ выслалъ ихъ изъ города и даже запретилъ имъ жить на военныхъ судахъ.

Говорятъ, однажды, встрѣтивъ на Южной сторонѣ какую-то случайно залетѣвшую птицу, онъ рѣшился ей замѣтить: «вамъ, можетъ быть, не на чѣмъ отсюда переѣхать? Не угодно-ли я прикажу дать гичку!»

Дамы сердились на него за такой остракизмъ, представлявшійся имъ рѣшительнымъ притѣсненіемъ. А когда умеръ, всѣ онѣ заплакали о немъ прежде насъ и пошли поклониться его праху.

Таковъ былъ Нахимовъ. Доброта-ли его, скрытые-ли проблески генія, который, какъ алмазъ, таится иногда подъ непроницаемой корой, или наконецъ, подготовленныя къ тому обстоятельства времени, только имя Нахимова стало для насъ дорогимъ именемъ, и ни одна потеря, кромѣ потери самого Сева-

стополя, не отозвалась такъ во всѣхъ сердцахъ, какъ смерть незабвеннаго адмирала, честно и добросовѣстно отслужившаго свою службу Россіи. Ни однѣ похороны не справлялись въ Севастополѣ такъ, какъ похороны Нахимова. Онъ привлекъ сердцà всѣхъ. Объ немъ говорили, страдали и плакали не только мы, на холмахъ, орошенныхъ его кровью, но и вездѣ, во всѣхъ отдаленныхъ уголкахъ безконечной Россіи. Вотъ гдѣ его Синопская побѣда!

V.

Іюль мѣсяцъ. — Концертъ Воробейчика. — Нѣсколько обыденныхъ случаевъ на бастіонахъ. — Смерть Прасковьи Ивановны Графовой. — Бѣглый очеркъ ея Севастопольской жизни. — Саранча. — Приготовленія къ битвѣ на Черной рѣчкѣ. — Мнѣнія Хрулева. — Отъѣздъ на Мекензіеву гору. — Бивакъ. — Ночь. — Позиція союзниковъ. — Битва 4-го августа. — Прежній Александръ Ивановичь. — Уходъ за раненными.

—

Іюль начался и прошелъ безъ всякихъ особенныхъ событій. Изъ числа частныхъ, немного выдающихся произшествій, можно упомянуть о свадьбѣ одного офицера Охотскаго полка: онъ выписалъ къ себѣ невѣсту изъ Волынской губерніи. Какихъ хлопотъ и безпокойствъ стоило ей проѣхать это пространство при тогдашнемъ разстройствѣ станцій! Молодые поселились на Сѣверной сторонѣ и устроили у себя пріемный салонъ изъ четырехъ офицерскихъ палатокъ. Дѣло было не совсѣмъ

15

обыкновенное для осажденнаго города, а потому и салонъ казался необыкновеннымъ, и въ немъ засиживались необыкновенно долго за чаями и за картами.

Воробейчикъ далъ 10-го числа концертъ на Павловскомъ мыскѣ, въ пользу раненныхъ. Народу собралось человѣкъ 300. Онъ сталъ думать о другомъ концертѣ, въ залѣ Собранія, нѣсколько пошире и позамысловатѣе. Мы уже толковали о выборѣ піесъ. Я обѣщалъ ему напечатать въ Штабѣ афишки и билеты... какъ вдругъ онъ получилъ приказаніе готовить музыкантовъ совсѣмъ къ другому концерту. Стали говорить о намѣреніи главнокомандующаго открыть наступательное движеніе со стороны Черной рѣчки. Мы были въ это время въ самыхъ большихъ силахъ, въ какихъ не были ни прежде, ни послѣ. Но вѣрнаго объ этомъ движеніи не зналъ никто, и потому, поговоривъ нѣсколько дней, всѣ умолкли, и обратились опять къ Севастополю.

Мы, фрегатскіе, вели все ту-же, довольно регулярную жизнь: ѣздили на Южную, заглядывали на Сѣверный базаръ, устроивали прогулки къ Волоховой башнѣ [1]), чтобы видѣть закатъ солнца въ море. По временамъ являлись къ намъ бастіонные пріятели, отдохнуть на денекъ, на два, или хоть на нѣсколько часовъ. Ради дорогихъ гостей, всякій разъ придумывалось какое-нибудь прибавленіе въ столѣ: пирогъ, паштетъ, и послѣ обѣда шоколадъ, вмѣсто обычнаго кофею.

Сколько по этому поводу припоминается мелочей, которыя въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ были бы конечно забыты. Я помню, съ какимъ удовольствіемъ ходили мы съ однимъ офицеромъ отыскивать живыхъ поросятъ въ Сухую балку...

---

[1]) Волохова башня стояла неподалеку отъ берега моря, вправо отъ Константиновской батареи.

Отъ чего все это такъ живо и крѣпко въ памяти? Или наши чувства, среди тревогъ, напрягаются сильнѣе, и этотъ подавленный страхъ и притаившаяся гдѣ-то привязанность къ существованію, пробиваются наружу въ такихъ мелкихъ интересахъ, и могутъ дать цѣну самымъ ничтожнымъ явленіямъ жизни?...

Въ числѣ батарейныхъ посѣтителей пришелъ къ намъ однажды, въ половинѣ іюля, братъ нашего штурманскаго офицера, служившій на 6-мъ бастіонѣ, и разсказалъ за чаемъ нѣсколько обыденныхъ происшествій того времени.

Былъ у нихъ матросъ 36-го экипажа Зелинскій, состоявшій комендоромъ при 8-мъ орудіи. Онъ отличался баснословной мѣткостью стрѣльбы изъ своего орудія. Однажды, стрѣляя бомбами по старой 9-ти-орудійной непріятельской батареѣ, находившейся въ 800-хъ саженяхъ отъ бастіона, онъ засыпалъ четыре амбразуры, одну за другой, причемъ у одного орудія подбилъ станокъ. Начальникъ отдѣленія, видѣвшій это, далъ Зелинскому три рубли серебромъ; батарейный командиръ два, одинъ изъ постороннихъ офицеровъ — пять. «Ну, ребята, теперь покутимъ!» сказалъ лихой комендоръ своимъ товарищамъ, прислугѣ того же орудія [1]), и улучивъ свободную минуту, отправился съ ними въ ближайшій трактиръ выпить водки, а до тѣхъ поръ онъ не пилъ ни капли. Стали гулять. Деньги у Зелинскаго лежали подъ фуражкой, на скамьѣ. Когда пришлось расплачиваться, онъ хвать, а денегъ нѣтъ! «Что же, братцы, вы меня обижать? нѣтъ, я не позволю!» И съ этимъ словомъ бацъ одного подозрительнаго. Пьяные матросы кинулись на угощателя и порядочно его помяли. Зелинскій воротился на бастіонъ послѣднимъ, весь въ крови, и еще не совсѣмъ

---

[1]) У каждаго орудія должно быть 12 человѣкъ прислуги, которыя называются *номерами:* № 1-й, № 2-й и т. д. У бомбическаго орудія 16 номеровъ.

трезвый; упалъ на свое орудіе, заплакалъ и сказалъ: «только ты меня не обижаешь!» Батарейный командиръ велѣлъ его убрать. Матросы подошли, какъ вдругъ Зелинскій размахнулся и зашибъ одного совсѣмъ... на другой день ему дали 500 леньковъ. Матросы не охотно исполняли наказаніе, говоря, что они всѣ его прощаютъ. «Да я-то себя не прощаю! сказалъ имъ Зелинскій: эхъ, братцы, спасибо еще, что помиловали: не то бы со мной надо сдѣлать, а поставить въ амбразуру и убить изъ ружья!»

Послѣ того онъ сталъ по прежнему стрѣлять изъ своего орудія, — и въ ротъ ни капли.

Случалось иногда, что онъ былъ не доволенъ своими выстрѣлами, или выстрѣлами товарищей, и ночью пробирался ползкомъ за валъ, мимо непріятельскихъ секретовъ, и тамъ слѣдилъ за нашими выстрѣлами. «Гадко, ребята, Французъ смѣется!» говорилъ онъ, воротясь на бастіонъ, весь въ грязи: «бери правѣе, вотъ по этому бугру! черезъ четверть часа я тамъ буду!» и опять уползалъ за ложементы. «Ну вотъ, такъ хорошо!» говорилъ онъ воротясь снова: «Французъ ушелъ!» а иногда говорилъ: «опять гадко: совсѣмъ не туда!»

Зелинскій былъ 5 разъ контуженъ, но не уходилъ съ бастіона.

Однажды ранило его осколкомъ пули, разбившейся объ орудіе. Пришлось отправляться на перевязочный пунктъ, котораго матросы и солдаты боялись пуще Богъ знаетъ чего [1]). Ему сдѣлали перевязку и велѣли прійдти на другой день показать. «Нѣтъ! шутишь! больше не приду!» и въ самомъ дѣлѣ не

---

[1]) Еще больше боялись они Гущина дома (близъ бульвара Казарскаго, между Екатерининскою и Морскою улицами) куда велѣно было относить безнадежныхъ.

пошелъ; сталъ примачивать рану водой и водкой — и она зажила.

Другой матросъ Бадюкъ былъ раненъ пулей въ голову, такъ, что она прошла по черепу, ото лба до затылка, разрѣзавъ кожу до кости. Его снесли на перевязочный пунктъ, сдѣлали перевязку и онъ, въ тотъ же день, сталъ опять проситься на бастіонъ. «Да куда ты тамъ годишься? ты едва живъ!» сказали ему. «Нѣтъ ужь, пустите, заставьте за себя Богу молить!» Его отпустили и онъ больше не являлся; лечилъ голову какими-то своими притираньями, какъ говорится «травкой-фуфоркой» и рана закрылась безъ всякихъ послѣдствій.

Былъ еще на 6-мъ бастіонѣ матросъ Самсоненко, смѣлый до крайности, если не сказать, до глупости.

Надо знать, что солдаты, назначаемые въ стрѣлки на бастіонъ, бывали всегда, на первыхъ порахъ, трусоватѣе матросовъ, обстрѣлянныхъ съ самаго начала.

Самсоненко, замѣтивъ однажды, что нѣсколько новоприбывшихъ стрѣлковъ, сдѣлавъ выстрѣлъ, жмутся къ боку, подошелъ къ нимъ и сталъ ихъ усовѣщивать: «что вы прячетесь? Богъ захочетъ сохранить, никакая пуля не тронетъ!» «Да ты вотъ сядь на валъ, да оттуда и разговаривай!» отвѣтилъ ему одинъ затѣйливый солдатъ. Самсоненко, не возражая ни слова, ту же минуту взобрался на валъ, сѣлъ къ непріятелю задомъ и закурилъ трубку. Онъ сидѣлъ нѣсколько минутъ, осыпаемый пулями, пока батарейный командиръ не приказалъ ему слѣзть, чему, вѣроятно, былъ радъ и онъ самъ, и товарищи, любившіе Самсоненко, какъ исправнаго и лихаго матроса.

Еще случилось такое произшествіе и все на томъ же 6-мъ бастіонѣ.

Солдатамъ и матросамъ работающимъ въ траншеяхъ, за валомъ, постоянно запрещалось возвращаться на бастіонъ черезъ амбразуры, а они, какъ водится, все-таки возвращались.

Однажды ночью, солдатъ, работавшій во рву, вздумалъ воротиться этимъ сокращеннымъ способомъ. Часовой, стоявшій въ амбразурѣ, окликнулъ: кто идетъ? — и послѣ троекратнаго оклика не получая отвѣта, махнулъ штыкомъ, но къ счастію тотъ увернулся и закричалъ: «Сенька! что̀ ты дѣлаешь: это я! мы съ тобой одной роты!» — Чтожь ты не отзываешься, отвѣчалъ часовой Сенька, когда тебя окликаютъ? Ты по крайности отзовись! — «Да я тебя узналъ, думалъ, что и ты меня узналъ, что я свой!» — Далъ бы я тебѣ своего! отвѣчалъ простодушно Сенька; тѣмъ дѣло и кончилось.

Противъ 5-го бастіона, послѣ одной вылазки, лежалъ убитый французскій штабъ-офицеръ. Массивная золотая цѣпочка протягивалась по его груди и блестѣла на солнцѣ. Но ни намъ, ни имъ нельзя было достать эту цѣпочку, предполагавшую при себѣ, конечно, и часы. У насъ однако стали проситься нѣсколько матросовъ; одному было разрѣшено, и онъ поползъ ту же минуту, среди бѣла̀ дня. Французы подпустили его къ убитому, и даже позволили взяться за цѣпочку, но тутъ сверкнуло нѣсколько выстрѣловъ и матросъ покатился кубаремъ, ни пикнувъ. Кажется, было ясно, что идти нельзя, однако же выпросился еще одинъ матросъ, и думалъ схитрить половчѣе, но и онъ завертѣлся. Больше не пустили никого, хотя просилось много. Къ ночи, охотниковъ попытать счастья, собралась цѣлая толпа. Командиръ долго не соглашался, наконецъ пустилъ — и цѣпочка съ часами явилась на бастіонѣ.

26-го іюля была убита на Малаховомъ курганѣ Прасковья Ивановна, о которой я уже упомянулъ. Ее знали всѣ. Это была толстая, здоровая баба, происхожденіемъ купчиха, лѣтъ сорока, не глупая, но имѣвшая обыкновеніе чудить и прикидываться дурой и дурой несносной.

Прасковья Ивановна прибыла изъ Петербурга въ одно время съ сестрами милосердія и сначала пристроилась къ ихъ об-

щинѣ, но ужиться съ ними не могла. Ее помѣстили на Павловскій мысокъ, вмѣстѣ съ какою-то старушкой, въ одномъ изъ домовъ, служившихъ прежде складочными магазинами, а на ту пору занятыхъ подъ перевязочный пунктъ. И тутъ не ужилась эта баба: выкинула однажды за окно пожитки своей сожительницы и грозилась ее самое спустить туда же. Старуха жаловалась; Прасковьѣ Ивановнѣ велѣли убираться съ мыска; она пошла къ Хрулеву (съ которымъ умѣла познакомиться нѣсколько прежде) и стала говорить, что ее обижаютъ, что вотъ то и то. «Ну, хочешь ко мнѣ на бастіонъ?» спросилъ у ней Хрулевъ.

— Отъ чего не хотѣть: возьми! — И она поселилась на 4-мъ отдѣленіи, гдѣ была очень полезна при перевязкахъ, не уступая въ ловкости любому фельдшеру и въ смѣлости самому отчаянному матросу.

Однако же она не любила сидѣть на одномъ мѣстѣ, а разгуливала по всему лѣвому флангу, руководствуясь бо̀льшею частію указаніями желудка: вертѣлась чаще тамъ, гдѣ лучше ѣли. Въ приступъ 6-го іюня ее принесло какимъ-то случаемъ, или завтракомъ, на Пересыпку, гдѣ она, подъ непріятельскими выстрѣлами, перевязала собственными своими руками 183 человѣка [1]).

Жила и ночевала она также въ разнымъ мѣстахъ и блиндажахъ 3-го и 4-го отдѣленія, но преимущественно все таки пребывала на Малаховомъ курганѣ, считая блиндажъ Керна своимъ блиндажемъ. И тамъ, на батареяхъ, не оставляла она своихъ привычекъ и чудачествъ, которыя забавляли солдатъ и офицеровъ: обливалась всякій день холодной водой, раздѣваясь донага при всѣхъ, и болтала безпрестанно какой-нибудь вздоръ

---

[1]) Число невѣроятное, но такъ говорили у насъ въ штабѣ, куда пришли эти вѣсти прямо съ батареи.

скоромнаго содержанія. Постоянной поговоркой ея было: «будь веселъ!» Эта баба дѣйствительно никогда не унывала.

Наконецъ объ ней узналъ главнокомандующій и велѣлъ позвать ее къ себѣ. Прасковья Ивановна отправилась въ Инкерманскій лагерь верхомъ, на сѣромъ жандармскомъ конѣ, сѣвши по-мужски, ноги въ стремена, и все въ томъ-же коричневомъ платьѣ сестеръ милосердія, котораго не оставляла никогда, и въ чепцѣ въ родѣ лапуха.

Главнокомандующій благодарилъ ее за службу, и обѣщалъ наградить. «Да ты какъ меня наградишь?» спросила она своимъ безцеремоннымъ тономъ: «ты, можетъ быть, хочешь мнѣ дать анну въ петлицу: я не возьму! Ты дай мнѣ на шею!» А ей просто-за-просто хотѣлось какой нибудь медали, но, какъ смѣтливая баба, она знала, что надо просить чего нибудь выше, а то пожалуй и ничего не дадутъ.

Пробывши на Инкерманѣ всего какихъ нибудь полчаса, Прасковья Ивановна успѣла заглянуть въ землянки знакомыхъ ей генераловъ и даже отрекомендовалась новымъ.

Когда ранили Нахимова, она плакала довольно подозрительно и все трубила, что она первая прибѣжала къ нему на помощь. При похоронахъ толклась у его гроба, ставила во всеувидѣніе свѣчи, молилась съ разными вскриками и всѣмъ надоѣла своимъ плачемъ и безотвязными разсказами, что вотъ она-то, да то-то...

26 іюля, въ 5-мъ часу послѣ обѣда, Прасковья Ивановна сидѣла на бревнахъ, противъ входа въ Малахову башню, и ѣла шоколадъ, привезенный изъ города лейтенантомъ Вульфертомъ. Вульфертъ сидѣлъ тутъ же, у дверей блиндажа генерала Буссау, лицемъ къ Прасковьѣ Ивановнѣ, саженяхъ въ двухъ отъ нея. Рядомъ съ нимъ сидѣли: майоръ Сѣвскаго полка Львовъ, и капитанъ того же полка Тризна. Шоколадъ подалъ поводъ къ разговорамъ, до которыхъ Прасковья Ивановна была

вообще охотница... вдругъ изъ-за башни бомба! Не долетѣвъ до земли аршинъ четырехъ, она разрѣшилась и взбросила Прасковью Ивановну на одинъ блиндажъ, оторвавъ у ней лѣвую руку и правую ногу. Изъ сидѣвшихъ насупротивъ офицеровъ никто не былъ раненъ; только одного слегка контузило.

27 іюня пролетѣла черезъ нашъ лагерь саранча, или, какъ называли ее солдаты, «саранà.» Она летѣла около часу, растянувшись верстъ на 15. Хвостъ ея висѣлъ надъ моремъ. Трудно представить, не видавши, чтò это за туча, неудержимая и неотвратимая. Издали она похожа на взвѣваемую мякину, а когда налетитъ, — вы увидите себя въ какомъ-то шумномъ, подвижномъ облакѣ бураго цвѣта. Надо закрыться и бѣжать: она лепитъ и бьетъ пуще дождя. Наши солдаты, по всему лагерю, вздумали кидать въ нее фуражки; сотни фуражекъ взвились вверхъ, но разумѣется, это ей было какъ ничего.

Около недѣли прыгала сарана по Инкерману, оголивши всѣ наши кусты. Казаки ловили ее и показывали намъ ея красивыя крылья, увѣряя, что на нихъ написано по-халдейски: *кара Божья.*

Сарана была для насъ дурнымъ предзнаменованіемъ.

Въ это время уже говорили громко о предстоящемъ наступательномъ движеніи съ нашей стороны. Всюду замѣтны были серьозныя приготовленія къ бою. Войска сдвигались, по ночамъ, къ Черной рѣчкѣ. Отданъ былъ приказъ, чтобы медики при полкахъ находились въ сборѣ.

Цѣлію предполагаемаго наступленія было — удержать непріятеля на нѣсколько времени отъ штурма, покамѣстъ будетъ готовъ мостъ, съ Южной стороны на Сѣверную. Въ слѣдствіе чего пунктомъ нападенія избрали тылъ непріятеля, дабы отвлечь туда силы союзниковъ и заставить ихъ заняться укрѣпленіемъ этой части.

Но не шутка было атаковать такую позицію, какую непріятель имѣлъ на Ѳедюхиныхъ. — Въ нашихъ распоряженіяхъ чувствовалась какая-то нерѣшительность. Много разъ собирались совѣты. Большинство одобряло движеніе на Черную рѣчку. Хрулевъ, съ немногими, былъ противъ. Онъ подалъ главнокомандующему 4 докладныя записки, отъ 25, 26, 28 и 30 іюля (1855), изъ которыхъ въ первой совѣтуетъ дѣйствовать одною совокупною массой, въ 65 тысячъ человѣкъ, съ 3-го и 4-го отдѣленій, на пространствѣ между Лабораторной балкой и Киленбалкой: пробить центръ непріятельской позиціи и овладѣть Сапунъ-горой, а потомъ и Зеленой Горкой, подъ прикрытіемъ батарей лѣваго фланга и пароходовъ. Успѣшное окончаніе этого предпріятія доставляло намъ, по мнѣнію генерала, всѣ дороги Сапунъ-горы, Саперную, а также и Инкерманскій мостъ.

Въ запискѣ отъ 26 іюля Хрулевъ объясняетъ безполезность движенія на Ѳедюхины, предсказывая цыфру нашей потери, если мы направимъ туда свою атаку.

Въ 3-й запискѣ, упомянувъ опять о безполезномъ движеніи со стороны Черной рѣчки, генералъ Хрулевъ снова совѣтуетъ напасть на Сапунъ-гору и Зеленую, или, наконецъ, оставить Севастополь, сохранивъ армію.

Въ послѣдней запискѣ генералъ Хрулевъ опять предлагаетъ оставить городъ, и переправивъ войска съ Южной на Корабельную, соединить ихъ съ войсками Слободки, что̀ составитъ 75 тысячъ человѣкъ; двинуться на Сапунъ-гору и занять пространство отъ Делагардіевой балки къ Старому редуту, до спуска Южнобережскаго шоссе съ Сапунъ-горы. Такимъ образомъ открылась бы новая линія укрѣпленій, втрое короче занимаемой. 25 тысячъ войска были бы въ состояніи ее охранить, а остальная армія могла быть употребляема, по мѣрѣ надобности, въ разныхъ пунктахъ.

Но такъ-какъ большинство было въ пользу движенія на Ѳедюхины горы, то и рѣшено готовить войска къ наступленію съ этой стороны.

Планъ этого движенія былъ слѣдующій:

Въ долинѣ Черной рѣчки, между Ѳедюхиными горами и Балаклавскимъ хребтомъ, находилась одна господствующая возвышенность, называемая Гасфортовою горою.

Такъ-какъ непріятель не имѣлъ на ней большихъ силъ и значительныхъ укрѣпленій [1]), то и было предположено быстрымъ и неожиданнымъ натискомъ занять эту гору, для чего назначены: часть 6-й и 12-й пѣхотныхъ дивизій и вся 17-я дивизія, съ ихъ артиллеріей; весь отрядъ подъ начальствомъ генерала Липранди [2]).

---

[1]) За нѣсколько времени передъ тѣмъ сдѣлана была рекогносцировка генералъ-майоромъ Веймарномъ; съ небольшимъ отрядомъ казаковъ. Пьемонтцы, содержавшіе аванпосты на Телеграфической горѣ, допустили насъ къ первой линіи своихъ укрѣпленій, отступивъ сами ко второй и, неизвѣстно почему, не сдѣлавъ по насъ ни одного выстрѣла, хотя и были чрезвычайно близко и въ превышающихъ силахъ. Казаки наши долго не рѣшались итти и пошли уже тогда, когда Веймарнъ самъ выѣхалъ впередъ и первый явился на пьемонтской батареѣ. Мы осмотрѣли эту батарею во всѣхъ подробностяхъ.

[2]) Вотъ полный составъ этого отряда:

6-й пѣхотной дивизіи Низовскій и Симбирскій егерскіе полки — 8 батальоновъ.

12-й пѣхотной дивизіи Днѣпровскій полкъ — 4 батальона. При нихъ: 4-я батарейная батарея 6-й артиллерійской бригады — 12 орудій, и 8-я легкая той же бригады — 8 орудій. — 1-я батарейная батарея 7-й артиллерійской бригады — 12 орудій, и взводъ горной артиллеріи — 2 орудія.

17-я пѣхотная дивизія — 16 батальоновъ. При ней: 1-я батарейн. батарея 16-й артиллер. бригады — 12 орудій; 2-я легкая той-же бригады — 8 орудій, и 3-я батарейн. батарея 17-й артил. бригады — 8 орудій.

Кромѣ того:

3-й стрѣлковый батальонъ; 6-го стрѣлк. батальона 3 роты; 3-го сапернаго батальона одна рота, 6-го саперн. батальона одна рота; Греческій легіонъ и двѣ сотни Донскаго казачьяго № 9-го полка.

Всего $30^1/_4$ батальоновъ, 1 легіонъ, двѣ сотни и 62 орудія.

Но дабы непріятель не могъ догадаться съ перваго разу о нашемъ намѣреніи, рѣшено было повести предварительно фальшивую атаку на мостъ и Ѳедюхины горы, для чего назначены: вся 7-я и часть 12-й пѣхотной дивизіи, при 62-хъ орудіяхъ, и подъ прикрытіемъ двухъ кавалерійскихъ полковъ: уланскаго и казачьяго, весь отрядъ подъ начальствомъ генералъ-отъ-кавалеріи Реада [1]).

Оба отряда двинутся съ Мекензіевой горы, въ одно время, одинъ за другимъ, причемъ Липранди упреждаетъ Реада и очищаетъ себѣ дорогу къ Гасфортовой горѣ, сбивая передовыя непріятельскія укрѣпленія на предшествующей ей Телеграфической горѣ, занятой, какъ сказано выше, Пьемонтскими аванпостами.

Генералъ Реадъ идетъ къ мосту и расположивъ свою артиллерію на выгодныхъ пунктахъ, въ разстояніи малаго пушечнаго выстрѣла отъ рѣки, открываетъ огонь. «Если будетъ особое приказаніе, то двинуться впередъ, на Ѳедюхины, а до тѣхъ поръ стоять на мѣстѣ.»

Когда главныя непріятельскія силы, именно 3 французскія дивизіи, расположенныя на Ѳедюхиныхъ, увлекутся въ дѣло съ отрядомъ Реада, пѣхота генерала Липранди устремляется на Гасфортову гору, и туда же присоединяется и Реадъ съ 7-ю

---

[1]) Вотъ полный составъ этого отряда по диспозиціи:

7-я пѣхотная дивизія — 4 полка 3-хъ батальоннаго состава — 12 батальоновъ. При нихъ 8-я артиллерійская бригада: 12 орудій батарейныхъ и 22 легкихъ. Всего людей около 4,500.

12-я пѣхотн. дивизія, 3 полка 4-хъ батальоннаго состава — 12 батальоновъ. При нихъ 14-я артил. бригада: 12 орудій батарейныхъ и 12 легкихъ. Всего людей въ дивизіи около 5 т.

Кромѣ того 2-й стрѣлковый батальонъ. Одна рота 2-го сапернаго батальона. Уланскій полкъ — 8 эскадроновъ. При немъ 4 конныхъ орудія, и Донской казачій 37-й полкъ, 6 сотенъ.

Итого: $25^1/_4$ батальоновъ, 8 эскадроновъ, 6 сотенъ и 62 орудія.

и 12-ю дивизіями, оставя у моста одну артиллерію, подъ прикрытіемъ кавалерійской колонны.

Утвердившись на Гасфортовой горѣ, съ большимъ количествомъ орудій, мы могли бы дѣйствовать ими въ тылъ войскъ, атакующихъ городъ, и поставить ихъ между двухъ огней.

Одновременно съ этой атакой предполагалось другое наступательное движеніе изъ двухъ пунктовъ Корабельной:

1) Съ батареи Жерве и Будищева, и 2) съ Рогатки, чтò между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастіономъ.

Для сего назначены: *на правое крыло:* 11-я пѣхотная дивизія, 2-я бригада 14-й пѣхотной дивизіи и батальонъ моряковъ, всего до 10 тысячъ человѣкъ.

На лѣвое крыло: 8-я пѣхотная дивизія, 1-я бригада 16-й пѣхотн. дивизіи, и 1-я бригада 9-й пѣхот. дивизіи, всего 10,200 человѣкъ.

По сигналу съ Мекензіевой горы, войскà праваго крыла, раздѣлясь на двѣ линіи, спускаются въ Доковый оврагъ и, обойдя непріятельскіе подступы, атакуютъ ихъ съ фланга и Камчатскій редутъ съ фланга и съ тыла.

1-ю линію (на этомъ крылѣ) составятъ полки: Якутскій и Охотскій, подъ командой полковника Малевскаго.

2-ю — полки Селенгинскій и Камчатскій, подъ командой генералъ-маіора Голева.

Обѣими линіями командуетъ генералъ-маіоръ Сабашинскій.

Въ то время, какъ 1-я линія атакуетъ подступы и редутъ, 2-я подвигается но оврагу и прикрываетъ атакующія войскà.

Въ резервѣ у нихъ находится 2-я бригада 14-й п. дивизіи и батальонъ моряковъ, подъ командой полковника Аленникова.

Всѣ войскà праваго крыла состоятъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Хрулева.

Лѣвый флангъ, раздѣлясь на 4 эшалона, остается сначала на куртинѣ и выдвигается частями, въ такомъ случаѣ, если непріятель станетъ угрожать атакующимъ съ лѣваго ихъ фланга.

1-й эшалонъ составитъ 1-я бригада 16-й пѣхот. дивизіи, подъ командой генералъ-маіора барона Дельвига.

2-й — 1-я бригада 9-й п. дивизіи, подъ командой генералъ-маіора Юферова.

3-й — 1-я бригада 8-й п. дивизіи.

4-й — 2-я бригада 8-й п. дивизіи.

Оба послѣдніе эшалона состоятъ подъ командой генералъ-адъютанта князя Урусова.

Всѣ же войска лѣваго фланга поручаются генералъ-маіору Лысенкѣ.

—

2-го августа мы прочли печатный приказъ о назначеніи перевязочныхъ пунктовъ на 3-е число.

Я долженъ былъ находиться во время боя при дежурномъ генералѣ, и потому, прочтя приказъ, уже не поѣхалъ, по окончаніи занятій, на фрегатъ, а остался ночевать въ лагерѣ, на какой-то телегѣ, но не могъ сомкнуть глазъ: меня кусали наши маленькіе лагерные враги и волновали ожиданія битвы.

Слѣдующій день (3-е августа) весь прошелъ въ тревогахъ. Я умѣлъ позаботиться только объ лошади; все остальное рѣшительно не шло въ голову.

Вѣроятно, большинство читателей не знаетъ вовсе, что̀ такое сраженіе, биваки, перевязочные пункты, и потому я разскажу подробно все, что̀ видѣлъ наканунѣ битвы, въ самую битву и послѣ.

Мы выѣхали передъ вечеромъ 3-го августа, вдвоемъ съ однимъ офицеромъ Азовскаго полка. У него былъ провожатымъ

казакъ, у меня мой кучеръ, дѣтина самыхъ простыхъ свойствъ, уроженецъ средней, степной полосы Россіи. Онъ еще меньше моего думалъ о томъ, чѣмъ мы будемъ питаться на Мекензіевой горѣ, гдѣ назначался нашъ привалъ передъ битвой.

Мой товарищъ и его казакъ попались намъ подъ стать: всѣ мы ровно ни о чемъ не думали, кромѣ сраженія.

Трудно, невозможно передать состоянія души передъ битвой, этого пріятнаго и страннаго безпокойства. Мнѣ случалось ожидать любимую женщину. Почти также, съ тѣмъ же нетерпѣніемъ и лихорадкой ожидалъ я битвы. Другаго сравненія не приберу...

Мы ѣхали шагомъ, обгоняя войскà, фургоны, зарядные ящики. Страшныя массы штыковъ двигались по дорогѣ, довольно ровной и широкой. Конца не было стройно-колыхавшимся штыкамъ.

Направо и налѣво отъ насъ шли мелкіе дубовые и орѣховые кусты, середи свѣже-срубленныхъ пеньковъ. Мы часто сворачивали въ эти кусты, чтобы объѣхать нѣсколько полуфурковъ, или колонну солдатъ. На половинѣ пути намъ встрѣтился Азовскій полкъ, стоявшій въ сторонѣ, на бивакахъ, совсѣмъ готовый къ бою [1]). Мы слѣзли съ лошадей и подошли къ кучкѣ офицеровъ, — однополчанъ моего товарища. Разговоръ завязался живо и весело. Никто-жъ не думалъ, что черезъ нѣсколько часовъ половины говорившихъ не будетъ на свѣтѣ. Однако же въ нашихъ бесѣдахъ все-таки было что-то странное, какое-то замираніе, жажда поговорить еще...

Кругомъ ложилась тьма. Кое-гдѣ блестѣлъ далеко штыкъ, а сзади раздавались мѣрные шаги проходившихъ полковъ.

Надо было проститься. Мы сѣли опять на коней и трону-

---

[1]) Черезъ часъ послѣ того онъ двинулся, вмѣстѣ съ другими полками 12-й дивизіи, по направленію къ Черной рѣчкѣ.

лись кустами. Скоро стемнѣло совсѣмъ. Въ лагеряхъ, разбросанныхъ кругомъ дороги, загорѣлись огни. Я спросилъ у одного солдата: «гдѣ Штабъ 6-го корпуса?» [1]) — А вонъ тамъ, гдѣ деревья! — отвѣчалъ онъ. Вдали, на свѣтѣ неба, дѣйствительно можно было разглядѣть нѣсколько невысокихъ стволовъ. Это были деревья, оставленные офицерами 6-го корпуса, частію для красы и тѣни, частію для поддержки палатокъ. Остальное все было вырублено.

Мы подъѣхали къ этимъ деревьямъ и стали отыскивать своихъ товарищей, но ничего нельзя было разобрать въ потьмахъ. Пылавшіе костры били пламенемъ въ глаза и еще больше мѣшали видѣть предметы. Люди шевелились какъ черныя тѣни. Безпрестанно мелькали верховые, чаще всего казаки. Мы стали спрашивать сотника Попова [2]). Послѣ третьяго вопроса намъ указали на огни, влѣво отъ деревьевъ... Смотримъ: и сотникъ Поповъ! Все стало узнаваться. Огни освѣтили еще нѣсколько знакомыхъ лицъ. Мы слѣзли и пошли кустами, середи лошадей, привязанныхъ къ пенькамъ и кормившихся дубовымъ листомъ и клочками брошеннаго имъ сѣнца. Все это глядѣло весьма однообразно: лошади и кусты, кусты и лошади, огни и казаки, двигавшіеся темными тѣнями; такъ что, сдѣлавъ шагъ, уже забывалъ гдѣ былъ и не зналъ, какъ воротиться назадъ. Такъ по крайней мѣрѣ было со мной на первыхъ порахъ, а сотникъ Поповъ и его казаки расхаживали тамъ какъ дома.

Пройдя немного, мы увидѣли нѣсколько палатокъ, ярко освѣщенныхъ внутри. Они нарѣзывались на темномъ фонѣ ночи

---

[1]) Нашъ бивакъ былъ подлѣ него.

[2]) Сотникъ — поручикъ. Сотникъ Поповъ командовалъ казаками, принадлежавшими собственно къ Главному штабу, или точнѣе къ дежурству Главнаго штаба, и былъ весьма распорядительный офицеръ, хорошій хозяинъ и добрый товарищъ.

какъ свѣтлыя окна. Подлѣ одной палатки лежало на коврѣ 5 — 6 офицеровъ, все люди знакомые. Они улаживали чай. Случилось забавное произшествіе: кто-то привезъ шкатулку съ чаемъ, а ключъ отъ ней забылъ на Инкерманѣ. Пошли собирать по всему лагерю ключи, шкатулку отперли — и чай уладился мигомъ. О, какъ славно пилось! Какъ пріятно лежалось! Таинственный, такъ сказать, замиравшій мало-по-малу сумракъ ночи, и эти невидимые, но чувствуемые штыки — придавали бесѣдѣ что-то особенное, необыкновенное... Все тихо... изрѣдка звякнетъ сабля, долетитъ какое-нибудь слово, заржетъ далеко лошадь, и опять тихо... а тутъ, за горою, — недремлющій врагъ, съ которымъ завтра будемъ биться:..

Наши мечты рвались Богъ знаетъ куда, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ...

Часа черезъ два, рѣчи стали затихать, головы клониться. Я нащупалъ недалеко отъ себя мѣшокъ съ овсомъ, притянулъ его подъ головы, легъ и задремалъ ту же минуту. Немного спустя что-то меня разбудило. Я всталъ и пошелъ поглядѣть мою лошадь. Все спало въ кустахъ. Только голосъ сотника Попова раздавался по временамъ и сыпалъ приказанія. Мнѣ скоро попался мой кучеръ и спросилъ пренаивно: «Кто-же тутъ сѣна отпуститъ?» Тогда только я подумалъ: какъ это странно сдѣлалось, что мы забыли о самыхъ простыхъ и существенныхъ вещахъ. Сотникъ Поповъ очутился подлѣ меня и услыхалъ вопросъ кучера: «Кто сѣна отпуститъ? сказалъ онъ: какое тутъ тебѣ сѣно, коли не взялъ своего. Ты вотъ наломай зеленыхъ сучьевъ, да и брось ей подъ морду-то! вотъ и все!» — Да и самому-то бы мнѣ поисть, заговорилъ опять наивный степнякъ: не позволите-ли хошь съ казаками? — «Мои казаки питаются, братъ, акридами, да и тѣхъ только про себя!» замѣтилъ, усмѣхнувшись, сотникъ и снова пропалъ въ потьмахъ...

Я далъ кучеру денегъ, велѣвъ отыскать маркитанта 6-го корпуса, а самъ вернулся опять на коверъ и хотѣлъ заснуть, но не могъ. Я смотрѣлъ на небо, усѣянное звѣздами, на туманные абрисы горъ и слушалъ тихій шелестъ ночи, а сердце билось...

Непріятель точно не дремалъ въ эту минуту.

Прежде, нежели стану говорить о его распоряженіяхъ передъ боемъ, необходимо описать мѣстность, гдѣ предстояло быть сраженію, и позицію, которую занимали союзники.

Между Мекензіевой горой и Балаклавскими высотами лежала длинная долина (верстъ 10 въ длину и версты $1^1/_2$ въ шир. [1]), перерѣзанная въ концѣ, ближайшемъ къ Севастополю, Черной рѣчкой, черезъ которую, почти на серединѣ долины, шелъ извѣстный каменный мостъ, pont de Traktir, какъ его называли Французы, по причинѣ трактира [2]), стоявшаго когда-то влѣво отъ дороги, по сю сторону рѣчки.

Въ верстѣ слишкомъ отъ этого моста, на нашемъ или правомъ берегу, находилась небольшая возвышенность, называемая Телеграфической горой, которая тянулась влѣво, къ Балаклавскому хребту, параллельно Черной рѣчкѣ.

На этой горѣ, какъ сказано не разъ, стояли Пьемонтскіе аванпосты.

Нѣсколько далѣе, уже за рѣчкой, поднималась Гасфортова гора, занятая Пьемонтскими и Турецкими войсками.

---

[1]) Въ началѣ, отъ высотъ Шули, она имѣла названіе Мокрой Луговины, а далѣе называлась Долиной Черной рѣчки.

[2]) Онъ принадлежалъ помѣщицѣ Ревильотти, владѣтельницѣ села Чоргунъ, и существовалъ до конца 1854 года. Кажется Французы соединяли съ словомъ traktir совсѣмъ другое значеніе, выше hôtellerie, и потому ставили передъ нимъ de, какъ передъ собственнымъ именемъ. — Трактирный мостъ представленъ въ Севастопольскомъ Альбомѣ на рисункѣ № 16.

Затѣмъ, направо, такъ же по ту сторону рѣки, тянется довольно далеко ровная мѣстность, служащая какъ бы продолженіемъ долины между Мекензіевой горой и Балаклавскими высотами. Въ концѣ этой долины, близь селенія Кадыковки, стояла кавалерійская дивизія генерала Морриса — 4 полка африканскихъ егерей.

Вправо оттуда, почти противъ моста, въ полуверстѣ отъ него, шли, одинъ за другимъ, три небольшіе плоскіе холма, раздѣляемые оврагами и называвшіеся Ѳедюхиными горами, а также и Уральскими, потому что на нихъ, въ концѣ 1854 и въ началѣ 1855 года, стояли наши Уральскіе казаки.

На первомъ изъ этихъ холмовъ расположена была, на скатѣ къ мосту, 1-я бригада дивизіи Фошё (2-й зуавскій полкъ и 19-й стрѣлковый батальонъ) съ 6-ю батареею 13-го артиллерійскаго полка.

На другомъ холмѣ, немного выше перваго, на правомъ скатѣ, ближайшемъ къ рѣчкѣ, находилась 2-я бригада дивизіи Фошё (генералъ Фальи, съ 95-мъ и 97-мъ линейными полками) и 1-я бригада (немного болѣе бригады) дивизіи Каму (50-й линейный и 3-й зуавскій полки) съ 3-й батареей 2-го артиллерійскаго полка.

Наконецъ, на послѣдней возвышенности, ближе къ лѣвому скату, расположена была 2-я бригада (нѣсколько менѣе бригады) дивизіи Каму (6-й и 82-й линейные полки, съ 1-й батареей 13-го артилллерійскаго полка).

Въ резервѣ, за этими войсками, стоялъ генералъ Клеръ, съ 62-мъ и 73-мъ линейными полками и пятью конными батареями, изъ коихъ двѣ были гвардейскія.

Правѣе Ѳедюхиныхъ горъ шла извѣстная Сапунъ-гора, на скатѣ которой, къ Инкерману, не вдалекѣ отъ Канроберова

редута [1]), помѣщалась 1-я бригада дивизіи Гербильона (47-й и 53-й линейные полки, при 14-мъ стрѣлковомъ батальонѣ).

Командованіе всѣми войсками на этой позиціи поручено было генералу Гербильону [2]).

Еще гораздо прежде, нежели мы рѣшились идти на Өедюхины горы, Французы догадывались о нашемъ намѣреніи. Они знали также, что къ намъ прибыли новыя силы.

Нѣсколько дней сряду генералъ Гербильонъ получалъ отъ генерала д'Аллонвиля, съ высотъ, окружающихъ Байдарскую долину, телеграфическія депеши о переходахъ и сборахъ нашихъ войскъ въ одно мѣсто. На это не обращалось большаго вниманія.

Точно также получена депеша отъ $^3/_{15}$ августа, прерванная наступленіемъ ночи, гдѣ говорилось, что Русскіе были въ движеніи цѣлый день [3]).

Гербильонъ и на этотъ разъ не сдѣлалъ никакихъ приготовленій.

Между тѣмъ наши войска, еще съ вечера 3-го августа, начали спускаться съ Мекензіевой горы.

---

[1]) Иначе Инкерманскій редутъ (redoute d'Inkermann). Не надо смѣшивать этого редута съ Канроберовой батареей, находившейся на высотѣ, вправо отъ Георгіевской балки (отъ нихъ вправо).

[2]) Онъ самъ, во время боя, какъ увѣрялъ меня одинъ Французъ, бывшій при немъ, находился на средней Өедюхиной горѣ, близь 95-го линейнаго полка.

[3]) Въ добавленіе къ этой депешѣ (какъ разсказывалъ мнѣ тотъ же Французъ) — прискакалъ къ нимъ, часовъ въ 10 ночью, съ 3-го на 4-е августа, Татаринъ, и объявилъ, что Русскіе двигаются къ Чорчуну. Татаринъ этотъ уже успѣлъ побывать въ Главномъ штабѣ французской арміи и получилъ тамъ деньги, а тутъ выпросилъ еще. (Послѣ узнали, что онъ служилъ и имъ, и намъ). Французы и тутъ не сдѣлали никакихъ особенныхъ приготовленій на Өедюхиныхъ, только послано сказать генералу д'Аллонвилю, чтобы онъ двинулся къ Варнауткѣ. — Часу во второмъ ночи эскадронъ африканскихъ егерей отправился въ разъѣздъ и попалъ между нашихъ войскъ близь Чоргуна. Одинъ егерь быстро повернулъ лошадь и уска-

Отрядъ генерала Липранди — 17-я пѣхотная дивизія, съ 3-мя батареями [1]) — спустился прежде всѣхъ и взялъ направленіе влѣво, къ Телеграфической горѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ двинулся и Реадъ съ 12-й и 7-й дивизіями и артиллеріей.

Потомъ стали спускаться 5-я и 4-я пѣхотныя дивизіи (резервъ передовыхъ отрядовъ).

Часть 6-й и вся кавалерія спускалась влѣво, по Шулійской дорогѣ.

Отрядъ генерала Реада, дойдя до мѣста, называемаго «Новымъ редутомъ» [2]), остановился. Въ это время свѣтилъ еще мѣсяцъ.

Генералъ Реадъ, лежа на травѣ, спросилъ у адъютанта начальника штаба, ротмистра Сталыпина: «съ какой стороны вы увидѣли мѣсяцъ?»

— Съ правой, ваше высоко превосходительство! —

«А я такъ съ лѣвой, сказалъ Реадъ: говорятъ, это не хорошо!»

Когда начало брезжить, 12-я и 7-я дивизіи тронулись съ мѣста, и дойдя до уступовъ, сосѣднихъ съ Телеграфической горою, поставили на нихъ свою артиллерію.

Въ это время въ отрядѣ Липранди послышались выстрѣлы:

калъ въ свой лагерь, гдѣ явился къ генералу Моррису и сказалъ, что эскадронъ погибъ. Моррисъ послалъ на Ѳедюхины... Между тѣмъ дѣло началось въ отрядѣ Липранди. Егеря однако же спаслись всѣ, кромѣ одного, который былъ убитъ шальнымъ ядромъ, при переправѣ черезъ Черную рѣчку.

[1]) 1-я батарейная батарея 16-й артил. бригады — 12 орудій, 3-я батар. батарея 17-й артил. бригады, — 8 орудій и 2-я легкая 16-й артил. бригады — 12 орудій. Всѣхъ 32.

[2]) На отлогости Мекензіевой горы, вправо отъ главной дороги, къ мосту, гдѣ она имѣетъ особый поворотъ къ Чорчуну. — У Французовъ: redoute Gortchakoff.

онъ атаковалъ Телеграфическую гору. Это произведено такимъ образомъ:

Полки 17-й дивизіи (Бородинскій и Тарутинскій въ 1-й линіи, а потомъ Московскій и Бутырскій), подойдя, еще въ потьмахъ, къ Телеграфической горѣ, залегли передъ нею въ кустахъ. Все было тихо. Съ приближеніемъ разсвѣта приказано Тарутинцамъ подняться и атаковать гору. Тарутинцы, подъ командой генералъ-майора Гордѣева, разсыпавъ застрѣльщиковъ, двинулись впередъ. Вскорѣ грянуло нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ — и первый завалъ Пьемонтскихъ аванпостовъ былъ взятъ, можно сказать, одними застрѣльщиками. Пьемонтцы отступили къ своему редуту, влѣво, и спѣшили переправиться на ту сторону Черной рѣчки, гдѣ стояли ихъ главныя силы.

Этому движенію Пьемонтцевъ и очищенію редута способствовалъ также генералъ-лейтенантъ Бельгардтъ, явившійся у Чоргуна, съ остальными частями лѣваго отряда. Согласно диспозиціи, онъ расположилъ войска такимъ образомъ: на *Безымянной горѣ:* Симбирскій полкъ, 2 батальона Низовскаго и 2 Днѣпровскаго; 3-й стрѣлковый батальонъ, греческій легіонъ, саперную роту и двѣ батареи: 4-ю батарейную 6-й артиллерійской бригады (12 орудій), подъ командой подполковника Рагозинскаго, и 1-ю батарейную 7-й артилл. бригады (12 орудій), подъ командой подполковника Бормана. На *Артиллерійской горѣ:* остальные 2 батальона Низовскаго и 2 бат. Днѣпровскаго полковъ [1]), 8-ю легкую батарею 6-й артилл. бригады, подъ командой капитана Викгорста и взводъ горной артиллеріи.

Когда Тарутинцы двинулись, батарея Бормана «первая» от-

---

[1]) Симбирскій имѣлъ, приблизительно, тысячи двѣ чел., Днѣпровскій до 1200; низовскій до тысячи человѣкъ.

крыла огонь по Телеграфической горѣ. Было ровно 4 часа. Послѣ 10-го выстрѣла, непріятель сталъ отвѣчать съ Гасфортовой горы и осы́палъ Безымянную гору снарядами. Тогда пристроилась къ Борману батарея Рагозинскаго и начала дѣйствовать по Гасфортовой горѣ. Капитанъ Викгорстъ стрѣлялъ не долго: онъ сдѣлалъ только 8 выстрѣловъ, по редуту Пьемонтцевъ на Телеграфической горѣ, и за тѣмъ прекратилъ огонь, замѣтивъ, что его снаряды туда не долетаютъ. Двѣ же другія батареи стрѣляли съ успѣхомъ часовъ до 10-ти дня, сдѣлавъ отъ 15 до 20 выстрѣловъ на орудіе. Мы заняли всю эту позицію почти безъ боя, при самой незначительной потерѣ.

На редутъ, оставленный Пьемонтцами, взъѣхала 3-я батарейная батарея 17-й бригады, подъ командой подполковника Христіановича, а 1-я батарейная батарея 16-й бригады, подъ командой подполковника Кондратьева, расположилась нѣсколько правѣе , почти насупротивъ французской батареи капитана Сальи, стоявшей на склонѣ ближайшей изъ Ѳедюхиныхъ горъ.

Мѣстность позволила Кондратьеву построить батарею, имѣя въ интерваллѣ между орудіями 30 шаговъ. Онъ открылъ артиллерійскій огонь по непріятелю [1]) и не смотря на большое разстояніе (глазомѣрно 650 сажень) разстроилъ батарею Сальи и взорвалъ у него одинъ ящикъ; послѣ чего прискакали на помощь къ Сальи еще двѣ батареи, но всѣ онѣ вредили нашей артиллеріи очень мало, потому что были заняты дѣйствіемъ по пѣхотѣ, которая вскорѣ (какъ увидимъ ниже) двинулась на Ѳедюхины. Къ тому-же калиберъ Французскихъ орудій (приблизительно 8-ми-фунтовый) былъ на такомъ разстояніи мало дѣйствителенъ: 1-я батарейная батарея 16-й артил. бригады потеряла во все время боя 2-хъ нижнихъ чиновъ и двѣ лошади.

---

[1]) Это было почти черезъ часъ по занятіи Телеграфической горы.

За то ея выстрѣлы памятны Французамъ.

Начальникъ артиллеріи 6-й артиллерійской дивизіи, генералъ-майоръ Кишинскій подъѣзжалъ къ подполковнику Кондратьеву нѣсколько разъ и благодарилъ лично отъ себя и отъ корпуснаго командира за мѣткую стрѣльбу. А потомъ благодарилъ его и самъ главнокомандующій.

Между тѣмъ нашъ лагерь вставалъ. Я слышалъ, какъ въ потьмахъ, по крѣпкой дорогѣ, шагахъ въ 10-ти отъ нашихъ палатокъ, проскакалъ главнокомандующій со своимъ штабомъ. Кругомъ раздавались голоса; чувствовалось увлекающее движеніе войны. Я бросился искать свою лошадь: ея не было! Мой наивный степнякъ-кучеръ увелъ ее поить и пропалъ совершенно по деревенски. О, какія это были мучительныя минуты! Всѣ уже сидѣли на коняхъ и ждали появленія дежурнаго генерала. Стало свѣтать. Я глядѣлъ безпокойно по сторонамъ... Богъ знаетъ что̀ приходило въ голову... наконецъ, смотрю: выдвигается изъ мрака очень знакомая фигура, въ одной рубашкѣ, волосы въ кружокъ и, какъ водится, безъ шапки...

Генералъ показался съ правой стороны, верхомъ, въ шинели въ-накидку. Мы тронулись по дорогѣ налѣво, потомъ повернули вправо, и проѣхавъ около версты, стали спускаться.

Видъ былъ великолѣпный: внизу, далеко, безконечная равнина; по ней двигались штыки, зарядные ящики, орудія и кавалерія, все это мелко и туманно, такъ что едва отличишь всадника отъ пѣшаго. По ту сторону разнообразные холмы, зарумяненные зарею. Мы ѣхали тихо, съ трудомъ пробираясь между зарядными ящиками 4-й дивизіи, которая спускалась послѣ всѣхъ. Сердце билось. Всѣ молчали и смотрѣли вдаль, на роковое поле. Черезъ минуту, въ концѣ долины, верстахъ

въ двухъ отъ насъ, заклубились бѣлые облака: это былъ дымъ нашихъ орудій на Телеграфической горѣ.

Мы спустились подъ гору и, обогнавъ резервы (4-ю и 5-ю дивизіи съ ихъ артиллеріей и часть кавалеріи), поворотили влѣво, подымаясь по незначительному скату, между мелкими кустами. Этотъ скатъ былъ началомъ Телеграфической горы, только-что занятой полками 17-й дивизіи.

Мы ѣхали шагомъ, поминутно подымая дупелей, которые тутъ же и тыкались въ кусты, не зная, чтò имъ дѣлать въ гористыхъ мѣстахъ, куда они залетѣли вѣроятно въ первый разъ отъ роду, встревоженные среди своихъ трясинъ движеніемъ войскъ и громомъ батарей.

Скоро кругомъ насъ запрыгали ядра и стали хлопать гранаты. Сначала чувствовалось неловко среди этихъ свистовъ и взрывовъ, несмотря на Севастопольскую подготовку. Но скоро тревоги улеглись, я успокоился и даже, вынувъ бумажникъ, начертилъ въ немъ линіи противоположныхъ горъ.

Влѣво, за рѣчкой, немного наискось отъ того мѣста, гдѣ мы остановились, зеленѣлъ лугъ. Вправо тянулись бѣлые Ѳедюхины холмы, лишенные всякой растительности. Видно было, какъ Французы строились въ колонны...

Генералъ Реадъ, услыша выстрѣлы въ отрядѣ Липранди, также открылъ артиллерійскій огонь (какъ сказано было въ диспозиціи), но, не причиняя почти никакого вреда непріятелю, вскорѣ прекратилъ безполезную стрѣльбу, по совѣту своего начальника артиллеріи, генералъ-лейтенанта Гагемана.

Между тѣмъ главнокомандующій послалъ къ нему своего адъютанта съ приказаніемъ: «начинать!» Въ ту мунуту, когда адъютанта отправляли, Реадъ не открывалъ еще огня, но когда адъютантъ поскакалъ, — дѣйствіе артиллеріи праваго фланга уже началось.

Адъютантъ подъѣхалъ къ Реаду и сказалъ: «главнокомандующій приказалъ начинать!»

— Чтò значитъ «начинать?» — спросилъ Реадъ.

«Я не знаю, отвѣчалъ тотъ: мнѣ только передано это слово.»

— Стало быть, начинать атаку? продолжалъ Реадъ: потому что предписанное въ диспозиціи нами уже начато, да за этимѣ и не посылаютъ. Скажите же князю, что я начинаю атаку: пускай посылаетъ резервы!

Адъютантъ ускакалъ, а къ Реаду подъѣхалъ Веймарнъ (генералъ-майоръ, начальникъ его штаба) бывшій до того времени впереди, у артиллеріи.

«Надо атаковать!» сказалъ ему Реадъ.

— Какъ атаковать? Зачѣмъ?

Реадъ разсказалъ ему о пріѣздѣ адъютанта. Напрасно Веймарнъ увѣрялъ, что тутъ есть какая-нибудь ошибка и говорилъ, что боевой фронтъ еще не готовъ (не прибылъ уланскій полкъ, которому слѣдовало поддержать правое крыло отряда); Реадъ и самъ понималъ, что дѣло что-то не такъ и вести атаки не должно, но онъ былъ человѣкъ точный, немного свѣжій въ Крыму, не знавшій нашихъ порядковъ; къ тому же онъ увѣдомилъ главнокомандующаго, что начинаетъ атаку... дѣло приняло другой смыслъ: и потому, сообразивъ все это, двинулъ 12-ю дивизію на мостъ.

Она легко заняла предмостные ложементы непріятеля и перешла рѣчку, частію по мосту, частію въ бродъ, потому что Французы обрубили спуски и приготовленные нами мосты оказались короткими.

Наши неслись, подъ огнемъ картечи, по выраженію самихъ Французовъ [1]), «какъ лавина, свергаемая бурей съ высоты

---

[1]) Базанкуръ, II, 386

горъ» — разница была только въ томъ, что этой лавинѣ пришлось не свергаться съ горы, а лѣзть на гору.

Французы спрашивали послѣ, какъ называются полки, шедшіе въ эту славную атаку, и записали ихъ имена. Эти полки, заслужившіе честную похвалу столь же храбрыхъ и стойкихъ противниковъ, были: Украинскій, Одесскій и Азовскій.

Первыя колонны непріятелей опрокинуты. Это былъ генералъ Фальи со 2-ю бригадою дивизіи Фошё (а частію и 1-я бригада той-же дивизіи.) Но получивъ въ подкрѣпленіе 73-й линейный полкъ (стоявшій въ резервѣ съ генераломъ Клеромъ) онъ двинулся впередъ и снова оттѣснилъ нашихъ къ мосту.

Мы понесли при этомъ огромныя потери. Больше половины офицеровъ выбыло изъ фронта. Убитъ командиръ Одесскаго полка полковникъ Скюдери [1]).

7-я дивизія также перешла рѣку и обводный каналъ (иные увѣряютъ, что перешла только часть, а другая, бо́льшая, все время оставалась на этомъ берегу, подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля) и встрѣчена штыками 50-го линейнаго и 3-го зуавскаго полковъ. 82-й линейный, спустившись съ задняго холма, ударилъ 7-й дивизіи во флангъ.

Въ то же время, слѣва (отъ нихъ справа) стали наступать 2 батальона 62-го и батальонъ 73-го линейныхъ полковъ (остальной резервъ), подъ командой самого Клера, и соединясь съ первой бригадой дивизіи Фошё, обошли нашихъ.

12-я дивизія бьется не вдалекѣ отъ моста (по ту сторону рѣчки), ожидая помощи... одинъ солдатъ прибѣжалъ оттуда къ Реаду, стоявшему близь Екатерининской мили, по сю сторону рѣки, въ 450-ти шагахъ отъ моста, и сказалъ: «ваше

[1]) Портретъ его въ Художествен. Листкѣ, 1857, № 12.

превосходительство, дайте намъ резервы: непріятель одолѣлъ совсѣмъ!»

Каково услышать это отъ простаго солдата и не имѣть средствъ помочь! Реадъ отвѣчалъ ему грустно: «Я самъ ожидаю резервовъ, а теперь, видишь, ничего нѣтъ!»

Резервы были еще далеко.

Главнокомандующій, получивъ донесеніе отъ посланнаго, что Реадъ атакуетъ, удивился.

«Такъ онъ атакуетъ? Ну, нечего дѣлать... остается поддержать!»

Онъ послалъ, какъ разсказывали послѣ, штабсъ-капитана генеральнаго штаба барона Мейендорфа привесть 5-ю дивизію. Мейендорфъ, помня, что эта дивизія идетъ съ Мекензіевой горы, поскакалъ туда, и встрѣтивъ первыя попавшіяся ему колонны, закричалъ: «за мной! приказалъ главнокомандующій!» Но потомъ, уже на дорогѣ, спохватился, что это не 5-я дивизія, а 4-я (5-я прошла уже этимъ мѣстомъ и направилась влѣво къ отряду Липранди) — онъ бросился туда, и видя, что потерялъ много времени, велѣлъ людямъ бѣжать бѣгомъ. Они прибыли на мѣсто чрезвычайно утомленные и все-таки поздно: 12-я дивизія почти не существовала; въ рядахъ ея послышался отбой... Тогда Веймарнъ сказалъ окружающимъ: «Ну, теперь сраженіе проиграно!»

Разумѣется, уже нечего было и думать о занятіи Гасфортовой горы: минута прошла! оставалось спасать разбросанные клочки отступающихъ полковъ.

Генералъ Липранди двинулъ съ Телеграфической горы полки Бутырскій и Московскій. Они прошли въ интервалы батареи Кондратьева и переправились на ту сторону рѣчки, въ бродъ.

Главнокомандующій Сардинской арміи, замѣтя это движеніе,

спустилъ съ Гасфортовыхъ высотъ 2-ю дивизію своего корпуса, подъ командой генерала Тротти, при двухъ батареяхъ.

Наши полки быстро опрокинуты назадъ. Въ помощь имъ пошелъ Бородинскій полкъ и также не имѣлъ успѣха [1])

Одновременно съ движеніемъ Бородинцевъ, Реадъ, получа приказаніе главнокомандующаго, направилъ 5-ю дивизію на мостъ.

Начальникъ этой дивизіи, генералъ-лейтенантъ Вранкенъ, былъ раненъ, еще до дѣйствія, пулей въ руку. Веймарнъ принялъ послѣ него команду и выдвинулъ впередъ 2 полка.

Къ этому времени Французы успѣли поставить на противоположной сторонѣ 7 батарей, подъ начальствомъ полковника Форжò; между тѣмъ изъ города прибыли, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ, новыя силы: дивизія Левальяна, дивизія Дюлака и гвардія [2]).

Полки, предводимые генераломъ Веймарномъ, подпущены непріятелемъ очень близко и вдругъ встрѣчены сильнѣйшимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Первый батальонъ повернулъ назадъ. Веймарнъ бросился къ нему самъ, удержалъ батальонъ у самаго моста и намѣревался лично вести его въ бой, но едва выѣхалъ передъ фронтъ, какъ упалъ съ лошади, пораженный пулей въ лобъ. Лошадь ускакала... адьютантъ генерала, ротмистръ Сталыпинъ, соскочивъ мгновенно съ лошади,

---

[1]) Всѣ эти три полка (Московскій, Бутырскій и Бородинскій) понесли большія потери: имѣвши до этой атаки около полуторы тысячъ въ полку, воротились, имѣя отъ 500 до 700 человѣкъ въ полку.

[2]) Наши войскà, стоявшія около Малахова кургана, для предполагавшейся вылазки, которая, въ слѣдствіе неудачи на Черной, не состоялась, замѣтили, что непріятельскія траншеи впереди ихъ почти совсѣмъ опустѣли. Въ иныхъ не осталось никого: все это двинулось на Ѳедюхины.

подбѣжалъ къ любимому имъ начальнику [1]), поднялъ его и перенесъ въ задніе ряды дивизіи, гдѣ, взявъ носильщиковъ, понесъ убитаго дальше. Онъ насилу нашелъ для этого людей: всѣ кипѣли боемъ и никому не хотѣлось выходить изъ фронта.

Вскорѣ за тѣмъ палъ и Реадъ, подлѣ Екатерининской мили, пораженный ядромъ или картечью.

Полки 5-й дивизіи двинулись подъ начальствомъ своихъ командировъ, перешли мостъ и дистигли до французскихъ лагерей. Вологодскій полкъ шелъ, на Ѳедюхиныхъ горахъ, подъ командой майора Давыдова, который былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Послѣ него команду принялъ какой-то подпоручикъ [2]).

Бельгардтъ также получилъ приказаніе слѣдоватъ по направленію къ мосту съ 8-ю батальонами, оставивъ прочія части на Безымянной горѣ. Симбирскій полкъ, 2 батальона Низовскаго и 2 Днѣпровскаго двинулись. Это было въ половинѣ восьмаго. Батареи непріятеля загремѣли. Все потонуло въ дыму. Ружейные выстрѣлы въ сторонѣ моста раздавались подобно рокоту безчисленныхъ барабановъ.

Черезъ часъ пальба стихла, дымъ разсѣялся и мы увидѣли, что наши войскà отступили и строятся сзади въ колоннахъ: пѣхота заняла часть Телеграфической горы, а кавалерія осталась на томъ же мѣстѣ, гдѣ стояла вначалѣ боя, то-есть у подножія Мекензіевой горы.

Бой кончался. Разсыпанные по кустамъ, въ полуверстѣ отъ рѣчки, штуцерные стали подыматься въ гору и уходить. Перестрѣлка прекратилась, только долго взвивался въ долинѣ, передъ самой рѣчкой, чей-то одинокій дымокъ. Главнокоманду-

---

[1]) Веймарна любили всѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ храбрыхъ, образованныхъ и симпатичныхъ генераловъ нашей арміи. Портретъ его въ Художественномъ Листкѣ, 1856, № 20.

[2]) Слышалъ отъ солдатъ Вологодскаго полка.

ющій велѣлъ узнать, кто тамъ стрѣляетъ. Трое казаковъ спустились внизъ верхами и отозвали стрѣлявшаго. Это былъ высокій, здоровый солдатъ, принесшій, не задолго передъ тѣмъ, въ гору, на своихъ плечахъ, троихъ раненыхъ и опять спустившійся внизъ стрѣлять. Главнокомандующій, узнавъ объ этомъ, кликнулъ солдата къ себѣ, своеручно повѣсилъ ему георгія и спросилъ: «какъ тебя зовутъ?» — Матвѣй Щелкуновъ. — «Откуда ты родомъ?». — Изъ Сибири, изъ Енисейской губерніи. — «А много тамъ внизу раненыхъ?» — Много; я было хотѣлъ еще принесть, да не въ мочь. Лафетъ стоитъ: его пробовалъ — и не подвинешь! — «А можешь ты указать отсюда, гдѣ лежатъ раненые?» — Отчего не указать: вонъ тамъ, подъ горкой лежитъ, а подъ тѣмъ кустикомъ двое лежатъ!

Послали казаковъ и они подобрали раненыхъ на сѣдла.

Непріятель (можно сказать, въ заключеніе спектакля) поставилъ на ближайшихъ къ Ѳедюхинымъ отлогостяхъ Сапунъ-горы ракетную батарею [1]) и сталъ пускать ракеты въ нашу кавалерію. Первыя 5 — 6 ракетъ не долетѣли, а послѣдующія ложились удачно, не рѣдко въ самую середину колоннъ, не разстроивая ихъ, однакоже, нисколько и не причиняя большаго вреда. Эскадроны стояли неподвижно.

Такъ, глядя другъ на друга, пробыли двѣ арміи, почти безъ всякого дѣйствія, около двухъ часовъ.

На мосту виднѣлось много народу, всадниковъ и пѣшихъ. Они смотрѣли въ нашу сторону, какъ смотрятъ на спектакль. Кажется, это былъ главнокомандующій французской арміи со своимъ штабомъ.

---

[1]) Кажется, на своемъ Инкерманскомъ редутѣ.

Въ 3-мъ часу пополудни нашимъ войскамъ велѣно отступить обратно къ Мекензіевой.

Дежурный генералъ поѣхалъ на нижній перевязочный пунктъ. Мы тронулись за нимъ, провожаемые послѣдними ядрами, которыя, рикошетируя, уносились очень далеко...

Нижній перевязочный пунктъ былъ устроенъ какъ разъ подъ верхнимъ, въ одномъ ущеліи, на половинѣ разстоянія отъ Телеграфической горы до Мекензіева спуска. Раненные, свозимые туда въ полуфуркахъ и приносимые на носилкахъ, лежали на травѣ, ожидая перевязокъ. Изрѣдка слышались стоны. Болѣе всего было раненыхъ пулями. Одному пуля попала въ ротъ. Онъ не могъ говорить и только показывалъ пальцемъ на свой разбитый и распухшій языкъ...

Осмотрѣвъ этотъ пунктъ, генералъ поѣхалъ дальше. Въ это время по всей долинѣ тянулись, гдѣ въ порядкѣ, а гдѣ и въ разсыпную, наши сѣрые солдаты. Иные садились подъ кустами и отдыхали. Другія разряжали ружья, посылая къ чорту сердитыя пули...

Мы поднялись на верхній перевязочный пунктъ. Это было ровное мѣсто, на самой Мекензіевой горѣ, выбранное заранѣ и уставленное палатками и землянками. Въ серединѣ, на площадкѣ, шириною сажень въ 50, лежали на землѣ раненные, прибывавшіе безпрестанно: ихъ подвозили снизу на полуфуркахъ. Иногда, подлѣ землянокъ, пробирались носилки: солдаты несли бережно своего командира. Вся площадка была набита народомъ, который бѣгалъ и суетился. Въ нѣсколькихъ большихъ палаткахъ дѣлались ампутаціи. Докторамъ помогали сестры милосердія.

Было около 5 часовъ, когда мы воротились на позицію. Тутъ я почувствовалъ нужду въ палаткѣ. Оставаться на солнцѣ, послѣ такого утомленія, было нестерпимо. Къ счастію

сотникъ Поповъ, который умѣлъ вездѣ являться очень кстати, на службѣ и въ дружбѣ, какъ нарочно встрѣтился со мною, когда я подъѣзжалъ къ нашимъ кустамъ, и раздумывалъ, гдѣ-то сосну. Онъ понялъ тотчасъ, о чемъ я раздумывалъ и пригласилъ меня въ свой наметъ, устроенный изъ казацкихъ пикъ и покрытый бурками и шинелями. Подлѣ стоялъ фургонъ, набитый разнымъ съѣстнымъ добромъ [1]). Я бросился подъ тѣнь гостепріимнаго Донскаго шатра и черезъ минуту уже спалъ...

Когда я проснулся, было темно. Звѣзды глядѣли какъ и наканунѣ, только мы глядѣли на нихъ иначе. Сотникъ улаживалъ чай...

На другой день мы встали очень поздно. Пріятель мой затѣялъ обѣдъ, но его варили, варили и подали уже къ вечеру, мнѣ одному, потому-что хозяинъ уѣхалъ на мѣсто сраженія, взглянуть, не осталось-ли тамъ раненныхъ. Раненные дѣйствительно оказались: они приползли съ разныхъ сторонъ, и были подобраны захваченными сотникомъ казаками и привезены на позицію.

Едва я успѣлъ пообѣдать, какъ меня потребовали къ генералу: онъ далъ мнѣ порученіе, съѣздить на Сѣверную и купить тамъ десятка два быковъ.

Я сѣлъ на коня, взялъ двухъ казаковъ и поскакалъ. Къ кому было обратиться, какъ не къ Александру Ивановичу: онъ могъ указать лучше всякого другаго, гдѣ и у кого на Сѣверной имѣются быки.

Часовъ въ 10 ночи мы подъѣхали къ широкой палаткѣ базарнаго главнокомандующаго. Войдя подъ навѣсъ, я ту же минуту услышалъ звонкій голосъ Александра Ивановича, раздававшійся за перегородкой, куда ходъ былъ по доскамъ, надъ какой-то темной пропастью, вѣроятно погребомъ для винъ

---

[1]) Въ Севастоп. Альбомѣ рисунокъ 15-й.

и водокъ. Я перешелъ этотъ подъемный мостъ и очутился въ маленькой квадратной комнаткѣ, сгороженной изъ досокъ, пополамъ съ парусиной. Въ переднемъ углу висѣло много образовъ, горѣвшихъ золотомъ. Они были черезчуръ велики и ярки для того сѣраго уголка, гдѣ помѣщались. Налѣво стоялъ диванъ и столъ, за которымъ сидѣлъ Александръ Ивановичъ, окруженный «гражданами новаго Севастополя». Онъ и не называетъ ихъ иначе, какъ «граждане». Я увидѣлъ сразу, что это былъ прежній, февральскій Александръ Ивановичъ. Онъ узналъ меня тотчасъ и просилъ присѣсть.

«Я пріѣхалъ къ вамъ за дѣломъ, изъ штаба».

— За дѣломъ? позвольте, господа!

Граждане удалились. Остались только ихъ слѣды: водка, рюмки и какія-то лужи на столѣ.

Я сейчасъ объяснилъ хозяину, зачѣмъ пріѣхалъ.

«Э, все это достанемъ! Отвѣчалъ онъ рѣшительно: вы не сомнѣвайтесь!... вотъ ужь поистинѣ торжественный день! Я только съ перевязочнаго пункта: доставилъ туда 35 ведеръ вина и мы розлили его по порціямъ, съ однимъ генераломъ: на бочку по 5-ти ведеръ, чтобы сдѣлать, такъ сказать, лимонадъ: кислоту, невредную для больнаго; то-есть, это приводило воду въ такое положеніе, что было похоже на лимонадъ: и кислота, и букетъ...

— Все это хорошо, но мнѣ надобно быковъ и притомъ сію же минуту.

«А сколько вамъ быковъ?»

— Быковъ 20.

«Есть, есть! Тысячу двадцать, если угодно!... высокій день, торжественный день! И этимъ я обязанъ полковнику Арсеньеву: пріѣзжаетъ, говоритъ: Александръ Ивановичъ, намъ, говоритъ, нужно вина̀, доставьте туда-то! что̀ будетъ

стоить, вамъ отдадутъ. Ала́торцевъ, мой товарищъ, такъ и закипѣлъ: помилуйте, говоритъ, полковникъ, мы развѣ не Русскіе? Намъ не нужно ничего, мы такъ доставимъ... Эй, мальчикъ, дай-ка сюда чаю для господина офицера!»

— Но будетъ поздно, Александръ Ивановичь: къ 5-ти часамъ утра быки должны быть на позиціи!

«Будутъ, раньше будутъ! Эй, кто нибудь! заложить намъ дрожки парой! Мы съ вами поѣдемъ въ Учкуевку: тамъ рѣзня̀ [1]) и тамъ живетъ Иванъ Ивановичь Ала́торцевъ».

Подали чай, которому я чрезвычайно обрадовался. Александръ Ивановичь продолжалъ: «теперича у меня не то, что прежде: другіе размѣры на все. Держу семь лошадей, двѣ телеги, дрожки, коляску: вѣроятно видѣли, — тутъ стои̍тъ! Въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ фельдъегерь отъ Ея Величества Государыни Императрицы, съ корпіей, холстомъ и рубахами; все это въ Бахчисараѣ оставилъ, самъ верхомъ прискакалъ, явился къ начальнику штаба: такъ и такъ, молъ, ваше превосходительство: лошадей нѣтъ, а я вотъ съ чѣмъ пріѣхалъ! Надо вамъ замѣтить: въ то время ни за тысячу рублей нельзя было найдти въ Севастополѣ лошадь. Я услыхалъ объ этомъ произшествіи, представился генералу и говорю: позвольте, ваше превосходительство, я̀ привезу, только съ тѣмъ, чтобы денегъ мнѣ съ васъ не брать, — и привезъ все на своихъ подводахъ! у меня семь лошадей, дрожки, коляска... и теперича мы съ Ала́торцевымъ доставили въ пользу церкви на Сѣверной сторонѣ 600 цѣлковыхъ. Я пошелъ по гражданамъ, говорю тому, другому: никто не отказалъ! Я, можно сказать, старшина въ полномъ составѣ слова. Вотъ взгляните, я вамъ покажу!»

---

[1]) По нашему «бойня». Александръ Ивановичь подхватилъ уже Севастопольское словцо.

И онъ вынулъ изъ кармана бумагу, въ которой утверждался отъ штаба въ званіи базарнаго старшины.

«Прочли? не правда-ли: что́ можетъ быть сильнѣе? И потому все здѣсь передо мною трясется. Самая полиція, на что̀ ужь дѣла̀ тонко ведетъ, какъ тонко, — и та передо мной ничего не можетъ сдѣлать. Здѣсь прежде тѣснили всякую бабу, которая торгуетъ яицами, овощемъ, хлѣбомъ; тѣснили Татарина, который привозитъ курей, масла, молока... съ него полиція наровитъ взять хабара́; да ты съ меня возьми хабара́, говорю я частному, а Татаринъ мнѣ нуженъ: не пріѣдетъ Татаринъ, не придетъ баба: на базарѣ не будетъ ни яицъ, ни курей, ни масла, ни... онъ ввернулъ еще одно словцо, которое ввертывается само-собою у русскаго человѣка, когда онъ расходится.

«И точно: можно сказать, продолжалъ Александръ Ивановичь: это будетъ настоящая практика въ жизни моей, которую я впослѣдствіи покажу! не даромъ я воспитывался въ Коммерческомъ училищѣ въ Санктъ-Петербургѣ, хоть курса и не кончилъ и меня оттуда чуть-чуть не выгнали, потому-что я былъ мальчикъ шалунъ и дерзкій, и покойные родители взяли меня оттуда отъ бѣды прочь, да теперича-то изъ меня вышелъ человѣкъ весьма дѣльный!»

Покамѣстъ онъ говорилъ этотъ монологъ, могшій никогда не кончиться, я напился чаю.

— Я думаю, пора, Александръ Ивановичь: поѣдемъ!

«Готово ли? спросилъ онъ черезъ перегородку. Отвѣчали, что готово. Мы вышли, сѣли и поѣхали. Только вмѣсто дрожекъ оказалась почему-то телега.

Когда мы загремѣли широкой улицей базара, тихо дремавшаго во тьмѣ, Александръ Ивановичь началъ опять:

«Теперича, вотъ видите, базаръ! какъ начали пускать

сюда ракеты, мы съ Алаторцевымъ бѣгали какъ съумасшедшіе, — замѣтьте это въ своей памятной книжкѣ: какъ съумасшедшіе! — и все заливали огонь. А сегодня сколько я избѣгалъ! 38 верстъ избѣгалъ пѣшкомъ!»

Александръ Ивановичъ сѣлъ напротивъ меня, въ передней части экипажа, для бóльшаго удобства разговаривать, и взялъ меня за обѣ руки: «Да, истинно 38 верстъ! Больно то, что этого никто не видитъ! (Мнѣ пришла въ эту минуту на мысль Прасковья Ивановна) Жену 18-ти лѣтъ бросилъ въ Херсонѣ и уѣхалъ сюда на помощь русскому воинству! Его превосходительству, профессору Пирогову отпустилъ для больныхъ сахаръ по своей цѣнѣ, по 45-ти копѣекъ, когда въ Севастополѣ былъ по рублю! Винà боченокъ даромъ подарилъ! На 25 цѣлковыхъ лимоновъ пожертвовалъ, для господъ офицеровъ лимонадъ-газезъ...

Мнѣ вздумалось спросить, сколько было лимоновъ.

«Вы не спрашивайте, сколько, а спросите лучше, какого это было числа, отвѣчалъ, не запинаясь, находчивый Александръ Ивановичъ: — это было 17-го декабря... Вотъ мы и пріѣхали!»

Въ открытомъ полѣ темнѣло нѣсколько изгородей: это были Учкуевскія рѣзни. Мы отыскали рѣзню Алаторцева, разбудили его, условились и поѣхали назадъ. Рѣшено было прислать къ нему казаковъ, а онъ выдастъ имъ быковъ, при двухъ погонщикахъ.

На обратномъ пути Александръ Ивановичъ разсказалъ мнѣ еще нѣсколько своихъ патріотическихъ подвиговъ.

Когда мы воротились, я послалъ въ Учкуевку казаковъ, накормленныхъ безъ насъ до отвалу, а самъ опять вошелъ за перегородку. Александръ Ивановичъ мигнулъ прикащику — и тотъ принесъ намъ бутылку удивительнаго шато - д'икемъ,

какого мнѣ не случалось пивать и въ Россіи. Судите-же, какую цѣну оно имѣло тамъ, на пустынной Сѣверной сторонѣ, въ прохладѣ южной ночи, при гулѣ батарей, и послѣ тревогъ и волненій битвы.

Александръ Ивановичь увѣрялъ, что это вино досталось ему по смерти одного моряка. Онъ купилъ цѣлый погребъ.

За тѣмъ послѣдовала еще бутылка, а тамъ еще... Когда я выѣхалъ и взглянулъ въ сторону Севастополя, бомбы долго мѣшались у меня со звѣздами: и тѣ, и другія прыгали по небу совершенно одинаково.

Ночь была обворожительная. Я ѣхалъ шагомъ, въ самомъ невозмутимомъ настроеніи духа, какъ казалось, одинъ-одинешенекъ среди горъ и полей. Ясно и отчетливо раздавался каждый шагъ моей лошади. Такъ было хорошо, что ѣхалъ-бы цѣлую вѣчность по этимъ горамъ, и пускай-бы все дышала эта прохладная севастопольская ночь...

Я воротился въ лагерь на зарѣ и нашелъ быковъ уже на мѣстѣ: на одной лужайкѣ, подлѣ дороги. Казаки мои тутъ-же спали, при своихъ лошадкахъ. Только погонщики, въ своихъ странныхъ оборванныхъ поддевкахъ, косматые и загорѣлые, стояли поодаль, опершись на свои длинныя палки. Картинка была хоть куда. Немного дальше просыпался лагерь, курились костры, а тамъ, на горизонтѣ, неподвижными бѣлыми облаками вставали горы, слегка озаренныя утромъ.

Мнѣ сказали, что дежурный генералъ уже на перевязочномъ пунктѣ. Я отправился прямо туда. Все приняло другой видъ: раненные лежали въ палаткахъ, каждый былъ напоенъ чаемъ. На площадкѣ, близь самаго обрыва, откуда было видно поле битвы и нижній перевязочный пунктъ, — готовился раненнымъ супъ, слишкомъ въ пятистахъ котлахъ.

Я доложилъ генералу объ исполненіи его порученія. Онъ

велѣлъ сдать быковъ особому коммисару, и потомъ готовиться къ отъѣзду на Инкерманъ.

Воротясь на позицію, я нашелъ весь лагерь въ движеніи. Казаки сѣдлали лошадей. Палатки снимались. Фурштатскія телеги, загроможденныя столами, скамейками и разной рухлядью, гремѣли между пеньками...

Передъ вечеромъ того дня было перемиріе на Черной рѣчкѣ, неподалеку отъ моста. Французы явились въ самыхъ блестящихъ мундирахъ, были очень любезны и даже угощали насъ шампанскимъ. Зуавы обходились съ нашими солдатами совершенно по-братски, дарили имъ трубки, которыя получили отъ императора Наполеона, въ день его именинъ, $^3/_{15}$ августа, наканунѣ битвы [1]). Когда приходилось поднять убитаго, его подымали зуавъ и Русскій, вмѣстѣ, и уносили за черту. Потомъ, разставаясь, зуавъ протягивалъ нашему руку и показывалъ жестомъ, что теперь все кончено, остается только: пукъ! пукъ! а Русскій, въ отвѣтъ, взмахивалъ руками, какъ ходятъ на штыки. И въ этихъ мелочахъ сказывался характеръ обоихъ: одному было сподручнѣе пукать, другой все-бы ходилъ на штыки.

Французы любопытно тѣснились къ нашимъ казакамъ и спрашивали: Донъ? Донъ? — Казаки постоянно обращали на себя ихъ особенное вниманіе. Вотъ что̀ значитъ мѣстное, характерное войско, невызванное никакимъ подражаніемъ.

Между прибывшими на перемиріе Французами, показалась въ нѣкоторомъ отдаленіи амазонка, прикрытая вуалью. Но ее скоро смутили сотни взглядовъ, полетѣвшихъ на ту сторону, — и она удалилась.

Вправо отъ моста, за рѣкой, явилось также нѣсколько Англичанъ, въ оригинальныхъ картузахъ, съ холстинными навѣ-

---

[1]) Fête de l'Empereur.

сомъ сзади. Англичанинъ вездѣ Англичанинъ и къ строгой военной формѣ онъ прицѣпитъ что-нибудь такое, чего не прицѣпитъ никто другой. Наши солдаты имѣли особенное чутье въ угадыванiи Англичанъ. И на этотъ разъ, замѣтивъ кучку въ невиданныхъ картузахъ, сказали утвердительно, немного нараспѣвъ: Англичане!

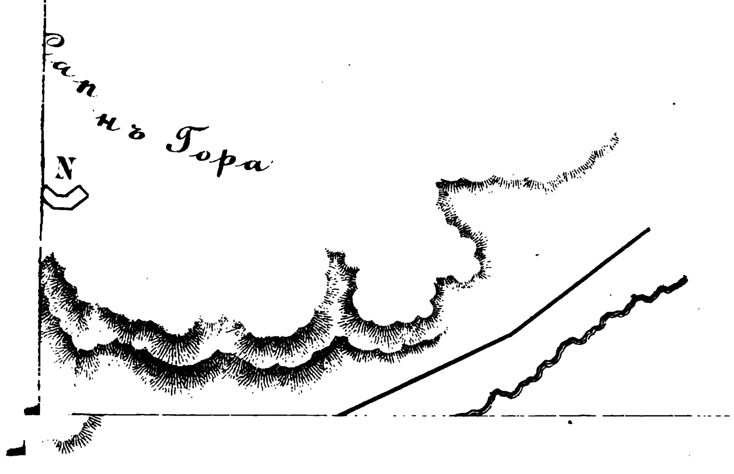
КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОПЕЧАТКИ.

ТОМЪ I.

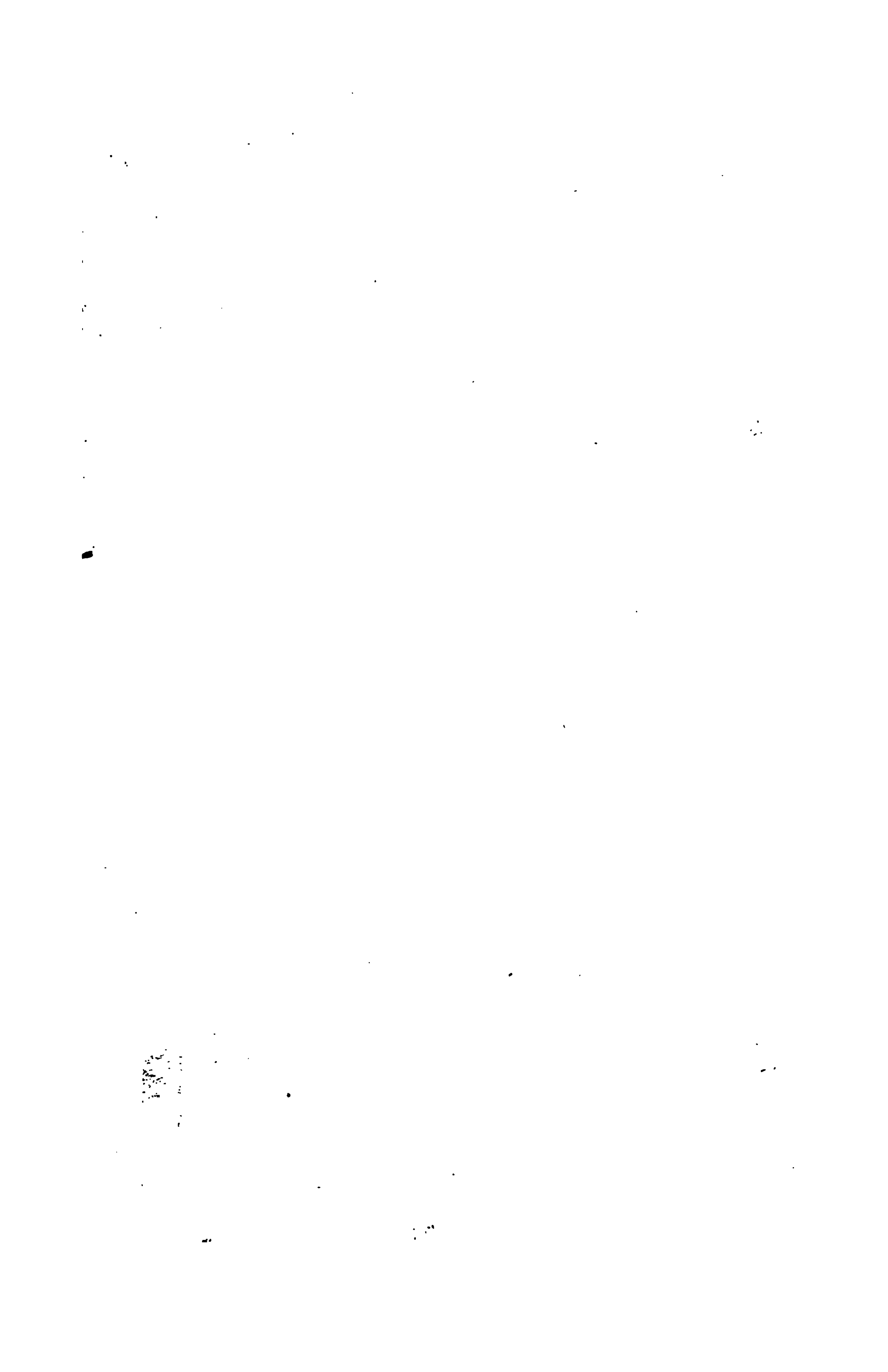
Стран.	строка.	Напечатано.	Должно читать.
9	св. 8	вести	везти
59	последняя	часа [1]).	часа [2]).
73	св. 7	Cdzież	Gdzież
146	— 14	Но	На
181	последняя	бухты [1]).	бухты [2]).
237	сн. 5	но оврагу	по оврагу
243	— 6	артиллерійскаго	артиллерійскаго
244	— 8	Чорчуну.	Чоргуну.
245	св. 16	высоко превосходительство!	высокопревосходительство!
—	сн. 2	Чорчуну.	Чоргуну.

ОЙЪЧКЪ

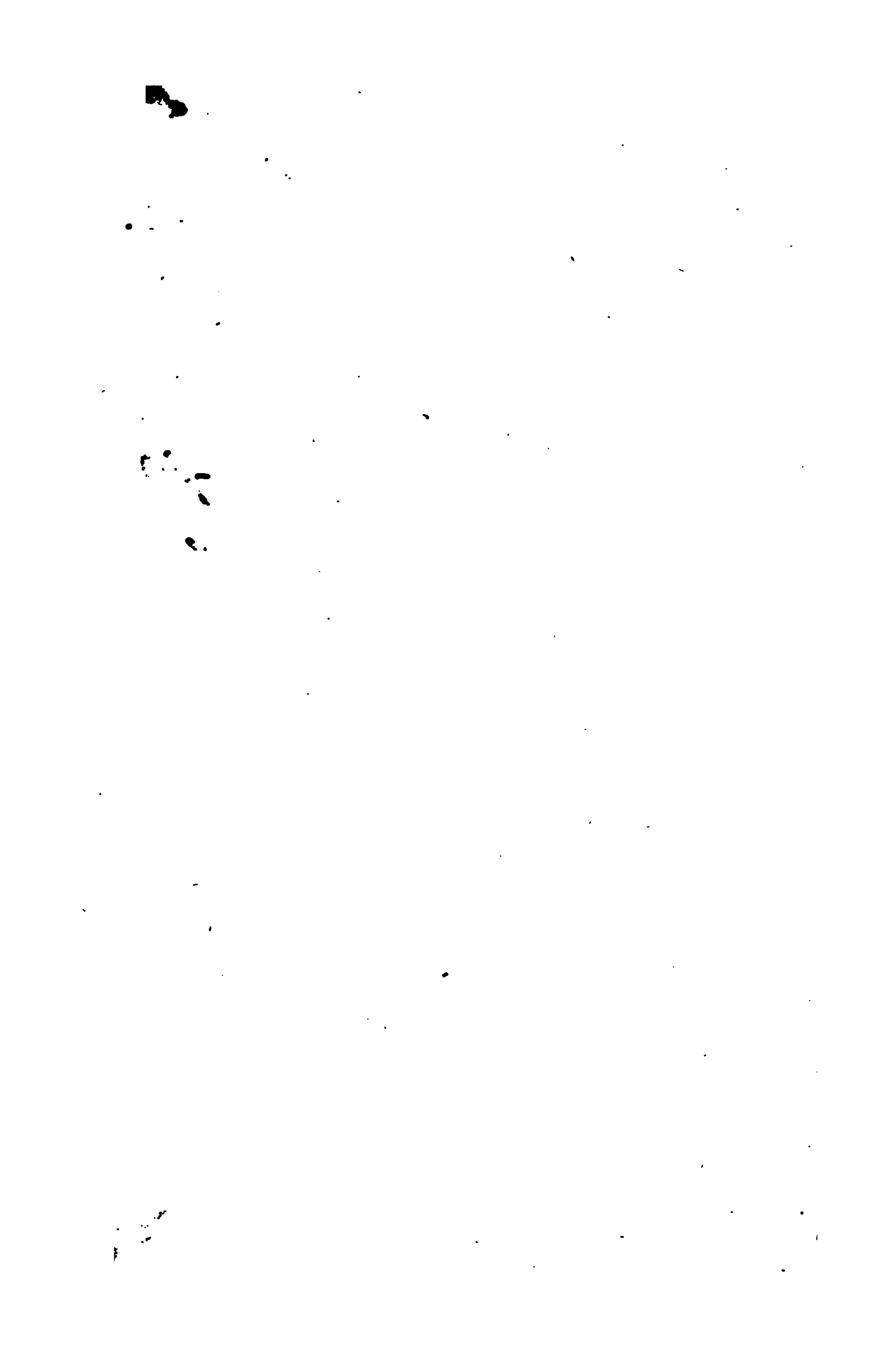

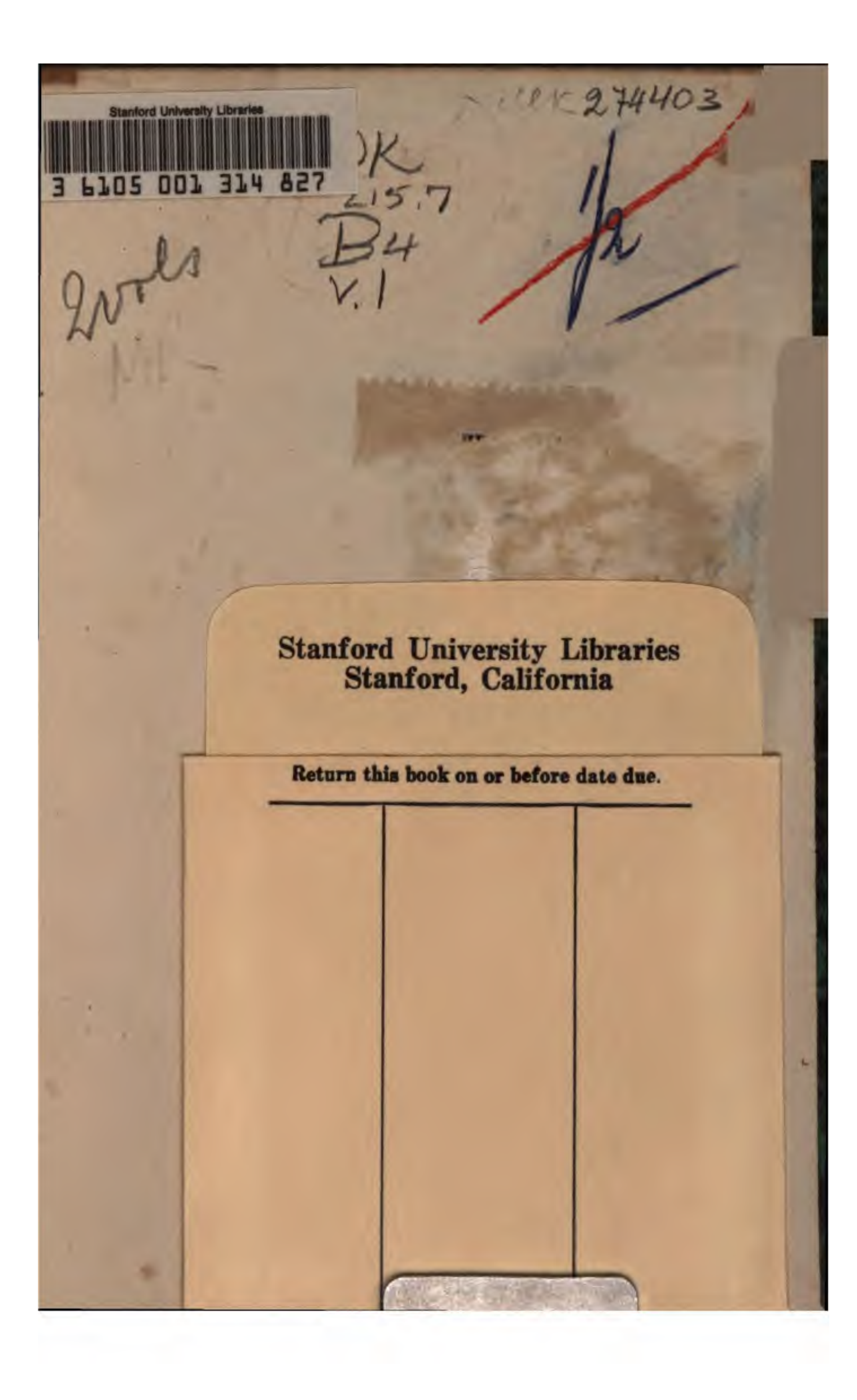
).P_резервуаръ водопровода, гдѣ Африкан-
ярея. Нов.ред._Новый редутъ (Gortcha-
.3ʼй Зуавскій. 50ʼй.л._50ʼй линейный и
тарейная батарея 17ʼй артил. бригады.
й горѣ: а_4ʼа б.б. 6ʼй арт. бриг. b_1ʼа б.б.
батальонныхъ колоннахъ. _ _ _Низовс-
d_8ʼа легкая бат. 6ʼй арт. бриг._
нка. m_Греческій Легіонъ.

Печ.дозв. Москва, Окт. 16 д.1857 г. Ценс. Н.Ф

Stanford University Libraries
3 6105 001 314 827
DK
215.7
B4
V.1
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.

